ЛЕОНИД ЛИХОДЕЕВ

ЗВЕЗДА С НЕБА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о нравственной сущности вещей, явлений, понятий.

- Леонид Израилевич Лиходеев
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДСКАЗАНИЕ ПРОШЛОГО
    - УСПОКОИТЕЛЬНЫЕ ПИЛЮЛИ
    - ОБЕЗЬЯН НАХОДИТ СОБЕСЕДНИКА
    - ШЕРСТЬ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ
    - ИЗГНАНИЕ ТРЁХ КИТОВ
    - ПЛАНКИ ПАЛИСАДНИКА
    - НА ПЯТЬСОТ ЛЕТ РАНЬШЕ СРОКА
    - МСТИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ
    - СИЗИФ И КИБЕРНЕТИКА
    - ОТПУСТИ РУКУ УЧИТЕЛЯ
    - В КНИГУ ЗАБРЁЛ СОКРАТ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРАВИЛА ИГРЫ
    - ЧЕСТЬ ИМПЕРАТОРА
    - ПОДНИМИТЕ ШПАГУ
    - ОТКРЫТЫЙ ТУРНИКЕТ
    - СОБСТВЕННЫЙ АРШИН
    - АВАНС В СЧЁТ ЗАВТРА
    - ГОЛУБИНОЕ СЛОВО
    - ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАНИНА
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Леонид Израилевич Лиходеев
Звезда с неба
Рисунки автора

ПРОЛОГ

Человек снял с неба звезду.

Звезда была горяча, как печёная картошка. Человек перебрасывал её с ладони на ладонь и, обжигаясь, радовался:

— Я сотворю из неё великое дело!

И вдруг он услышал за спиною:

— Поклади назад казённую вещь! Все великие дела уже сотворены!

Человек удивился и обернулся. Ему было интересно — кто бы это мог так высокомерно утверждать, что все великие дела уже сотворены? Дерево? Верблюд? Попугай? Но ни дерева, ни верблюда, ни попугая он не увидел.

Перед ним стоял просто другой человек, похожий на него, как близнец. Он только был чуть-чуть скучнее. И глаза у него были чуть-чуть холоднее. И голос у него был чуть-чуть значительнее. И, глянув на него, человек, снявший с неба звезду, сообразил, что радоваться рановато.

Он правильно сообразил, потому что этот, другой, человек отнял у него звезду и повесил её на место, и звезда погасла. Ибо однажды снятая с неба звезда погибает, если вовремя не превращается в великое дело.

— Из-за тебя только руки обсмолил, — сказал другой человек, дуя себе на ладони, на которых вскочили волдыри.

— Напрасно ты обжёгся! Видишь — она всё равно погасла, ты её не спас. Ты помешал ей превратиться в великое дело, и она не выдержала.

— Ты меня ещё учить собрался?

— Но ты ведь не можешь знать всё наперёд!..

— Это я-то не могу? Я — венец творенья? — заревел другой человек и, несмотря на волдыри, кинулся с кулаками.

Боль ожесточала его. Он считал, что виновником этой боли был человек, снявший с неба звезду. Он был жесток, потому что человек, снявший с неба звезду, поколебал его взгляды. Он был беспощаден, потому что к боли ещё примешивалась жгучая обида.

Может быть, это был первый научный спор — кто теперь может сказать?

Люди с тех пор научились многому и ко многому привыкли. Они научились варить суп, ездить верхом, пахать землю и плавить металлы. Они научились играть в домино, стрелять из лука и плавать по морю. Они научились писать, читать и придумали таблицу умножения.

Но, кроме этого, на земле ещё научились упорствовать в

своих заблуждениях. И с необыкновенной жестокостью защищать свои установившиеся взгляды. Это не так просто — снять с неба звезду. У неё много сторожей.

Было время, когда одни люди казнили других людей за то, что те хотели заниматься анатомией.

— Мы хотим узнать, как устроен человек, чтобы помочь ему в страданиях, когда он болен, — говорили одни.

— Вы не смеете этого делать, потому что человек есть творение божье, а прикасаться к божьему творению мы вам не дадим!

Было время, когда одни люди казнили других людей за то, что те хотели понять, почему на свете есть богатые и бедные.

— Мы хотим узнать, как устроено общество, чтобы облегчить его страдания!

— Вы не смеете этого делать, потому что мир устроен так, как он устроен, и прикасаться к нему мы вам не дадим!

Было-время, когда одни люди казнили других людей за попытку сказать, что все рождаются свободными, а рабство есть великое преступление.

Мы уходим вперёд, оставляя за собою время, которое становится историей. И мы видим, что во времени этом люди, искавшие истину, были безоружны и честны, а люди, охранявшие заблуждения, были злобны и коварны. И ещё мы видим, что люди, искавшие истину, были простодушны и доверчивы, а люди, охранявшие заблуждения, были подозрительны, жестоки и злы. Эти люди всегда старались иметь понятное объяснение своим взглядам, привычкам и образу жизни и не любили пересматривать свои взгляды. Они хотели иметь не журавля в небе, а синицу в руках.

И чтобы сохранить спокойствие, они были готовы скорее назвать свою синичку страусом и жар-птицей, чем гоняться за журавлём в небе. И они уже так привыкли обманывать самих себя, что воспринимали этот самообман как истину, совершенно не заботясь о том, что в руках у них не истина, а обыкновенная синица. Больше всего на свете им хотелось верить в свою исключительность.

Они верили, что человека создал не кто иной, как бог, причём создал его не иначе, как по образу своему и подобию. На меньшее они не соглашались и страшно кичились этим сходством, наивно полагая, что бог — это пожилой человек выше среднего роста, с бородою. При этом они упускали существенное различие, которое сами придумали, — то, что бог, по их же представлениям, в резкое отличие от человека, бессмертен и не подвержен ни мирским болезням, ни несовершенству

человеческих отношений. Они как-то упускали из виду, что богу вовсе не надо ни пахать, ни сеять, ни задумываться над тем, как прокормить семью, в отличие от большинства людей. Но одно сходство по бороде и росту ужасно радовало этих людей, и они не обращали внимания на вопиющее несходство во всём остальном.

Они верили в превосходство своей расы над другими расами, своей религии над другими религиями, своего образа жизни над другими.

А когда один упрямец сказал, что люди произошли от обезьяны, — возмущению их не было конца. Они возмущались, потому что считали неуместным, постыдным и противным иметь таких родичей.

Ложная уверенность в собственной исключительности только подводила людей. Ах как подводило их пустое тщеславие! Даже пресмыкаясь перед своими владыками, они кичились тем, что именно у них — и ни у кого больше — такие замечательные владыки!

И тщеславие своё люди обставляли обрядами, законами, правилами и защищали его казнями, карами и насилием.

Почему же так трудно было пробиваться истине и так легко было господствовать заблуждению?

Потому что заблуждение всегда примитивно и понятно, а истина требует усилий для понимания. Очень понятно и очень приятно, что Земля есть центр Вселенной и никаких других подобных миров не существует. Очень приятно и очень понятно, что человек есть вершина совершенства, подобная богу. А если к этому добавить, что, скажем, твоя раса, твоя религия, твой образ жизни — самые лучшие, то представляете, что получается? Получается, что ты — совершенство среди людей, живущих в центре Вселенной! Пусть жизнь у тебя хуже собачьей, пусть каждый день ты сталкиваешься с несправедливостью — не беда. Важно, что ты — пуп земли, а это не каждому дано.

«Ничего, что сейчас у нас не ладится, — уговаривали себя эти люди. — Не беда. Важно, что в будущем мы обязательно попадём в рай, потому что мы самые совершенные существа».

И расправлялись с каждым, кто действительно хотел истины и добра уже сейчас, а не в завтрашнем раю. Замечательные существа сжигали библиотеки, растаптывали учёных, подкладывали дрова в костры инквизиции и сжигали в крематориях людей «низшей расы», потому что слепо верили в своё превосходство и тупели от этой дикой веры.

Но почему же те, кто снимал с неба звёзды, не угомонились? Почему они, преодолев чудовищное сопротивление, двигали человеческую мысль и приближались к истине несмотря ни на

что?

Потому что высоким восторгом горели их сердца, и огонь этот испепелял душу. И огонь этот всегда настораживал тех, кто признаёт звёзды только на небе и ворча сторожит их. Ах как они боятся двинуться с места, живя своими привычками и заблуждениями! Как тупо убеждены они, что их ладони предназначены только для того, чтобы класть на место то, что нельзя немедленно скушать! Они ни разу ничего не придумали и ни разу ничего не сделали первыми. Зато они первыми мешали.

Но есть, есть, есть на земле люди, которые не боятся обжечь ладони, делая своё горячее, сверкающее дело…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДСКАЗАНИЕ ПРОШЛОГО

Когда Обезьян почувствовал, что в его голове появилась мысль, он прежде всего испугался, потому что никогда ещё не испытывал ничего похожего. Ему показалось, что он заболел страшной болезнью, от которой непременно умрёт. Он изо всех сил старался ни о чём не думать, чтобы поскорее выздороветь.

Но было поздно, потому что он всё равно уже думал…

Истерический факт.

УСПОКОИТЕЛЬНЫЕ ПИЛЮЛИ

Странная находка. Автора посещают сомнения. Появление героев этой книги. Серьёзное предостережение. Трагическая гибель тираннозавров

В пятницу утром я обнаружил на своём столе большой пакет с сургучными печатями.

Четыре печати оберегали углы пакета, а пятая красовалась посередине. Она была круглая, с выпуклыми буквами по кругу. В центре её находился барельеф, изображающий тарелку, расположенную на спинах трёх китов. Киты эти довольно весело, даже нахально ухмылялись. На тарелке росли деревья, стояли домики и текла сургучная речка в сургучных берегах. А вокруг барельефа сургучные буквы складывались в слова: «Мы не знаем ничего такого, чего бы мы не знали».

«Ловко, — подумал я, — какие молодцы! Приятно иметь дело с людьми, которым уже всё на свете известно! Но что же это за тарелка с домиками? А! Да ведь это Земля! Ну конечно! Это — плоская Земля, стоящая на трёх китах! Ничего себе новость! Интересно, из какого такого века этот пакет?»

И, чтобы поскорее выяснить, из какого он века, я поспешил вскрыть его, поскольку мне никогда ещё не приходилось получать письма непосредственно из древности.

Однако, вскрыв пакет, я удивился ещё больше. В пакете находился первый номер красочной газеты под названием «Не хочу ничего знать».

Не помню, чтобы я когда-нибудь выписывал эту газету. Я даже не слыхал о её существовании. Такой газеты просто быть не могло. Как это так — не хочу ничего знать? Чепуха какая-то! Газета должна называться «Хочу всё знать». Или, в крайнем случае, «Хочу кое-что знать». На первой странице большими буквами было написано:

> Дорогой друг!
>
> Наконец-то вышел в свет первый номер газеты, о которой всегда мечтали лучшие умы человечества.
>
> Уже давно люди заметили, что знания очень обременительны, требуют постоянных усилий и вызывают массу неприятностей. Почему же люди вынуждены считаться с такой напастью, как наука?

Знания приходится терпеть потому, что существуют экзамены. Если бы на свете не было экзаменов — никто не занимался бы наукой. Потому что никакой нормальный человек не станет учиться просто так, для самого себя.

Появление экзаменов было самым чёрным днём на земле. Но человечество не сдавалось. Борясь с экзаменами, оно придумало множество способов, чтобы эти экзамены обойти. Если же обойти их не удавалось, лучшие умы изо всех сил старались знать ничуть не больше того, что их могут спросить, и всегда следили за тем, чтобы экзамены были лёгкими и соответствовали тем сведениям, которыми эти умы располагали, поднатужась.

Вдумайся, как прекрасно звучат слова «от сих до сих»! Какие радостные перспективы открывают эти слова для каждого, кто не желает знать больше, чем его спросят! Законная гордость наполняет говорящего: «Этого мы не проходили!»

Разве не ясно, что, пока развивается наука, мы никогда не успеем стать образованными, потому что никак не сможем её догнать? Зато когда наука остановится — мы сразу станем очень образованными, и нам будет приятно смотреть друг на друга, поскольку мы достигнем, наконец, непревзойдённого уровня.

Мы не знаем ничего, чего бы мы не знали.

То, чего мы не знаем, заранее никуда не годится. И поэтому мы не хотим ничего знать!

Прочитав такое вступление, я очень обрадовался. Мне показалось, что издатели наконец-то отнеслись к человечеству по заслугам. Действительно, с одной стороны, мы слышим — будьте образованными, а с другой стороны — не успеешь образоваться, как опять нужно поторапливаться, чтоб не отстать. И, чтобы не терять времени, я стал читать газету…

В девятом классе «А» проходят интересные занятия по разным предметам. Если ученики не желают чего-нибудь знать, они аккуратно вырезают из учебника те страницы, которые их раздражают. Успеваемость от этого значительно повысилась.

Недавно один ученик вклеил в свой учебник несколько забавных страничек из жизни своего двора, чем значительно обогатил историческую науку.

Соученики с радостью приветствовали новатора.

ЧТОБЫ НЕ ОГОРЧАТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Недавно пятиклассники придумали интересный способ повышения знаний. Дети применили на практике сведения из арифметики. Так, они заметили, что если к единице прибавить два. в сумме получится три, если к двойке — два, получится четыре, а если к тройке — получится целая пятёрка. И они стали прибавлять к своим отметкам недостающее число. Таким образом, в классе не осталось ни одного ученика с единицей или двойкой.

Любопытный опыт произвели юные натуралисты восьмого класса «Б». Они решили вырастить на помидорном кусте апельсины. Для этого они привязывали яблоки к фикусу. Идя дальше по намеченному пути, дети заменили яблоки муляжами и вместо фикуса использовали этажерку. Получилось очень красиво.

На днях был рассмотрен способ выращивания любого растения на любом при помощи карандаша и бумаги.

Прекрасные рисунки невиданных гибридов украшают стены биологического кабинета.

На уроке географии ученики седьмого класса «В» решили закрыть Америку, поскольку ничего хорошего в ней всё равно нет. Освободившаяся часть карты была использована для стенгазеты.

ЗАНЯТИЯ ПО МЕТЕОРОЛОГИИ

Погода должна быть всегда хорошей! Так решили ученики десятого класса «А» иа специальном сборе, посвящённом солнцу, воздуху и воде. Слово у ребят не расходится с делом. Взяв график погоды, дети закрасили все его дни — все триста шестьдесят пять квадратиков — в оранжевый цвет.

— Год будет солнечным! — постановили они.

Чтобы дожди и облака не мешали их постановлению, ребята вычеркнули из своего графика все слова, которые относятся к плохой погоде.

Ребята из шестого «Б» выбрали чемпионку класса по

бегу среди девочек. Ею оказался Петя Иванов, потому что чемпионская майка приходилась ему как раз впору и очень шла к цвету его лица.

КАК БОРОТЬСЯ С СОРНЯКАМИ?

Для того чтобы бороться с сорняками полезных растений на пришкольном участке, нужно взять лист бумаги и написать на нём: «Долой сорняки!» Буквы должны быть разборчивыми.

Я очень увлёкся, читая эту удивительную газету. И вот, когда я увлёкся, я услышал чёткий голос, который произнёс:

— Какое увлекательное чтение!

Я взглянул на пепельницу, на которой сидел мой старинный приятель Тикк, небольшой человечек величиной с окурок, в красной куртке, подпоясанный шпагой, в синих штанишках и в белых чулочках.

Тикк спрыгнул на стол, сделал несколько движений из комплекса утренней физзарядки и сказал:

— Ну, так и быть, я сниму с твоих глаз пелену… Раз! Два! Три!

И едва он это сказал, как замечательная красочная газета вдруг исчезла, словно её и не было. Исчезла вместе с пакетом, сургучными печатями и китами.

— Что ты сделал?! — возмутился я. — Ты лишил меня самого приятного чтения, какое только можно представить!

— Зачем ты это сделал?! — раздался другой голос, и из-за настольной лампы вышел другой мой старинный приятель, очень похожий на Тикка, но тем не менее резко отличающийся от него, потому что курточка на нём была синяя, а штанишки, наоборот, красные. И звали его Такк.

Между прочим, когда я кому-нибудь рассказываю о своих приятелях, все обязательно начинают удивляться. Правда, никого не удивляет, что они оба величиною с окурок. Мало ли что бывает на свете! Но как только я называю их имена — все удивляются.

— Одного из них, — говорю я, — зовут Тикк.

— Ясно, — отвечают мне. — А другого?

— А другого — Такк.

— Как? — спрашивают у меня.

— Такк.

— Как так?

— Такк.

— Как же его зовут?

— Его зовут Такк. Одного Тикк, а другого Такк. Тикк, Такк,

Тикк, Такк, Тикк, Такк…

— Это часы так зовут, а приятелей зовут, например, Вова или Боря.

— А почему вы так считаете? Потому что ваших приятелей так зовут? Может быть, вы скажете, что и ваши приятели — величиною с окурок? Да? Может быть, к ваши приятели тоже сидят на пепельнице и болтают ногами? Хотел бы я видеть, что было бы с вашим письменным столом, если бы ваши приятели вздумали делать на нём физзарядку! Даже не всю, а только некоторые движения!

Тогда все обижаются и надувают губы.

Но это я — к слову, чтобы рассказать о своих приятелях и не возвращаться к данному вопросу.

Так вот, появившись из-за пепельницы, Такк спросил у Тикка:

— Зачем ты убрал эту газету? Она привлекла бы массу подписчиков! Почему ты не любишь делать людям приятное?

Тикк нахмуррлся:

— Потому что я более высокого мнения о людях. Я не подсовываю им успокоительных пилюль, подобно тебе!

И, чтобы зря не затевать спора, он добавил, обращаясь ко мне:

— К делу! Потому что, тик-так, время не ждёт ни минуты. Расчисть нам место на своём столе, чтобы мы могли прохаживаться, не цепляясь за книги. Ибо то, что написано в книгах, мы видели собственными глазами, и ещё мы видели многое такое, чего в книгах не написано!

— Может быть, — говорю я, — вы не знаете ничего такого, чего бы вы не знали?

Такк, который мне всегда казался более солидным, скромно отвечает:

— Да.

— Не преувеличивай, — говорит Тикк, — мы действительно были свидетелями кое-чего… И, так сказать, есть кое-что такое, что мы действительно знаем. Мы, например, знаем, что болтать языком легче, чем делать дело.

— Значит, вы сговорились подсунуть мне эту распрекрасную газетину? — спрашиваю я.

Тикк, который мне всегда казался легкомысленным, отвечает:

— Чтобы предостеречь тебя от самообольщения. На земле бывало немало случаев, когда люди принимали желаемое за сущее. И, пожалуй, немало бед происходило от этого.

— Неправда, — возразил Такк, — мы решили тебе сделать приятное. Потому что, принимая желаемое за сущее, люди бывали счастливы…

— Неправда, — возразил Тикк, — люди от этого бывали несчастливы!

— Нет, счастливы!

— Нет, несчастливы!

— Счастливы!

— Стоп, ребята! — говорю я. — Не спорьте, давайте выясним истину…

Тикк смотрит на меня с удивлением:

— Но разве родилась бы истина, если бы не было споров?

Разве могут окрепнуть мышцы без упражнения? А разве мог бы развиться мозг, если бы в него вскочила пагубная мысль, что он уже развился и совершенно готов к употреблению?.. Электрический заряд преодолевает сопротивление проводника, росток преодолевает сопротивление почвы. И если бы не было сопротивления, жизнь давным бы давно остановилась. И радоваться тому, что всё очень легко, могут только глупцы.

— Зачем ты произносишь такое грубое слово? — покраснел Такк. — Нужно говорить: «Недостаточно умные».

— Ах, извини, пожалуйста, — поклонился Тикк, — совсем забыл. Ты ведь придаёшь больше значения словам, чем тому, что они выражают…

— Я никогда не начинаю спор, — обижается Такк и ищет у меня поддержки: — Я всегда хочу, чтобы всем было хорошо.

Тикк не унимается:

— Да-да, он хочет, чтобы всем было всегда хорошо без всяких споров. Это я заметил ещё во времена тираннозавров.

— Каких тираннозавров? — спрашиваю я.

— Обыкновенных, — говорит Тикк. — Ископаемых. Эти самые тираннозавры заполонили всю землю. Они достигали сумасшедших размеров. Еды у них было сколько хочешь, места вдоволь, и пухли они от этого изобилия неимоверно. Но и росли они как-то чудно — тело растёт, а голова какая была, такая и остаётся — крошечная[1]. А наш распрекрасный Такк смотрит на них и радуется: «Какие они большие! Какие они могучие! Какие они несокрушимые!» А на них было противно смотреть! Головки крошечные, морды спесивые.

— Не морды, а в крайнем случае, физиономии! — возмущённо перебивает Такк.

— Прекрасно — «физиономии»! Я говорю: «Они скоро подохнут от скуки, потому что у них нет никаких духовных интересов». А Такк возражает: «Какие там духовные интересы, когда им нужно столько жратвы?»

— Как можно? — возмутился Такк. — Разве мог я когда-нибудь произнесли такие слова?! О ужас! Что ты мне

приписываешь?!

— Извини, — улыбнулся Тикк и стал передразнивать: — «Как можно говорить такие вещи, когда им надобно столько пищи!» Помнишь? Я говорю: «Вымрут они оттого, что нету у них никакого интереса в жизни. Они самые крупные, их никто и не смеет зацепить. Ты думаешь, они самые сильные на самом деле, а они давно обрюзгли! Им не о чем говорить. Поэтому они становятся неуклюжими, ленивыми и тупыми. Ей-богу вымрут!» А он надулся и ушёл! Обиделся! Ладно. Когда через пятьсот лет заявляется и спрашивает: «Ну как?» — я говорю: «Вымерли! Вчера последнего схоронил».

— Да, — смущённо соглашается Такк. — У них за последнее время на лицах было написано некоторое самодовольство. Я это видел, конечно, и даже радовался за них, полагая, что они счастливы…

— Постойте, ребята, — говорю я, — как же это у вас получилось? Тикк остался на месте, Такк куда-то исчез — что же было со временем? В одном месте — тик-тик-тик, а в другом — так-так-так? Очень странно…

— А время в то время остановилось! — отвечает находчивый Тикк, и я успокаиваюсь.

Этот рассказ показался мне слишком достоверным: и кому ещё может повезти настолько, чтобы услышать рассказ очевидцев о том, как и почему погибли тираннозавры!

И я записываю этот рассказ, чтобы не позабыть его.

— Мне ничуть не жаль тираннозавров, — говорю я, — так им и надо. Более того: я могу привести много примеров, когда отсутствие интересов и присутствие самомнения приводили в ничтожество даже людей. Однако согласитесь, друзья, что прежде чем впасть в ничтожество, человек должен был сначала произойти хотя бы от обезьяны. А вы никак не даёте мне описать этот немаловажный факт.

— О да, — говорит Тикк. — Необходимо сначала появиться на свет. Поэтому произведи человека от обезьяны, а мы пока подождём и потом расскажем, что из этого вышло…

— Что из этого вышло, ребята, я вижу сам, а вот как произошёл человек — я попробую сейчас выяснить.

ОБЕЗЬЯН НАХОДИТ СОБЕСЕДНИКА

Всякое следствие имеет свою причину. Человек начинает происходить. Историю нужно писать гусиными перьями. Появление первых стихов. Изменение характера к лучшему

Тик-так, тик-так… Время выстраивает по порядку дела человека и события жизни.

Тик-так, тик-так… Всё имеет причину, и никому ещё не удавалось собрать урожай там, где ничто не посеяно.

Тик-так, тик-так… Люди поступают глупо и поступают мудро, и никто не виноват в человеческих неудачах и никто не способствовал человеческим радостям, кроме самих людей.

Тик-так, тик-так… Всё, что происходит от кошки, — мяукает, и нигде ещё не встречалась муха, родившая слона.

Тик-так, тик-так… Для того чтобы выйти в путь, нужно шагнуть через порог, а для того чтобы шагнуть через порог, нужно на это решиться.

Тик-так, тик-так, тик-так…

«Итак, — пишу я, — когда Обезьян почувствовал, что в голове его появилась мысль, он прежде всего испугался, потому что никогда ещё не испытывал ничего похожего. Ему показалось, что он заболел страшной болезнью, от которой непременно умрёт. Он изо всех сил старался ни о чём не думать, чтобы поскорее выздороветь.

Но было поздно, потому что он всё равно уже думал.

И думанье это укорачивало его клыки, выпрямляло спину, поднимало голову, наращивало лоб и удлиняло подбородок, выдавливая на нём симпатичную ямочку.

— Что такое? — рассуждал Обезьян. — Почему всё это происходит именно со мной? Все скоты как скоты — толкаются, кусаются, рявкают друг на друга. Наваливаются впятером на одного, сильный лупит слабого. А я — мало того, что мне уже как-то совестно вести подобный образ жизни, — я ещё должен придумывать, чем бы ещё больше от них отличиться!.. Неужели я становлюсь человеком?

Обезьян почёсывался по старой привычке и даже попытался разок вытереть нос ладонью, но тут же воздержался, признав это неприличным.

— Да, — рассуждал Обезьян, — придётся привыкать к новому

положению. А жаль… Вот, скажем, дикий кабан — какой бы иэ него прекрасный человек вышел! Морда небритая, в щетине, клычища нечищеные, глазки злые, не говорит — хрюкает. Прелесть! Или, скажем, шакал. Что за человек был бы! А разве плохой человек вышел бы, например, из ядовитой гадюки? Так нет же! Живут себе все эти твари, ни о чём не думая!

Так рассуждал Обезьян, приходя к выводу, что очень опасно начать думать, поскольку от этого, пожалуй, можно и человеком стать…»

Я писал, и перо моё, повизгивая, скрипело по бумаге, вычёркивая ненужные слова и вписывая нужные, которые, если хорошенько подумать, тоже можно было вычеркнуть.

Тикк и Такк сидели на пепельнице, наблюдая за моим гусиным пером. Я писал гусиным пером потому, что исторические произведения нужно писать исключительно гусиными перьями. Но в тот самый момент, когда я об этом подумал, гусиное перо треснуло, брызнув прямо на Обезьяна, который почти уже произошёл и задумался.

— Осторожно! — крикнул Обезьян. — Я ещё не стал человеком, а вы уже обливаете меня чернилами!

— Извините, — сказал я, глядя на сломанное перо.

Обезьян тоже посмотрел на это перо и опять задумался, поскольку ещё продолжал происходить.

А я не знал, что делать. Я не умел чинить гусиные перья. Тикк и Такк смотрели на меня безразлично. Они никогда не занимались мелочами.

А Обезьян сидел и думал. Ему было необходимо поскорее произойти.

Тогда я взял обыкновенную авторучку, которой пишу сочинения на современные темы, и наполнил её чернилами.

Тйкк и Такк сидели на пепельнице с безразличным видом и ждали. У них было время. Они никогда никого не подгоняли.

Ну что же, решил я. Если моё историческое произведение получится не таким достоверным, то это произойдёт потому, что у меня сломалось гусиное перо.

И, глубоко вздохнув, я стал писать дальше.

«Итак, — писал я, — когда Обезьян сообразил, что деваться ему некуда, что вот-вот он превратится в человека, он вздохнул и пригорюнился. И в голову ему пришли стихи, потому что стихи появляются только в двух случаях — когда автор думает над жизнью и когда он над ней не думает.

Стихи были такие:

Жизнь идёт век за веком,

А я постепенно становлюсь человеком,
И теперь у меня, к большому сожаленью,
Нет никаких путей к отступленью.

Дальше Обезьян ничего не мог придумать, потому что жизнь его захлестнула и появилось у него чрезвычайно много дел.

Пока Обезьян происходил, он взял палку и привязал к ней камень. Получился топор и как бы молоток. Потом он убил козла и закутался в его шкуру.

Получился вполне приличный костюм на каждый день. Потом он крикнул:

— Есть тут кто-нибудь? Уже кто-нибудь, кроме меня, произошёл или ещё нет?

И в этот момент послышался треск сучьев, и перед ним появился волосатый низколобый тип с угрюмыми глазами на сонной физиономии.

— Чего орёшь? — спросил тип.

— Я очень рад, — сказал Обезьян, — что живу на свете! Я уже умею делать примитивные орудия! Видишь, какой костюм я себе сшил.

Он и позабыл, этот прекрасный Обезьян, как ещё совсем недавно страдал от того, что начал думать. Теперь он радовался, стараясь не вспоминать о неприятном отрезке своей биографии. Более того, он уже относился к этому отрезку весьма критически и даже с насмешкой. Совсем недавно ему так не хотелось входить в новую неизвестную стадию своей жизни! Совсем недавно он боялся, что умрёт от неведомой болезни. И вот пожалуйста! Страхи его прошли, как будто их и не было, и воспоминания о них теперь только вызывали у него улыбку. Так всегда бывает в жизни, и я хочу отметить эту чисто человеческую черту в характере Обезьяна и с этого самого момента называть его *человеком,* потому что три вещи отличают человека — сомнение, решимость и умение посмеяться над самим собой.

— Я теперь Человек! — сказал он угрюмому типу. — Я даже в рифму умею говорить! А разве ты тоже произошёл?

— Ну, произошёл, — буркнул угрюмый тип.

— Так почему ты не радуешься? — удивился Человек.

— А чего радоваться? Произошёл я и лёг спать. Не успел заснуть, как ты меня разбудил!

— Так зачем же ты тогда происходил? Спать ты мог и не происходя…

— А я знаю? Надо было — я и произошёл.

— Мне тебя жалко, — сказал Человек.

— Не нуждаюсь в жалости…

И угрюмый тип собрался было снова завалиться спать.

— Нет, — сказал Человек, — я не дам тебе спать! Я хочу, чтобы ты мыслил и развивался дальше!

— А ты кто такой, чтобы командовать? — спросил угрюмый тип.

— Я не командую. Я тебя призываю. Понимаешь? Я тебя призываю к новой жизни.

— А я отсталый, — сказал угрюмый тип. И в доказательство своей отсталости вытер нос ладонью. — Я отсталый — понял? Отцепись от меня, а не то я возьму твоё примитивное орудие и дам тебе в лоб.

— Дай! — радостно закричал Человек. — Делай что-нибудь! Развивайся! Посмотри, как много вокруг интересного! Например, звёзды. Из чего они состоят? Или Солнце, Луна? Почему дует ветер? Почему растут деревья? Что такое вода? Что такое земля? Разве это не интересно?

— Ну вот что, — сердито сказал угрюмый тип, — давай договоримся. Ты меня не призывай никуда — это раз. Не пой свои песни — это два. И главное — ничего вокруг не трогай, понял? Как лежало — пусть всё так и лежит. Солнце, воздух, вода, звёзды, деревья — всё! Чтобы на земле было тихо. Понял?

— Как же не трогать, — возразил Человек, — если всё это понадобится в нашей жизни! Подумай сам, если мы существуем среди существующей природы, значит, мы тоже — природа! Мы даже, может быть, вершина природы!

Угрюмый тип насупился:

— Воображаешь ты много…

И он стал закипать злостью потому, что не находил слов.

С тех пор все угрюмые типы закипают злостью, если не находят слов. А так как слов они никогда не находят, злятся они постоянно.

Но Человек не унимался.

— Слушай! — воскликнул он. — Ты только подумай! Может быть, ты — венец творенья! Царь природы!

Но и эта явная лесть не произвела на угрюмого типа впечатления.

— Попрошу вас не пререкаться! — взревел угрюмый тип. — Умнее всех хочешь быть? Запомни, если только услышу или узнаю, что ты куда-нибудь полезешь — шкуру спущу!

— Прекрасно! — весело воскликнул Человек. — Одного я уже добился.

— Чего ты добился?

— Того, что ты не будешь спать. Того, что ты хоть о чём-

нибудь станешь заботиться. Хоть чем-нибудь станешь интересоваться.

И он, радуясь, ушёл.

Угрюмый тип засопел и не ответил. Он, к своему огорчению, сообразил, что, действительно, спать ему больше не придётся.

Потому, что Человек пошёл снимать с неба звезду…»

ШЕРСТЬ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ
Царь природы. Кто кого ест. Легендарный Микерин. Строгое наказание. Литературный диспут

Так или иначе, фраза, обронённая в запальчивости бывшим Обезьяном, не пропала даром. Она застряла в тщеславной душе.

— Царь природы? Гм… А что? Очень даже может быть.

Очень приятна она была, эта распрекрасная мысль.

Люди сызмальства заботились о порядке на земле. Их всегда занимало, кто в этом мире главнее, кто над кем властвует и кто кого ест. В этом они видели порядок и справедливость. Трава ест землю, овцы едят траву, волки едят овец, земля ест волков. Человек же, оказывается, властвует над всем. Он ест и траву, и овец, и волков, несмотря на то, что волки невкусные. Вот только с землёю у него нелады. Не может быть, чтобы и человека запросто съедала земля, как какого-нибудь волка. Наверно, и на том свете продолжается жизнь! И наверняка! И ещё гораздо лучшая, чем на этом. Иначе не может быть, потому что иначе быть не должно. Вот там уж точно всем известно наперёд, что. ты — царь природы и тебе полагаются все царские почести…

И полагается самая главная царская почесть, совершенно недостижимая на этом свете, — освобождение от страшного проклятия, на которое боги обрекли «царя природы»… Освобождение от обязанности работать…

Мир был придуман в общих чертах правильно. Всё в нём было хорошо. Одно лишь никуда не годилось — необходимость трудиться. Это казалось очень странным, и надо было искать объяснение этой несуразицы. И объяснение было найдено: человек наказан трудом за непослушание. А то за что ещё? Он не послушался создателя. Он, наверно, поступил наперекор его воле. Если бы он был послушным — ел бы он и пил, и жил припеваючи. А поскольку он ослушался — создатель повелел ему добывать пищу в поте лица и работать с утра до ночи. И тут люди не заметили, что не труд — наказание, а наказание — условия труда.

А вот цари не трудились. Они идеально вписывались в этот мир! Они были отмечены свыше.

Это открытие оказалось очень важным. Человек легче всего верил в то, во что хотел верить. Непослушание — вот причина бедствия людей. С этим самым непослушанием люди

сталкивались постоянно. Как только человек начинал задумываться над действительностью, так сразу в нём зарождались неприятные элементы непослушания. Поскольку рассуждать да ещё при этом быть послушным никак никому не удавалось. И ещё было замечено, что всякое непослушание начинается с невинного вопроса «по-че-му?». Ибо новое начинается с сомнений в непогрешимости старого… Действительно, всё устроилось в жизни так, что послушных всегда гладили по головке, а непослушных наказывали.

Степень послушания определяли боги.

Но людей было слишком много, чтобы боги могли заниматься каждым в отдельности. И боги делали это через своих посредников, разумеется, чрезвычайно послушных лиц. Они — эти замечательные посредники — общались с богами и судили-рядили от их имени.

Однако и посредники не успевали. И им приходилось заводить себе заместителей. Заместители тоже выбирали себе помощников. Помощники также не были дураками, чтобы переутомлять себя. И кончалась вся эта лестница тем, что непосредственно следил за послушанием человека присмотр-щик.

Боги были, конечно, ничего себе. Именно они создали землю и всё сущее на ней, а также человека, назначив его на должность царя природы. Посредники были тоже довольно замечательные личности. Они запросто общались с богами, получая указания на благо людей. Заместители были тоже ничего себе — не станут же посредники приближать к себе абы кого!

И помощники были ничего себе.

Вот только непонятным оказывалось одно: почему присмотрщик так больно дерётся? Всё было бы прекрасно, если бы не это недоразумение. И люди обожали богов, ненавидя присмотрщиков.

В те времена, когда ещё не было точно известно, какая у бога борода и чего он хочет от людей, а также какую схему жизни он предписал людям, — на земле происходила форменная неразбериха. Богов и идолов было так много, что, если бы они действительно существовали, из них можно было бы составить крупный строительный батальон на благо человечества.

Чем больше идолов — тем меньше у них авторитета. Существовали такие заштатные боги, что имён их никто вообще не знал, кроме небесного отдела кадров, который тоже их не помнил наизусть. Но ведущих богов люди знали. И постоянно лезли к ним в знакомые. Люди считали, что такое знакомство — есть верный путь к бессмертию. Или, по крайней мере, к славе. Они поддерживали авторитет главных богов.

Выдумывать идолов, конечно, заблуждение. Но ещё большее заблуждение забыть о том, что идолы эти выдуманы тобою, и жить так, как будто не ты их создал, а они тебя.

И я думаю, что человек стал «царём природы» потому, что завёл себе собственных царей. Он думал, что, если он объявит себя царём природы — ему сразу сделается лучше.

А на самом деле никаким царём природы человек никогда не бывал.

Вот рабом бывал. И был он рабом, надо сказать, большую часть своей истории. И один человек возвеличивался за счёт другого, и тщеславие одного человека оплачивалось трудом тысяч других.

Но природа была к этой суете, в общем, равнодушна. Схема, придуманная человеком, по правде говоря, её не касалась. Потому что при самом тщательном исследовании до сих пор не удавалось найти в природе ни самообмана, ни тщеславия. Солнце светило вовсе не для того, чтобы показать, какое оно яркое, реки текли вовсе не для того, чтобы продемонстрировать свою мощь, соловьи пели вовсе не для того, чтобы блеснуть талантом.

Одни люди это понимали и радовались этому. А другие не могли себе представить, чтобы что-нибудь на свете существовало просто так, само по себе, не входя в схему, никому не подчиняясь и ни над кем не возвышаясь. Они просто не находили себе места от такого безобразного поведения природы. И они делали то, что было им доступно: они старались возвыситься над нею.

— О солнцеподобный, в чьих шароварах заблудился месяц! — кричали они своим повелителям.

А месяц даже и не знал, что он заблудился.

— О мудрый, в чьей мудрости купается солнце как рыба в воде!

А солнце даже и не знало, где оно купается.

— О мощный, у которого солнце на побегушках! Солнцу, надо сказать, доставалось больше всех. Уж очень оно заметно.

Бывали случаи, когда солнцу вообще запрещалось появляться до царского выхода.

Делалось это просто:

— Запретить солнцу появляться впредь до особого распоряжения!

Ну солнце, разумеется, не рисковало ослушаться. И если кто-нибудь не верил своим глазам, ему их просто выкалывали.

Лестное мнение о себе как о «царе природы» внушало человеку великое самоуважение.

— Солнце — это небесное тело, которое, может быть, даже не замечает Землю! — утверждали люди, которые хотели, чтобы все

на свете было понятно и легко объяснялось.

— Солнце — это светильник, горящий для того, чтобы освещать Землю днём! — возражали другие люди, которые хотели, чтобы все на свете было ещё понятнее и объяснялось ещё легче.

— Почему вы считаете, что вам непременно кто-то обязан светить?

— Потому что иначе не может быть!!!

— Почему же иначе не может быть?

— Потому что иначе быть не должно! Человек — царь природы, а царю все прислуживают!

— Это вы своим царям прислуживаете! А солнце здесь совершенно ни при чём!

— Ага! Так вы, значит, против царей? А за это знаете что полагается?

Так люди, пытавшиеся проникнуть в тайны природы, сразу объявлялись государственными преступниками. Бороться с «государственным преступником» легче и доступнее, чем вдаваться в тонкости научного предположения.

А вот с учёным — дело сложнее. В этом случае, кроме лестного мнения о себе как о «царе природы», нужно знать ещё кое-что…

Природу надо осмысливать, приспосабливаться к её законам и набраться мужества видеть её такою, какая она есть на самом деле, а не такою, какой хочется её видеть.

А встречали ли вы когда-нибудь царя, который хотел бы к чему-нибудь приспосабливаться? Не встречали. И я не встречал… Зато цари, которые пытались запросто приспособить к своим желаниям природу, попадались уже очень давно.

Жил-был такой легендарный царь Микерин[2]. И пошёл этот легендарный царь Микерин к оракулу, чтобы оракул предсказал, сколько осталось царю Микерину царствовать, и заодно узнать, не бессмертен ли, часом, Микерин на радость Вселенной?

Оракул поглядел, подумал, закурил и сказал:

— Отнюдь.

— Странно, — сказал царь и почесал затылок.

— Увы, — сказал оракул и развёл руками. — Жить тебе на благо человечества осталось всего шесть лет.

— Врёшь, — сказал легендарный царь Микерин.

Оракул не ответил, а только показал папироской на вывеску, под которой работал. Там было написано: «Оракул. Предсказания с гарантией».

— Маловато, — сказал царь.

— Судьба, — сказал оракул. — Объективные законы.

— Ладно, — сказал царь, — это мы ещё посмотрим.

И ушёл.

Пришёл домой, сел на трон и созвал своих министров:

— Осталось мне жить на благо человечества всего шесть лет. Оракул предсказывает.

— Казнить оракула! — закричали министры.

— Погодите, — ответил легендарный царь Микерин, — вам бы только казнить! Оракул этот пока ещё не ошибался.

— Нам тебя жалко, — говорят министры, — поэтому мы рассердились на оракула.

Легендарный царь Микерин подумал и сказал:

— Если мы можем перехитрить друг друга, неужели мы не перехитрим природу? Приказываю вам собрать все плошки, которые есть в государстве, и зажигать их по ночам! Пусть солнце светит днём, а плошки ночью. Солнце — это только светильник по нашей науке, и мы вполне можем подменять его ночью своими подручными средствами. Ночей не будет, будут только дни. И поскольку человек ночью всё равно спит — ночь в его жизни в счёт не идёт. А теперь он спать не будет, и мы станем жить в два раза дольше. Мы превратим день в ночь. Или, проще говоря, учиним диефикацию ночи!

А вы хотели казнить оракула! Невежды! Только при помощи науки мы сможем его победить!

— Да здравствует наука! — закричали министры и кинулись собирать плошки.

— Как велик человек, когда он царь! — кричали они, расставляя плошки.

С того дня легендарный царь Микерин бодрствовал и днём и бывшей ночью.

А чтобы не было недоразумений, он приказал слово «ночь» вовсе ликвидировать, как никому не нужное и вредное согласно науке.

И всё было бы хорошо, если бы через три года легендарный царь Микерин вдруг не скончался! Это было совершенно неожиданно и удивило всех.

— Как же так? — удивлялись министры. — Мы же всё делали по науке. Выходит, оракул опять оказался прав! Три года настоящих дней, плюс три года ночей, превращённых в дни, — всё равно выходит шесть лет дней. Неужели не выкрутились?

— Вот! — неожиданно восклицает Тикк и смотрит на Такка. — Даже министры вынуждены были иногда признавать объективные законы!

— Да, — сказал Такк. — Объективные законы! Подумаешь! Что значат факты по сравнению с теми возможностями, которых

достиг человек в процессе развития! Всё равно — человек повелитель стихий!

— Осторожно, — сказал Тикк, — сейчас он скажет что-нибудь сверхграндиозное.

Такк горделиво отмахнулся от этого замечания. Он продолжал:

— Только стихи, только поэзия в состоянии выразить те чувства, которые…

Нет, лучше слушайте:

Я силы могучей достиг, аж не верится,
Я всё могу теперь превзойти.
Я шерсть состригаю с Большой Медведицы,
Я сливки снимаю с Млечного Пути…

— Не с Млечного, а с Млечного, — сказал Тикк, который, по обыкновению, сидел на пепельнице и болтал ногою.

Такк рассердился:

— Какая разница? Ты не вдаёшься в смысл и только придираешься к форме! Эти замечательные стихи выражают мысли каждого человека. Каждый человек почувствует законную гордость, читая эти стихи, потому что они в точности отображают его жизнь!

— Я думаю, — возразил Тикк, — не каждый человек, а только тот, кто стрижёт шерсть с Большой Медведицы и собирает сливки с Млечного

Пути. Эти люди будут очень довольны. Те же, кто стрижёт шерсть с простых овечек и собирает сливки с обыкновенного коровьего молока, — очень удивятся… Разве ты не знаешь, что Большая Медведица — это всего только название нескольких звёзд?

— А твоя овечка разве не название? — быстро нашёлся Такк.

— Название, конечно. Но как бы она ни называлась — на ней растёт шерсть, чего никак не скажешь о Большой Медведице.

— Ты упёрся носом в траву! — закричал Такк. — Ты не видишь прекрасного! Ты не веришь в призывную силу стихов! Тебе бы только стричь овец, не видя ничего вокруг!

— Спокойно, — ответил Тикк, — ты же сам сейчас сказал, что намерен стричь Большую Медведицу. Интересно, что ты станешь делать с её шерстью?

— У неё нет шерсти!

— Тогда что же ты будешь стричь?

— Это говорится вообще! Чтобы показать величие человека!

— Мне кажется, это говорится для того, чтобы ничего не

делать. Потому что стричь Большую Медведицу значительно легче, чем обыкновенную овцу. В первом случае достаточно болтать языком, а во втором — нужно уметь держать ножницы… И тот, кто не умеет или не хочет держать ножницы, кричит, что стрижёт не меньше чем Большую Медведицу… Всё, что делается для того, чтобы ничего не делать, — делается громогласно и напыщенно, чтобы поразить всех своим пустым тщеславием. Твои стихи нехороши…

— Я хотел тебе сделать приятное, — мягко говорит Такк.

Тикк возмущается:

— Как можно сделать человеку приятное, закрыв ему глаза на действительность? Как можно сделать человеку приятное, ослепив его благими пожеланиями?

Такк вскакивает с пепельницы и начинает бегать по столу, заламывая руки.

— Всякий раз устраивает истерику, — спокойно говорит Тикк.

— О я несчастный! — восклицает Такк. — Доколь эти муки! Доколь этот жуткий практицизм![3]

— Какой практицизм? — возмущается Тикк. — Это у меня-то практицизм?

— Да! Ты всё хочешь подчинить низменным интересам!

— Слушай, — разводит руками Тикк и обращается ко мне, — он сегодня какой-то сверхагрессивный. Когда-то люди призывали проклятья на головы врагов и думали, что от этих призывов враги погибнут…

— Ну и что? — восклицает Такк. — Им было приятно думать, что враги погибнут.

— А когда враги колотили их несмотря на проклятья — им тоже было приятно? Когда-то люди сжигали изображение врага и думали, что жгут оригинал.

— Ну и что? Они верили в свою силу!

— Мало верить в силу, надо развивать её! Не преувеличивать значение заклинаний, а изучать действительность! Большая Медведица! Млечный Путь! Слушай, он просто ошалел от риторики. Какая безвкусица. Он думает: если скажет про чёрное, что оно белое, так оно в действительности побелеет! Он думает, что, если красиво опишет жизнь, так жизнь станет красивее на самом деле! Не нуждается она в твоих росписях! Когда-то перед охотой отсталые предки начинали танцевать специальные победоносные танцы. В этих танцах изображалась охота. В центре круга танцор исполнял роль зверя. И «зверь» этот вёл себя так, как, видите ли, хотелось, чтоб вёл себя настоящий зверь на самом деле. Он должен был подставлять бока, попадать в ловушки и

охотно лезть на рожон, не сопротивляясь. Эти танцы были расписаны до мельчайшего движения. Считалось, если танец исполнить по предписанию, охота будет удачной. Так вот, если какой-нибудь танцор-охотник ошибался, его без всяких разговоров убивали. Чтоб другой раз не ошибался. Как будто от ошибки в танце зависело что-нибудь в действительности! Танцевать было даже опаснее, чем охотиться. Вот какой свирепый идеализм развели на земле…

— Но обряды красивы, — заламывает руки Такк. — Они воспитывают в человеке веру в своё величие и возвышенные чувства!

— Привет! Млечный Путь! — кричит Тикк. — Большая Медведица! А что ты видишь в Млечном Пути? Возвышенные чувства? Ничего подобного! Ты хочешь собирать с него сливки! Не для того ли, чтобы употребить их в пищу? Ты думаешь, если громко крикнуть, так чувства сразу возвысятся? Я ещё не помню ничего такого, чего бы люди не старались приспособить к своим насущным интересам… Я ещё не помню…

Но тут я оставляю этих постоянных спорщиков заниматься друг другом, потому что они отвлекают меня от работы. И задача моя состоит вовсе не в том, чтобы записывать их споры. Я ведь пишу о людях обыкновенных, не величиною с окурок, а нашего с вами роста.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Очень быстро летит время, когда оно становится прошлым.

Тик-так, тик-так…

Медленно преодолеваются заблуждения.

А кажется нам сегодня, что преодолевались они значительно быстрее, чем это было на самом деле…

ИЗГНАНИЕ ТРЁХ КИТОВ
Предрассудок и ересь. Замкнутый круг. Незадачливый ябеда. Семнадцать веков пути. Мысль трудно пощупать руками

Тикк и Такк сидят, повернувшись спинами друг к другу.

И Тикк бормочет стихи:

Мы опять сегодня в ссоре.
Ай эм вэри, вэри сори…

— Ты всегда так, — хмурится Такк. — Сначала наговоришь, а потом сожалеешь…

— Собственно говоря, — оживляется Тикк, — мы всегда в ссоре и всегда сожалеем об этом. Мы — единство противоположностей. Мы не можем примириться. В этом и заключается наша дружба… Это только им (он кивает на меня) хочется, чтобы всё шло по заведённому порядку. А так не бывает. Сегодня ты знаешь больше, чем знал вчера, и, может быть, завтра узнаешь еще больше, если тебе не помешает предрассудок…

— Как же он может мне помешать? — спрашиваю я.

— А так, как мешает вообще людям, — отвечает Тикк. — Послушай, какие стихи об этом написал твой замечательный товарищ, поэт Валентин Берестов:

— Земля имеет форму шара, —
Однажды заявил мудрец,
За что его постигла кара
И страшен был его конец.
Жить без поддержки трёх китов?
Мир не был к этому готов…

— Вероятно, люди очень боялись, что без поддержки трёх китов земля перевернётся и они ушибутся. Они защищали свои предрассудки, которые считали истиной, довольно жестоко, как видишь…

И я снова беру в руки перо.

Предрассудок — это ложный взгляд, превратившийся в привычку. И этот взгляд постоянно насторожён против всякой новой мысли.

А тем не менее, в противоположность предрассудку всегда существовала мысль, противоречащая ему. Эта мысль возникает, как только появляется малейшее несоответствие между представлениями о действительности и самой действительностью. Пока земля стояла на трёх китах, зрела мысль о том, что такого вздора не может быть. Всё подтверждало, что земля круглая, — и солнце, которое всходит и заходит, и луна, которая светит ночью, и звёзды, которые совершенно безразличны ко всей этой суете.

— Нет! — возмущались люди. — Солнце — это дневное светило! Луна — это ночное светило! Земля покоится на твёрдой опоре! Иному не бывать! Всё остальное ересь!

А ересь зрела и зрела и проникала в действительность, и набирала из неё факты, и факты эти были сначала непонятны, но потом выстраивались в стройную цепочку, ибо то, что понятно сразу, достойно предрассудка, но вовсе не достойно ереси.

Сначала предрассудок старается во что бы то ни стало уничтожить новую мысль. В этот период люди обычно начинают жечь на кострах еретиков вместе с их книгами. Но жизнь двигалась. И новая мысль еретиков находила практическое подтверждение и применение, и люди спохватывались, что еретики, кажется, говорили дело. Им даже становилось жалко несчастных еретиков и даже стыдно, что они так нехорошо поступали с ними. И люди, вздохнув, начинали ставить еретикам памятники, стараясь, чтобы эти памятники стояли как раз на тех самых местах, где горели костры. Так они соблюдали справедливость. И наконец, люди торжественно и громогласно принимали подпалённую на кострах, устоявшую в борьбе и победившую ересь, которую и признавали новейшим словом науки. В конце концов, круглая земля или не круглая — кого это может касаться, если люди не падают с неё и суп, который они варят, не расплёскивается?..

Итак, ересь побеждала.

Но слишком долго она пробиралась к своему триумфу. Время шло, появлялись новые удивительные мысли и открытия, и пока ересь добивалась признания — возникала новая ересь и заявляла о себе…

— Опять двадцать пять? — гремело в таких случаях. — Ну надо же — какое нахальство! Только что признали одну ересь, как — на тебе — она уже не годится! И что им неймётся? Ведь всё так понятно, и ново, и прогрессивно! Китов убрали из-под земли, теперь она — шар. Ну что им ещё надо?

А ересь, высказанная древним мудрецом, стоившая так много и так трудно пришедшая к победе, — сама уже стала

предрассудком. И изнутри его уже взрывала новая ересь, указывавшая на то, что земля не просто шар, но шар, который ещё и вращается.

— Вращается? Никогда! — кричали люди, забыв, что они так же кричали, когда еретики вынимали из-под земли китов.

И появляются новые еретики и наталкиваются на новый предрассудок, образовавшийся из принятой со значительным опозданием старой ереси.

И тут нам уместно поторопиться, ибо нас давным-давно дожидается новый еретик, располагающий новой идеей на этот счёт…

Итак, примерно две тысячи двести лет назад по городу

Александрии ходил довольно симпатичный древний грек с небольшой курчавой бородкой. Он был мыслитель.

В то время город Александрия собирал мыслителей и учёных потому, что в этом городе помещалась самая богатая библиотека в мире[4]. Впоследствии эту библиотеку сожгли люди, убеждённые, что всё зло на земле происходит от книг.

И обманщики подбадривали их веру в небылицы и льстили их невежеству, объявляя невежество правотой. Эта мнимая правота приносила людям только несчастья, ибо легче сделать всех духовно нищими, чем богатыми. Веровать легче, чем исследовать, и тёмные люди предпочитали влачить жалкое существование, считая его вершиной полнокровной интересной жизни.

Я вспомнил об этих людях, потому что мне до сих пор жалко Александрийскую библиотеку, которую они сожгли. Всякий раз, когда я об этом вспоминаю, мне становится очень грустно.

Так вот, ещё до того, как была сожжена эта библиотека, город Александрия собирал учёных и мыслителей со всего света.

Симпатичный древний грек, о котором я рассказываю, тоже прибыл в этот город. Он прибыл с острова Самоса. Звали его Аристарх Самосский[5]. А приехал он потому, что не поладил со своими земляками. Он им как-то сказал:

— Земля — это обыкновенная планета, которая, как и другие планеты, вращается вокруг Солнца. Она совершает этот оборот в один год.

— Как ты сказал, безумный? — в ужасе спросили Аристарха жители его родного острова Самоса. — Разве ты не знаешь, что Земля не может вращаться, потому что она неподвижна?

— Мне смешно вас слушать, — сказал Аристарх, — подумайте, что вы говорите: «Не может вращаться, потому что она неподвижна»! Это всё равно, если сказать, что она неподвижна потому, что не может вращаться. Чепуха какая! Очень жаль мне вас. Создали замкнутый круг, из которого сами не

желаете выбраться. Так вы никогда ничего не узнаете! Уйду-ка я от вас в город Александрию, где в настоящий момент расцветают науки и искусства!

— Ну и скатертью дорога! — сказали земляки.

И Аристарх ушёл. Ушёл, ни с кем не попрощавшись. Сначала пешком, а потом на корабле. Прибыл в Александрию и говорит:

— Здрасте. Очень приятно познакомиться. Самосский.

— Здрасте, — говорят александрийцы. — С чем пожаловали?

— Есть, — говорит Аристарх, — кое-какие соображения насчёт мироздания.

— А, — говорят александрийцы, — это сейчас очень модно. Земля стоит, Солнце бегает вокруг неё? Слышали!.. Опоздал, родимец!

И тут Аристарх очень вежливо говорит:

— Извините меня, мужи александрийские, если я скажу что-нибудь не так, но я должен признаться, что всё это враки!

— Ну-ну, — сказали мужи александрийские, — ты думай, прежде чем говорить!

— А я думаю, — ответил Аристарх.

Мужи александрийские, не то что отсталые самосцы, — привыкли размышлять. Они немного поразмышляли и спросили:

— А что, по-твоему, не враки?

Аристарх сказал:

— Во-первых, Земля — обыкновенная планета.

Мужи александрийские вежливо рассмеялись.

— Ничего смешного в этом факте я не вижу, — сказал Аристарх и взял свой посох, чтобы идти дальше. Он так надеялся, что в Александрии его поймут! Всё-таки здесь была лучшая в мире библиотека.

— Погоди обижаться, — сказали мужи александрийские, — ты же взрослый человек! Ну, во-первых, Земля — обыкновенная планета, а во-вторых?

Аристарх вздохнул и прислонил посох к колонне. Он сознательно решил не обижаться. Это был очень важный момент в истории. Потому что именно с тех пор мыслители не удостаивали внимания никого, кто смеялся, когда они делились своими мыслями.

Прислонил он посох к колонне и говорит:

— Во-вторых, Земля вертится вокруг своей оси.

Тут все опять стали смеяться, уже не очень вежливо, а один муж александрийский даже воскликнул:

— Вот даёт!

Но Аристарх не удостоил его внимания.

— А в-третьих! А в-третьих! — закричали александрийцы,

потому что они очень любили философию и считали, что от философов можно услышать ещё и не такое.

— А в-третьих, — спокойно сказал Аристарх, — Земля обращается вокруг Солнца.

Теперь все так громко засмеялись, что Аристарх даже подумал, не рехнулись ли они.

— Обыкновенная! — кричал один муж александрийский. — Это же надо!

— Вертится! — надрывался другой. — Придумает же!

— И ещё вокруг Солнца! — просто ревел третий муж. — Чего только не услышишь!

А тот муж александрийский, которого Аристарх не удостоил внимания, выбрался из толпы и побежал куда-то, бормоча себе под нос, чтобы не забыть: «Во-первых, обыкновенная, во-вторых, вертится, в-третьих, обращается. Во-первых, обыкновенная, во-вторых, вертится, в-третьих, обращается…»

Он бежал по городу Александрии, стремясь как можно скорее донести жрецам о том, что говорил Аристарх. Одной половиной мозга он старался не забыть ни слова, а другой половиной мозга он уже подсчитывал, сколько ему заплатят за донос. А поскольку он не привык к умственной деятельности, несмотря на наличие в городе лучшей библиотеки, всё у него перемешалось. Пока он добежал, он всё позабыл, кроме общей суммы, которую хотел получить за свой донос. Прибежал к жрецам и как бухнет:

— Здрасте! Дайте семь рублей!

— За что? — говорят жрецы.

— Как — за что? За то самое…

Ну, этот, как его… Такой, знаете, приезжий, в хитоне и с посохом…

— Ну и что?

— В общем, с бородой… Говорит, обыкновенная, крутится…

— Кто крутится?

— Ну, в общем, обращается! Давайте деньги!..

Конечно, они его выгнали.

По этой причине Аристарху не влетело. Впрочем, как знать, может быть, он остался в истории не самым знаменитым человеком именно потому, что ему удалось избежать наказания.

Итак, Аристарху не влетело.

А когда мужи александрийские расходились по домам, двое из них разговорились. Это были настоящие учёные, которые выше всего на свете ставили смелость человеческой мысли.

Вот их разговор, который сохранился, слово в слово:

— А ведь дело говорит Аристарх!

— Конечно!

— Он ведь открыл гелиоцентрическую систему!

— Факт!

— Когда ещё её откроет Коперник! Через тысячу семьсот лет!..

— Да, не скоро… Но ничего не поделаешь. Человечеству она ещё не нужна. Придётся потерпеть без неё.

— А жаль. Такая хорошая система…

Тысячу семьсот лет никто, видимо, и не вспоминал об этой идее.

А ведь она существовала! И только очень образованные и смелые люди хранили её в своей памяти, вернее, она сохранилась в забытых бумагах, потому что проходили целые столетия, когда даже хранить что-нибудь в памяти бывало очень опасно. Тысячу семьсот лет добиралась идея Аристарха Самосского до Николая Коперника, который высказал её наконец вслух. Удивительно, что на протяжении семнадцати веков никому не понадобились прекрасные мысли Аристарха.

Но и заново открытая Коперником теория Аристарха всё равно появилась раньше, чем люди оказались готовыми её принять. Предрассудок, заключавшийся в том, что Земля является центром Вселенной, был могуч и свиреп. И многие последователи Коперника дорого заплатили за борьбу против этого предрассудка…

Тикк и Такк сидят на пепельнице и болтают ногами.

— Благодарю вас, друзья, за подсказки, — говорю я.

— Между прочим, не за что, — говорит Тикк. — Люди часто думают, что их знания действительности и сама действительность — одно и то же. Когда они наконец принимают какую-нибудь теорию или какое-нибудь предположение, они уже торопятся заявить, будто открыли истину. Все теории возникали на основе установившихся взглядов, иногда даже ошибочных. Новое люди будут открывать постоянно.

— Стоп! — говорю я. — Откуда вы это знаете? Вы же не умеете предсказывать будущее?

— Да-да, — опускают они глаза, — наукой занимаются люди. И открытиями занимаются люди. А наше дело сидеть на пепельнице и болтать ногами. Тик-так, тик-так, тик-так…

— Ребята, — говорю я, — не обижайтесь на моё замечание.

— Ничего-ничего, людям свойственно делать замечания истории. Они бы всё в ней переиначили по-своему, — говорит Тикк.

— Ну хорошо, — говорю я. — Мы остановились на Аристархе. Люди не приняли его идеи. Но, знаете, идею трудно пощупать

руками. Всё-таки, ребята, идея — не курица, вы согласны со мной?

— О да, — важно говорит Такк, — идея, действительно, не курица…

— Впрочем, — добавляет Тикк, — приручение курицы тоже началось с идеи её приручить.

— Надеюсь, — заметил я, — эта счастливая идея нашла больше сторонников и была принята быстрее, чем какая-нибудь теория мироздания?

— Разумеется, — говорит Тикк. — Просто курица годилась для супа и не вызывала двух мнений.

— Да, — соглашаюсь я, — курице очень повезло. Что же касается мироздания, то ему не везёт до сих пор. Теперь, как выяснилось, неважно, что вокруг чего крутится — Солнце ли вокруг Земли, Земля ли вокруг Солнца. Можно даже считать, что Земля вообще неподвижна, — и всё это правильно по современной теории относительности. Более того, Земля даже формы шара-то как следует не имеет. Она, говорят, скорее похожа на ягоду инжира. Но сколько нужно было сил человечеству, чтобы от неподвижной Земли прийти снова к неподвижной Земле! Одна только радость, что прежде Земля была неподвижна от невежества, а теперь она неподвижна от знания… Что-то будет дальше?

— Не знаем, — скромно говорит Тикк, — мы предсказываем только прошлое.

— Ну хорошо, ребята, — говорю я, — мироздание — бог с ним, ладно. Но какое-нибудь полезное изобретение, которое было бы бесспорным, — неужели и оно не нашло бы немедленного применения?

— Спидометр — полезная вещь?

— Несомненно.

— Его изобрели свыше двух тысяч лет назад. Звали изобретателя Ктесибий[6].

— Ну, спидометр мог и не пригодиться. Вещь специальная. Не было ещё автомобилей…

— Вот-вот, мог не пригодиться и не пригодился… Ладно… Вычисление длины меридиана — полезная вещь?

— Разумеется.

— Её вычислили свыше двух тысяч лет назад. Звали учёного Эратосфен[7]. Он ошибся всего на пятьдесят километров.

Теперь я молчу, потому что Тикк уже захватил инициативу, и перебивать его незачем.

— Реактивный двигатель — полезное изобретение? — спрашивает Тикк.

— Бесспорно, — говорю я, — если бы случилось чудо и в древнем мире появился бы реактивный двигатель…

— Слово «если», — перебивает Тикк, — здесь совершенно неуместно, потому что реактивный двигатель, машина реактивного действия, паровая турбина, действительно, появились в древности, и одна только радость, что изобретателя не пришибли за неё. Человечество прошло мимо этой машины, даже не обратив на неё серьёзного внимания.

ПЛАНКИ ПАЛИСАДНИКА

Замечательный ученик. Сначала было недоверие. Остроумный архистратег. Забота о будущем. Деловой разговор. Потом было непонимание

— Кто изобрёл сегнерово колесо? — спрашивает Тикк.

— Сегнер, — уверенно отвечаю я.

— Так, — замечает Тикк.

— Это всегда так бывает, — поясняю я. — Сегнерово колесо изобрёл Сегнер, воздушный шар монгольфьер изобрели братья Монгольфье, капли Зеленина изобрёл Зеленин…

— Так-так-так, — улыбнулся Тикк, — значит, капли датского короля изобрёл датский король?

— Нет, ребята, — говорю я, — это я уж точно знаю — капли датского короля изобрёл поэт Булат Окуджава. Да, действительно, несовпадение.

— Вот видишь! — говорит он. — Так кто изобрёл сегнерово колесо?

— Знаю! — воскликнул я. — Его изобрёл писатель Ефремов!

— Э, куда хватил! Ты не торопись. Сегнерово колесо было изобретено за семнадцать веков до Сегнера. А ты говоришь — Ефремов! Вот если бы мы тебя спросили, когда *будет* изобретено сегнерово колесо, тогда бы ты, может быть, был прав. А мы стараемся предсказывать только прошлое, несмотря на то что это ужасно трудно.

— Ну предскажите прошлое!

— Сейчас предскажем…

И, слушая их, я смотрел в окно и видел, как из соседней школы возвращаются домой ученики. Один ученик держал в руке палочку и старался зацепить ею каждую планку палисадника, вдоль которого шёл. Надо отдать справедливость его настойчивости. Если какая-нибудь планка оказывалась незацепленной, ученик непременно возвращался, чтобы все-таки её зацепить. Его действия напоминали мне планомерный ход истории, которая не любит перескакивать через события и если случайно перескакивает, то непременно возвращается, чтобы не иметь досадных пробелов.

Я подождал, пока этот замечательный ученик закончит свою историческую деятельность, перестанет трещать над ухом, и взялся записывать предсказания моих приятелей.

Так вот, во II веке до нашей эры один инженер, по имени Герон Александрийский[8], изобрёл сегнерово колесо, которое работало не как у Сегнера — при помощи воды, а при помощи пара — как современная турбина. Он изобрёл паровую турбину реактивного действия. Он взял котёл, прикрыл его крышкой, вставил в крышку трубку, провёл её в шарик, из которого торчали два загнутых в разные стороны рожка. Когда вода в котле закипала, пар попадал в шарик и вырывался из него через рожки. И по всем реактивным законам физики шарик крутился.

Герои увидел это и ахнул:

— Вот тебе раз! Если к этому шарику приделать насос? Он будет воду качать! А если колесо? Получится самоходная колесница?

Он чуть было не подумал, что, если к такому шарику приделать корабельный винт, — он, пожалуй, станет и корабли двигать!

Надо сказать, что в то время ещё существовал рабовладельческий строй. Рабы качали воду, ворочали вёслами, таскали тяжести и вообще делали самую трудную работу. И Герои Александрийский, возможно, даже подумал о том, чтобы прекратить рабовладельческий строй и перейти к следующему, феодальному строю при помощи своей машины. А может быть, и не подумал. Я тут ничего не могу утверждать.

Но, как бы то ни было, Герон Александрийский прежде всего надел новенький хитон и помчался со своей новостью к царю вне себя от радости. Шутка ли! Такое дело изобрёл!

Вбегает в приёмную царского дворца и сразу к секретарю.

— Здрасте, — говорит. — Царь дома?

Секретарь посмотрел на него и сощурился:

— По какому делу?

— Дело, — говорит, — государственной важности!

Секретарь опять сощурился:

— Обманываешь?

— Что ты! Честное древнегреческое.

Секретарь не верит.

— Не может быть, чтоб у тебя было государственное дело!

— Почему не может быть? — обиделся Герон.

— Потому что ты не государственный муж. Вот если бы ты был какой-нибудь сановник или стратег — тогда другое дело. А то ведь ты простой инженер. Ясно — обманываешь!

Тогда Герон хотел обозвать секретаря бюрократом, но призадумался, поскольку в обиходе этим словом ещё не пользовались, несмотря на то что половина этого слова греческого происхождения. И это очень затрудняло жизнь.

Потому что когда бюрократа обзывали бюрократом, он понимал только наполовину и прежде всего обижался. А инженер Герон был человеком смекалистым — недаром он был инженером. Он решил не ругаться, а действовать более тонко в психологическом отношении.

— Ну что ж, — говорит Герон, — не веришь — не надо. Тебе же хуже будет. А я пошёл. Пойду-ка лучше полежу на александрийской травке. Может, чего-нибудь ещё изобрету. Пока!

Тут уж секретарь испугался: а вдруг в данном, конкретном случае он совершает служебную ошибку? Вдруг его — в данном, конкретном случае — не погладят по головке?

— Ты погоди изобретать, — засуетился секретарь, — успеешь. Ты лучше скажи, зачем к царю шёл?

— А ты что, царь? — отвечает Герои. — Я же к царю шёл, а не к тебе!

Секретарь немного подумал и вздохнул:

— Ладно. Подожди — сейчас доложу. Но имей в виду, если обманываешь — тебе несдобровать!

И, ощутив твёрдую волю инженера, секретарь пошёл к царю.

В это время приёмная стала наполняться сановниками и чиновниками, среди которых попадались также стратеги и даже один архистратег[9]. Все они смотрели на Герона свысока и дружно обливали его презрением потому, что он был всего лишь инженером и не был не только стратегом, но даже сановником он не был никогда.

— Ну что, Герои, всё изобретаешь? — спросил архистратег, самый главный среди присутствующих, и все рассмеялись, поскольку этот архистратег по должности своей был также самый остроумный человек.

— Так точно, — ответил Герон.

— Ну изобретай, изобретай, — сказал архистратег, и все рассмеялись ещё пуще.

Так они все веселились, чувствуя своё превосходство и относясь к себе с большим самоуважением.

Но когда вышел секретарь и поманил пальцем Герона, смех сразу прекратился, а все сановники, чиновники и даже стратеги немедленно зауважали Герона. Сам остроумный архистратег сказал:

— Герон! Тебя вызывает царь. Ещё неизвестно, что из этого выйдет. Поэтому облей нас на всякий случай презрением и взгляни на нас свысока. Если тебя назначат нашим начальником, нам будет очень приятно, что ты нас уже заранее облил презрением. А если царь велит тебя казнить — нам будет приятно отрубить тебе голову за то, что ты обливал нас презрением, не

имея на это никакого права. Пожалуйста, не стесняйся, обливай…

— Обливаю! — весело сказал Герон и пошёл к царю.

Царь сидел на троне из слоновой кости и читал длинный лист папируса, держа его обеими руками. Пальцы его были в перстнях, а перстни сверкали бриллиантами чистейшей воды.

— Как дела, Герон? — спросил царь, не отрываясь от чтения, показывая таким образом, что он способен одновременно делать несколько государственных дел, а именно: сидеть на троне, читать папирус и спрашивать подданного о делах. Кроме этого, царь ещё ел конфету. Несмотря на такую страшную перегруженность, царь был бодр и трудоспособен.

— Дела идут, — почтительно ответил Герон, поражаясь царскому трудолюбию.

— Это хорошо, — произнёс царь. — Ну ступай. Ты мне мешаешь читать интересный папирус. Скажи секретарю, чтобы он тебе дал сто червонцев. Видишь, я никогда не забываю о подданных! Ступай! Нет, лучше пусть он тебе даст пятьдесят червонцев. Видишь, как я бережно расходую государственные деньги! Нет, ещё лучше — пусть он тебе даст пять червонцев. Видишь, как я забочусь о том, чтобы деньги тебя не развратили!

— Ваше величество, — сказал Герон, — я не хочу брать денег просто так, ни за что.

— Это хорошо, — сказал царь, продолжая делать сразу несколько государственных дел. — Это хорошо. Скажи секретарю, чтобы он тебе ничего не давал. Видишь, как я прислушиваюсь к желаниям подданных?

— Ваше величество, — сказал Герон. — Я изобрёл паровую машину.

— Это хорошо, — сказал царь. — Скажи секретарю, чтобы он дал тебе Знак Большого-Пребольшого Орла. Знак ничего не стоит. Ступай.

И Герон ушёл.

— Ну, что тебе сказал царь? — загалдели чиновники, сановники и даже стратеги.

— Он велел дать мне Знак, — сказал Герон.

— О! — воскликнули чиновники, сановники и стратеги.

А секретарь сейчас же, без разговоров, открыл сейф, вынул новенький Знак Большого-Пребольшого Орла и приколол к новенькому хитону Герона.

— Носи на здоровье, — сказал он. — Заходи, когда будет время.

Но в этот момент раздался звонок, и секретарь побежал к царю.

— Герон, — грозно сказал архистратег, — что бы это

значило?

— А я почём знаю? — ответил Герон.

— Наверно, — сказал архистратег, радостно потирая руки, — царь передумал. А скорее всего, ты нас надул! Скорее всего, ты самозванец!

Но тут выбежал секретарь и снова позвал Герона в кабинет. А архистратег разочарованно вздохнул.

Царь расхаживал по кабинету и думал.

— Герон, — сказал царь. — Почему ты так быстро ушёл?

— Так вы же мне велели, ваше величество.

— «Велели, велели»… Тебе лишь бы отхватить Знак… Нехорошо! Ну уж ладно, носи. Так что ты там изобрёл?

— Паровую машину, ваше величество.

— И что это за машина?

— Хорошая машина, ваше величество. Она может качать воду…

— Не надо, для этого есть рабы, — поморщился царь.

— Она сможет двигать корабли!

— Не надо, Герон, для этого тоже есть рабы, — сказал царь и зевнул.

— Она может крутить колёса!

— И для этого есть рабы, — сказал царь и потяну лея.

— Но взгляните, ваше величество!

— «Взгляните, взгляните»… Ну покажи.

— С радостью, ваше величество! Пойдёмте ко мне в мастерскую!

— Ты с ума сошёл! — обиделся царь. — Как это царь будет ходить по мастерским? А кто в это время будет сидеть на троне? Ты давай её сюда принеси.

— Сейчас принесу! — воскликнул Герон. — Только никуда не уходите.

— Ладно, подожду, — сказал царь и уселся на трон.

И действительно Герон привёз царю свою машину.

Царь посмотрел на неё, собрал чиновников и стратегов и сказал:

— Мы, как покровитель искусств, одобряем данную игрушку. Нам, как мыслителю, очень приятно думать, что эта игрушка создана под нашим покровительством. Мы, как образованнейший монарх, велим описать данную игрушку на специальном папирусе. Или лучше давай на пергаменте.

— А воду качать будем? — спросил Герон.

— Помолчи, — поморщился царь, — мы ещё не кончили. Значит, так. Мы, как образованнейший монарх, запрещаем пользоваться этой игрушкой кому бы то ни было, кроме нас.

Пусть она крутится для нашего удовольствия. А воду пусть качают рабы. Их и так некуда девать…

Вот как это было.

Тут надо сказать, что не поняли Герона начисто. То есть его настолько не поняли, что даже не наказали за смелость ума. Потому что Герон Александрийский обогнал человечество на целых две общественные формации. Ещё должен был пройти рабовладельческий строй, потом феодальный, и только потом уже подобная игрушка могла найти себе практическое применение…

Тик-так, тик-так, тик-так…

Как было бы хорошо, если бы всё шло без сучка без задоринки.

Но много ли на свете примеров, когда история не возвращалась, чтобы ударить своей волшебной ‘палочкой по пропущенной планке?

Тик-так, тик-так…

НА ПЯТЬСОТ ЛЕТ РАНЬШЕ СРОКА

Об Америку споткнулись варяги. Злиться легче, чем расширять свой кругозор. Люди гибнут за металл. Что значит хорошее воспитание. За морем телушка — полушка, да рубль — перевоз

Тикк и Такк предсказывают прошлое, несмотря на то что это довольно трудно и рискованно.

Они предсказали уже появление прекрасной идеи на семнадцать веков раньше срока. Они предсказали появление прекрасной машины на восемнадцать веков раньше срока. Теперь они заявляют о своём намерении предсказать открытие огромного материка примерно за пятьсот лет до того, как его следовало открыть.

Этот материк называется Америка.

Можно ограничить мир своими предрассудками или слабой технической оснащённостью, но мир от этого не станет меньше…

Америка всегда лежала на своём месте, несмотря на то что её всё никак не открывали. Потому что материки существуют независимо от того, знаем мы об их существовании или не знаем. Мы проплываем мимо них, если не умеем ими пользоваться, и останавливаемся на них только тогда, когда чувствуем возможность использовать их для своих нужд.

Америку открыли варяги.

Варяги плавали на своих быстрых, как ветер, утлых судёнышках и занимались морским промыслом. Они иногда ловили селёдку, но главным образом грабили и разбойничали на морях, океанах, а также в заливах и проливах. У них была такая профессия. Может быть, даже у них были курсы по повышению квалификации.

Варяги были очень примечательными людьми. Когда они с кем-нибудь разговаривали, они обязательно клали руку на меч. Если они не понимали собеседника наполовину — они вытаскивали наполовину меч. Если на четверть — и меч вытаскивали на четверть. Если не понимали на три четверти, значит, и меч вытаскивали ровно на три четверти. Таким образом, по тому, на сколько обнажён меч, можно было точно установить, на сколько варяг не понимает своего собеседника. Когда они не понимали собеседника полностью, тогда они и меч вытаскивали

целиком.

То есть они были ещё наивны. Они ещё не знали, что нужно расширять свой кругозор, а не злиться по невежеству на непонятное. Они думали, что то, что непонятно им, — не должно существовать вовсе. То есть, проще говоря, они полностью находились в плену своих отсталых взглядов, которые, как мы уже выяснили, называются предрассудками…

Но несмотря на отсталые взгляды, они были хорошими мореходами и постоянно что-нибудь открывали. Потому что всё время мотаться по морям и ничего не открыть — это просто смешно.

Вот высадились варяги на очередной берег и расхаживают.

— Что-то мы, во всяком случае, открыли, — говорят они друг другу, — а что — неясно.

— Во всяком случае, это — земля.

— Во всяком случае, мы не зря шли сюда на своих быстрых, как ветер, утлых судёнышках.

А один варяг углубился в глубь территории и вдруг встретил какого-то человека с перьями на голове.

— Ты кто? — спросил варяг.

— А ты кто? — спросил человек.

— Ты отвечай, когда спрашивают! — сказал варяг и, устрашающе пошевелив усами, вытащил меч ровно на одну восьмую.

— И ты отвечай, когда спрашивают — ответил человек и тряхнул перьями.

Тогда варяг походил вокруг человека, а человек походил вокруг варяга. Они немного помолчали. Варяг подумал и вдруг сказал:

— А вот оторву я тебе сейчас башку — тогда ты узнаешь, кто я такой!

И вытащил меч на три восьмых.

Тогда человек посмотрел на варяга, как на маленького, улыбнулся и сказал:

— Как же я что-нибудь узнаю, если ты оторвёшь мне башку?

Варяг засопел и стал думать, машинально вытаскивая меч.

И вдруг расхохотался, сунув меч в ножны.

— Как ты сказал? — хохотал варяг. — А? Если я оторву тебе башку — ты ничего никогда не узнаешь?! Хо-хо-хо! Ой, не могу! Как это ты догадался? Ты, наверно, очень умный человек! Давай познакомимся! У меня будет такой умный знакомый! Да ещё иностранец!

— Сам ты иностранец, — сказал человек, и варяг опять засопел и стал думать, машинально вытаскивая меч.

Пока он думал, человек спокойно принялся разводить костёр. И когда огонь уже как следует разгорелся, варяг, успевший вытащить свой меч почти на семь тринадцатых, вдруг захлопнул его обратно и опять захохотал:

— Как ты сказал — хо-хо-хо? Я — иностранец? Правильно! Я же приехал из другой страны! Какой ты умный, просто на редкость!

Человек сказал:

— Ты иностранец, а я — туземец. Ты пришелец, а я — тутошний…

— Родной мой тутошний туземец! — заорал варяг. — Я рад тебя видеть! Мы — морские разбойники! Ну говори, золото тут есть?

— Золото? Может быть, и есть, но я не знаю, что это такое.

— Брось разыгрывать!

— Я тебя не разыгрываю. Я в самом деле не знаю, что такое золото.

— Ты что — маленький? Бее знают, что такое золото, а один ты не знаешь? Ты разве не слышал такую песню «Люди гибнут за металл»?

— Нет, — сказал туземец и тряхнул перьями. — Я думаю, если люди гибнут за металл, так они просто дураки. Садись-ка лучше к костру. Сейчас придут охотники и принесут оленя. Мы его зажарим и съедим.

Варяг был так подавлен этим разговором, что послушно присел к костру, подвалив под себя камень. Но едва он взглянул на этот камень, как вскочил и заорал так, словно его укусила змея:

— Золото! Смотри! Золото! У вас тут валяется под ногами золото!

— Ну и пусть валяется, — пожал плечами туземец. — Почему ты суетишься? У нас таких камней хоть отбавляй. Эти прожилки нам совершенно ни к чему! Мы тебе можем дать их сколько угодно. Зачем они нам?! Их нельзя есть, из них нельзя ничего сделать, разве что какие-нибудь побрякушки… Но разве мой головной убор не красивее твоего золота? Ведь каждое перо, которое в него вдето, я получил за меткую стрельбу, или за умение разводить костёр, или за остроту зрения…

— Что ты мелешь глупости? — кричал варяг. — Нет, тебя нужно обезглавить! Раз ты не знаешь, что такое золото, — ты не должен жить!

И может быть, он действительно осуществил бы своё намерение, если бы у него хватило сил отпустить свой булыжник.

В это время к костру подошли охотники и принесли оленя.

Они с удивлением рассматривали безумного варяга, бегавшего в обнимку с камнем. И тут появились другие варяги.

— У меня золото! — закричал им варяг.

— Покажи! — крикнули они в ответ и подскочили к нему. — Дай посмотреть.

И они начали ужасную свалку.

А в это время гордые туземцы жарили оленя, с удивлением поглядывая на сумасшедших пришельцев.

Пришельцы подрались, помяли друг другу бока и, немного отдышавшись, потащили раненых к своим быстрым, как ветер, утлым судёнышкам.

— Таких болванов свет ещё не видывал, — говорили друг другу туземцы, — надо дать им этих булыжников, и пускай проваливают. Какого звону наделали!

И туземцы накидали в мешок золотых самородков и отнесли их к кораблям. Там охали раненые, прикладывая к разным местам свинцовые примочки.

— Возьмите ваше золото, — сказали туземцы, — и плывите откуда приплыли. Нам не нужны ни бесполезные вещи, ни бесполезные люди.

— Мы ещё вам припомним ваши слова, — сказали варяги, принимая золото и не говоря спасибо.

И прямодушные туземцы не почувствовали в их словах страшной угрозы, которой было суждено осуществиться примерно через пятьсот лет…

А варяги поплыли назад, в Европу, зализывая раны и стараясь позабыть о непристойной свалке на берегу.

Путь был долог. И вот приплывают они домой в Европу с довольным и загадочным выражением лица, окончательно помирившись! Ходят, переглядываются и перемигиваются. Просто даже неприлично, как они себя ведут. Будто что-то знают, но почему-то скрывают. Встречные европейцы никак не могут понять — отчего это варяги так задаются.

Но европейцы и в те времена были уже довольно воспитанными людьми и никогда и ни о чём никого не расспрашивали, считая это неприличным. Чем меньше расспрашиваешь человека, тем больше он хочет разболтать свой секрет. Отдадим должное выдержке европейцев. Если бы они кинулись расспрашивать, может быть, варяги задавались бы до сегодняшнего дня и мы так ничего и не узнали бы.

Этот период вошёл в историю как время мрачного безмолвия. Все изо всех сил молчали и никто не хотел первым начинать разговор.

Но тут варяги собрались в кружок, обняв друг друга за плечи

и сдвинувшись лбами. Они всегда так держали совет.

— Надо сдаваться, — прошептал один варяг, тот самый, который нам уже знаком. После того, как друзья наломали ему бока, он стал мыслить гибче. — Ничем этих европейцев не проймёшь. Слишком воспитанны. Ни о чём не расспрашивают. Придётся их информировать о нашем открытии.

— Может, их ещё немножко пограбить? — прошептали другие варяги.

— Пограбить их никогда не поздно, — прошептали самые мудрые варяги, — но проинформировать их мы должны, потому что и так уже о нас идёт дурная слава, будто мы просто какие-то воображалы и не умеем себя вести в обществе.

— Ладно! — сказали варяги и стали созывать европейцев зычными голосами.

— Уважаемые европейцы! — радостно орали они. — Уважаемые европейцы, чума вас побери! Мы вам сообщим свою тайну, так и быть. Мы не скрытничаем! Мы тоже умеем себя держать в хорошем обществе!

— Очень приятно будет услышать, — учтиво сказали европейцы и поклонились.

— Угадайте, что мы открыли? Мы открыли Америку!

— Ах, — сказали европейцы, — как это мило с вашей стороны! Это прекрасно! Это просто шарман!

Варяги отставили правую ногу, положили руки на рукоятки мечей, задрали большие носы и стали гордиться.

А европейцы немножко поаплодировали, потому что бурно аплодировать — это признак дурного тона, и спросили:

— Не будут ли господа варяги любезны объяснить нам, что такое Америка?

У варягов аж глаза вылезли от удивления, а мечи полезли из ножен немного больше, чем на три четверти.

— Вы что, маленькие? — заорали они. — Сто сорок дьяволов! Это же целый континент! Целое полушарие!

— Мы весьма польщены вашей учтивостью, — красиво сказали европейцы, — но не будут ли господа варяги любезны сказать, на что она сдалась, эта Америка?

Тут варяги просто растерялись.

— Как это — на что? Как — на что? — загалдели они.

Европейцы снова сделали реверанс и сказали:

— Господа варяги, мы рассчитываем на вашу откровенность и имеем удовольствие просить вас, если это, разумеется, не нарушает ваши планы, информировать нас о ваших дальнейших намерениях относительно открытого вами континента.

— Чего? — спросили варяги и на всякий случай вытащили

мечи из ножен на три седьмых.

Европейцы посмотрели на мечи и поклонились.

— Короче говоря, что вы собираетесь делать с этой Америкой? — спросили европейцы, улыбаясь, поскольку они всегда улыбались, когда что-нибудь спрашивали.

Варяги немедленно задвинули мечи обратно и весело сказали:

— Ха-ха-ха! Мы хотим её подарить вам!

— Нам? — удивились европейцы. — Мерси боку! Однако зачем она нам?

Тут уж варяги просто опешили:

— Как?! Вам что — наш подарок не нравится? Вы что, брезгаете? Мы вам не сказали ещё самого главного! Вы знаете, что там золото валяется просто под ногами!

— Золото прямо под ногами? — переспросили европейцы и в волнении облизнули губы. — Золото под ногами — это хорошо… Да… Но только ведь оно само к нам не приедет, не правда ли? А современное состояние наших средств коммуникаций таково, что на данном историческом отрезке это золото окажется недосягаемым… Извините, господа варяги, мы польщены вашим подарком. Увы…

Тогда варяги от отчаяния даже почти что заплакали.

— Братцы европейцы, — сказали они жалобно, — ну, пожалуйста, возьмите себе Америку. Ну это же просто неприлично отказываться от подарков! Бы нас обижаете. Мы обещаем вас больше не грабить и не вздёргивать на реях — только возьмите. Там же золото под ногами!

— Ну ладно, — сжалились европейцы, — берём условно. Мерси. Открывайте что-нибудь ещё… Золото под ногами, золото под ногами… Надо будет запомнить.

И разошлись.

Но европейцы в суматохе войн и междоусобиц позабыли о своих словах. Они так и не приняли Америку, потому что она им была совершенно ни к чему. Они даже забыли о её существовании и больше никогда не говорили о ней. У них были другие заботы.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Мир не становился меньше оттого, что о нём меньше знали.

Но он не становился и больше, если люди не умели им пользоваться.

Дорога ложка к обеду, но никто ещё не отказывался от обеда, если под рукою не было ложки, когда подоспело время садиться за стол.

Тик-так, тик-так…

МСТИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ
Две формулы. Портрет древнего грека. Материал для египетской пирамиды. Страшная месть. Прекрасная Нефертити. Мечты философа Юлиана. Время не закрывается на переучёт

— Ребята, — говорю я, — ваши рассказы наталкивают на грустные размышления. Получается, что люди зря старались, и напрасно они обгоняли время. Получается, что они должны были бы сидеть и не рыпаться, и тот угрюмый тип, которого бывший Обезьян назвал сгоряча венцом творения, был прав, когда велел Человеку положить звезду на место?

— Ни в коем случае! — восклицает Тикк. — Ни в коем случае! Люди обгоняли своё время, обгоняют его и, надеемся, будут обгонять. Такова их природа. Они это делают не потому, что берут на себя обязательство изобрести что-нибудь на многие века раньше срока. Нет! Они это делают потому, что так устроен разум, таковы законы его развития. Нельзя запретить открытие, только наивные невежды полагают, что в состоянии это сделать.

— Я знаю только то, что я ничего не знаю, — сказал человек, который хотел знать неизмеримо больше, чем знает, и поэтому сказал так скромно…

— Я не знаю ничего, чего бы я не знал, — сказал другой человек, надуваясь тщеславием.

Это — мысли-враги…

Конечно, теперь, обращаясь в прошлое, мы видим его ошибки и несуразности. Мы бы, конечно, на месте мужей александрийских воздали бы должное великому Аристарху. И великому Герону тоже. Мы бы уж ухватились за новый континент, открытый морскими разбойниками. Мы бы уж, конечно…

Нет, не воздали бы мы должное великому Аристарху по той простой причине, что нас тогда ещё не было. Вот таких, какие мы есть на сегодняшний день. И, думая об Аристархе, мы думаем с вершины сегодняшнего дня и наделяем его чертами своих современников. Потому что мы не видели его никогда, а их видим каждый день. И в воображении нашем живёт, может быть, даже совсем не тот Аристарх…

Время делится на три части — прошлое, настоящее и

будущее.

И в отличие от прошлого и будущего, настоящее представляет собою тот конкретный отрезок времени, который отпущен человеку для личного пользования. Это очень важный отрезок, и им нужно умело пользоваться, чтобы жизнь не прошла без толку. Именно на этом отрезке возникают предположения, обращённые в прошлое, и предположения, обращённые в будущее. Именно на этом отрезке рождается мужество.

Если рисовать прошлое сегодняшними красками, оно будет выглядеть складнее и поучительнее. Человеки хотят, чтобы все мудрецы прошедших времён подтвердили их сегодняшние взгляды. И они заставляют дружить в прошлом неприятелей и враждовать в прошлом друзей. Они приписывают мудрецу необходимые им сегодня изречения. Они самоутверждаются за счёт того, чего уже нет и никогда не будет. А прошлое, между прочим, остаётся таким, каким оно было на самом деле.

Мстительное чувство справедливости овладевает нами, когда мы хотим навести порядок в истории. Мы бы уж подкинули Спартаку десяток-другой бронетранспортёров! Мы бы уж в самом корне ликвидировали какой-нибудь первобытный строй, как малопродуктивный, и в три счёта толкнули бы человечество на парочку эпох вперёд…

Но мы говорим, а люди жили. Мы говорим сегодня, а они жили вчера.

Для того чтобы построить египетскую пирамиду, нужны были не только материалы и не только рабочие руки. Из материалов строили всегда и всегда будут строить. И без рабочих рук на земле никогда не обходились и никогда не обойдутся, даже если работа сведётся к простому нажиманию кнопок.

Но для того чтобы построить египетскую пирамиду, нужно было одно самое главное условие — нужен был рабовладельческий строй. Потому что никакой другой строй не в состоянии создать такую трудоёмкую бессмыслицу и так способствовать пустому тщеславию. Конечно, при современных условиях создать одно из чудес древнего мира — пирамиду Хеопса высотою в целых сто сорок один метр — ничего не стоит. Несколько экскаваторов, несколько кранов, может быть, один-два вертолёта — и чудо готово! Но всё дело в том, что сущность такой постройки в наши дни будет совсем иной. Не тщеславие фараона и не покорность рабов отразит она, а просто механическую шутку людей, Которые умеют строить и не такие пустяки.

Человеческий труд дорожал по мере того, как развивался человек. И нам теперь легко говорить… А ведь в то время среди

людей, которые воспринимали право человека владеть человеком как должное, попадались даже лучшие умы тогдашней современности! Например, величайший мыслитель древности Аристотель учил, что древние греки являются свободными людьми, и восхищался ими. В то же время он считал естественным, что другие народы пригодны для рабства.

— Как обидно, — говорю я, — такой культурный человек говорил такие нехорошие эксплуататорские слова…

Тикк разводит руками:

— Что поделаешь! Эти слова выражали в то время передовое мировоззрение.

— Ай как нехорошо… Неужели он не мог сказать что-нибудь передовее?

— Не знаю, я его не спрашивал… Он был сын своего времени. Люди редко выскакивали из своего времени, а если и выскакивали, то, как я мог заметить, не к добру для себя. И всё-таки люди, которые стремились обогнать время, были великими людьми, без которых род людской немыслим.

За много веков до Аристотеля в Древнем Египте жил да был славный фараон Эхнатон[10]. Что сказать об этом царе? Был он силён духом, образован, и власть его была велика. Была у него жена — преславная Нефертити, красота которой не увядает вот уже почти три с половиною тысячи лет.

Вы заметили, что у царей всегда бывали супруги, а не жёны. Жена — слишком обыденно, а супруга — весьма величественно, как и подобает сану…

А Нефертити была женою. Потому что Эхнатон не уважал пустого тщеславия. Он уважал природу такою, какою она была, и не уважал старых жрецов и их учение, полное ненависти к человеку. Он объявил единым богом Солнечный Диск, который даёт людям жизнь, веселье и радость. И все сущее ка земле положил считать происходящим от солнца, что, в общем, и соответствовало действительности. Он отверг старых кровавых богов и открыл дорогу новому богу, который, собственно говоря, был самою природой, самою жизнью…

Вот какой был этот царь. Он царствовал двадцать лет, и за эти годы в стране его развилось прекрасное искусство. Оно было правдиво и смело, ибо изображало жизнь такою, какой она была на самом деле, а не такой, какой её повелевали видеть жрецы. И то, за что казнили до Эхнатона, обрело при нём право на жизнь — правдивое слово, живая краска, острая мысль…

Он запретил художникам лгать, и льстецы уступили место талантам. Мы восхищаемся величавой простотой Нефертити и верим, что она была такой, какой изображена, без лести и

преклонения, ибо самого Эхнатона художники изображали пузатеньким, несмотря на то что он был наместник бога на земле. Эхнатон не обижался. Он уважал правдивых людей. Он полагал достоинство в делах, а не в спесивой позе.

И это было в те времена, когда возвеличивание власти было свирепым, оно топтало человеческую природу, и даже женщина, имевшая власть, изображалась в виде мужчины, чтобы подольстить ей. Хотя теперь нам ясно, что лесть эта весьма сомнительна. А Эхнатону это было ясно уже тогда.

Дела его были велики. Он создал новое мировоззрение, он возвысил новых людей, он отверг косных жрецов и выстроил новую столицу.

Да не вовремя явился Эхнатон. Слишком велика была его ересь. Он рванулся вперёд из времени, и старое догнало его и расправилось с ним без пощады. Когда он умер, жрецы отомстили новым людям и растоптали новое мировоззрение, и заросла травою новая столица Эхнатона. И восторжествовал тяжёлый мрак фараонского тщеславия, и восторжествовали льстецы и мракобесы, наступил такой свирепый режим, какого не было и до Эхнатона…

Подобно тому, как множество сегодняшних обыденных вещей были изобретены, открыты и даже построены в древности, в которой о применении их не могло быть и речи, в той же глубокой древности возникали и новые, прогрессивные правила жизни общества, которые так же отвергались людьми, как всё преждевременное. Это случалось нередко, когда торопили то, что должно созреть само по себе.

Старое, если силы его ещё не истощены, всегда мстит новому ужасной местью…

Тикк, который делится со мною своими наблюдениями, следит также за моим пером, чтобы я чего-нибудь не вставил от себя. Он очень щепетилен.

— Итак, — говорит он, — Эхнатон рванулся из своего времени, радея о добре, но зло ещё было слишком могучим, чтобы смириться. Так бывало. Ничего не попишешь.

Вероятно, значение имеет не только сама идея, не только само открытие, но и подготовленность к ним. Эта подготовленность оберегает новое, гарантируя его жизнь и утверждение…

— Ничего подобного, — вдруг вставляет Такк. — люди жили довольно спокойно — и на тебе! Реформы! Конечно, это неприятно…

— Не слушай его, — возражает Тикк. — Эхнатон вырос не на пустом месте. Искусство Египта в то время развивалось по новым

путям, развивалась новая культура, иностранные связи — люди никогда не жили спокойно. Просто Эхнатон немного поторопился…

Но если бы он не поторопился, разве знали бы сейчас о прекрасной Нефертити?!

— Ты опять шутишь? — сердится Такк, но Тикк не обращает на него внимания.

— Слушай, — говорит он мне, — я расскажу тебе об одном хорошем человеке, попавшем в скверную историю. Это было совсем недавно — всего полторы тысячи лет назад…

— В Риме! — воскликнул я.

— Совершенно верно, — удивился Тикк. — Откуда ты знаешь?

— Очень просто. Всё, что было полторы тысячи лет назад, бывало непременно в Риме!

— Удивительная догадливость, — похвалил Тикк. — Так вот в Риме, наконец, победило христианство. То самое христианство, которое ещё совсем недавно считалось жуткой ересью и беспощадно каралось. Набрав силы и сделавшись официальной государственной религией, христианство само стало карать всякого, кто сомневался в его истинности. Оно уже ослепло от безнаказанности, и никто не мог объяснить, как религия, в основе которой лежали такие заманчивые понятия, как «братство», «справедливость», «милосердие», — как эта религия превратилась в орудие кровавой расправы с инакомыслящими и с мыслящими вообще…

Ересь стала предрассудком, а предрассудок сделался опорой империи и получил ка вооружение уже не проповеди вероучителей, а топоры палачей. К тому времени Рим уже привык к полуграмотным императорам, сменявшим друг друга в кровавых заговорах. Римом правили заговорщики, решая судьбу огромной империи в зависимости от своих личных выгод. Рим привык уже к пустой пышности, к одичанию искусства и культуры. Говорят, даже сочинители писали в стихах о пользе лекарственных трав, чтобы не навлечь на себя подозрений в вольнодумстве…

Так вот именно в это время на престоле появился император-философ. Его звали Юлиан[11]. Он был образован и умел мыслить.

Древние философы, которых официальные пастыри называли «язычниками», учили, что всякое зло от заблуждения. Они учили, что истина — в добре. Не была ли заблуждением государственная религия, ибо она творила зло? Не была ли она заблуждением, ибо видела истину в покорной слепоте?

Юлиан вернулся к древним философам. Он отстранил епископов, кровожадных и скорых на расправу. Он отстранил жестоких поборников «милосердной» веры. Он возвратил храмы языческим богам — наивным, суетным, подверженным страстям человеческим. Он вернул науку науке, а искусство — искусству. Он вернул философию философии, отобрав её у злобных подозрительных начётчиков.

И подобно тому, как изображали Эхнатона, не заботясь о его возвеличивании, на императора Юлиана сочиняли сатиры, посмеиваясь над его увлечённостью греческой философией. Однако умный император не казнил насмешников. Он понимал, что с мнением нужно бороться мнением, а не топором; своим умом, а не рукою палача. И насмешники уважали его, ибо было за что. Он был деятелен и смел. Он показывал пример воздержанности, он разогнал хоть некоторую часть придворных дармоедов, и, говорят, это дало возможность уменьшить налоги с населения на целую треть. Он ходил в плаще и не носил пышных одеяний, ибо был он философ, а не спесивый паяц. И погиб он от стрелы неприятеля, идя впереди войск…

Так закончилось коротенькое, двухлетнее правление Юлиана. И после смерти его вернулись епископы и мракобесы, и слово было вновь заменено топором…

Официальная религия прокляла его, и во всех энциклопедиях он значится как «Юлиан Отступник».

А от чего он отступил? От узаконенного беззакония…

Мстительное чувство справедливости увлекает нас, когда мы обращаем свои взоры в прошлое. Уж мы бы, конечно…

Да.

А между тем есть только один отрезок времени, на котором мы можем что-нибудь сделать.

Это — настоящее.

Все философии всех времён и все создания всех времён были сотворены на таком отрезке.

Человек обращается в прошлое и мечтает о будущем, но живёт он в настоящем. Именно в нём он работает, шутит, борется. Именно в нём живёт его надежда.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Время не умеет закрываться на переучёт.

СИЗИФ И КИБЕРНЕТИКА
Цена вещей. Преемник Робинзона Крузо. Шаги человечества. Оглядываться надо уметь. Зубы мудрости

Вещи сами по себе не имеют никакой ценности. И ценность их целиком зависит от того, какое сложилось к ним отношение людей.

Каменный топор имел колоссальную, неограниченную ценность для жителей каменного века. Он был орудием производства, без которого не обойтись. Для жителей бронзового века он был устаревшим орудием, которое во многом проигрывает рядом с новейшими бронзовыми топорами. И поэтому ценность его значительно снизилась. Для нас каменный топор не является даже близким к понятию современного орудия производства. Для нас он только редкость. И поэтому он снова обрёл определённую ценность.

Каменный топор не изменился. Он оставался таким, каким был с самого начала. Менялось только отношение людей к нему и, меняясь, делало его то очень ценным, то не очень ценным, то совершенно бесполезным, то снова обретшим ценность.

Если бы, например, во времена египетских фараонов появился самый наш современный автомобиль, самый дорогой по нашим представлениям, может быть, люди запрягли бы в этот автомобиль коней или волов, приближаясь к его назначению, но не принимая основной его идеи — идеи самоходной, именно самоходной повозки. Может быть, для облегчения этой повозки из неё выкинули бы все тяжёлые и ненужные детали. Например, такую совершенно бесполезную штуку, как мотор. Всё могло бы быть. Не могло бы быть только одного — использования автомобиля по назначению.

Не постигнет ли автомобиль в будущем судьба каменного топора? Поставят его в музее и будут с превосходством смотреть на него:

— И надо же! На чём только не ездили в древности!

Но Тикк и Такк не предсказывают будущее. Они предсказывают прошлое.

Если бы Робинзон Крузо вдруг обнаружил на своём острове даже примитивный детекторный приёмник — находка была бы ему совершенно не нужна, несмотря на то что Робинзон скучал по живому слову. Приёмник молчал бы потому, что ещё не было

передающих радиостанций. Робинзон пользовался своими попугаями. Он надиктовывал в попугая отдельные фразы, как в магнитофон, и попугай воспроизводил эти фразы, скрашивая досуг Робинзона. Но, появись магнитофон на необитаемом острове, он был бы совершенно бесполезен, поскольку сначала на острове должна была появиться электрическая розетка с током, куда можно было бы воткнуть магнитофонную вилку…

Итак, для того чтобы радиоприёмник был полезной вещью, нужна действующая радиостанция. Для того чтобы горела лампочка, в розетке должен быть электрический ток, для того чтобы ездил автомобиль, необходим бензин.

Открытие нефти явилось обеспечением автомобиля за много лет до его появления. Работая над нефтью, разлагая её на части, перегоняя её в лабораториях и на заводах, люди находили в ней множество элементов, которые годились для самых разнообразных дел. Эти элементы шли в работу сразу или ждали, пока появится в них необходимость. И когда изобрели двигатель внутреннего сгорания, уже не было вопроса, что именно должно сгорать в его цилиндрах. Существовало материальное обеспечение, и автомобиль был принят людьми, в общем, как говорится, со скрипом, но скрип этот продолжался совсем недолго. И автомобиль стал чем-то самим собою разумеющимся…

Когда возникла возможность вырабатывать электричество, изобретения электродвигателей, телефона, телеграфа, ламп посыпались как из решета. Потому что появилось обеспечение работы этих приборов.

Можно ли себе представить в наши дни отсутствие электричества? Нет, конечно. Оно введено в каждый дом и спокойно дожидается в розетке любой работы, которую мы собираемся ему задать. Электричество уже является уровнем нашей жизни, и мы живём соответственно с этим уровнем.

Иванушка-дурачок произносил своё известное заклинание «По щучьему велению, по моему хотению». Это была сказка, несбыточная мечта, которая не могла осуществиться, поскольку никаких гарантий для её осуществления ещё не было. Теперь, конечно, мы знаем, что заклинание Иванушки можно сделать кодом, шифром для работы электронной машины. Такие послушные машины теперь уже существуют. Но ведь совсем ещё недавно электроника наталкивалась на яростную и беспощадную силу предрассудков. Считалось, что машина не может быть распорядительнее человека, этого известного царя природы. Нужна была техническая гарантия и для ковра-самолёта и для ступы, в которой любит передвигаться баба-яга, когда ей надоедает помело.

Технические гарантии перестраивали быт людей. Пока существовала одна радиостанция и один приёмник, это великое открытие казалось чудом тем, кто его совершил, и вызывало активное недоверие большинства людей. Но когда приёмников стало много, люди как-то сразу позабыли о своём вчерашнем враждебном недоверии. И теперь на всей земле если и найдётся человек, который недоволен этим прекрасным приспособлением, то недовольство его будет пропорционально только громкости соседского динамика.

Люди всегда относятся настороженно к тому, чего они ещё не понимают и чем они ещё не могут располагать. Но от враждебности их не остаётся и следа, как только возникает возможность пользоваться открытием. Более того, никакие ограничения уже не смогут им препятствовать.

Такк разлёгся на подставке настольной лампы. Он пишет воспоминания. Он гнёт свою линию.

— Человечество шагало стройными колоннами вперёд и вперёд, — сообщает он.

— Да, — говорит Тикк. — Как было бы просто, если бы человечество только то и делало, что шагало.

— А то не шагало?

— А то шагало?

— Ребята, стоп!

— А я говорю — шагало! Смотри, какая она стройная — история! Шеренга за шеренгой — любо глядеть! События одно за другим — раз-два, раз-два! Прекрасные колесницы египтян! Хитоны греков! Тоги римлян! Сверкающие доспехи рыцарей! Плащи мушкетёров!

— Да погоди ты, — перебивает Тикк. — Человечество, может быть, и шагало. Но оно прежде всего шагало за сохою, подбадривая своих волов.

— Ну почему ты так не любишь красоту? — возмущается Такк.

— Это я-то не люблю красоту?! Что может быть прекраснее этого? Что может быть прекраснее приспособления к законам природы? Что может быть прекраснее результатов этого приспособления? Да разве достигло бы чего-нибудь человечество, если бы каждый день, каждый час не проникало бы в самую суть законов природы? Оно трудолюбиво и настойчиво шло по земле, подбадривая волов! А потом находились красавцы вроде тебя, которые утверждали, что оно шагало стройными колоннами!

— Ну и что? Колонны — красивее. И потом, люди считали, что обречены на труд как на проклятье… А во время парадов не надо было работать!

— Молодец! Сообразил всё-таки! «Люди считали, люди считали»! Да что бы ни считали люди, во что бы они ни верили — действительность была сильнее любой веры! Они считали, что труд — проклятье, но они трудились, и всё, чего они достигли, они достигли трудом — тем самым «проклятьем», без которого они не могли прожить ни дня.

И Тикк обращается ко мне:

— Жил-был славный царь Сизиф…

— Опять царь?

— Ну что я могу поделать! Цари застревали в истории, как мухи в паутине.

— Слушай-слушай, — оживляется Такк. — Это был прекрасный царь. У него была шёлковая борода и могучие плечи…

— Оставь, пожалуйста… Не в этом дело! Царь Сизиф был обречён на муки бесплодного труда.

— Правильно, — подтвердил Такк. — Он не послушался богов, и они его обрекли… Что же здесь такого?

Итак, царь Сизиф был обречён на то, что вкатывал на гору камень, и камень, едва достигнув вершины, вырывался и скатывался назад. И Сизиф шёл за ним и снова катил его вверх, и камень снова вырывался. И труд его был бессмыслен потому, что не приносил результата.

Вот вкатывает Сизиф свой камень на вершину и видит, что на вершине сидит учётчик и записывает ему ходки деревянным стилом на вощаной дощечке. Обрадовался Сизиф, что труд его хотя бы учитывается, отпустил камень и бодро побежал за ним вслед.

Как-то взбирается он на вершину и видит, что нет уже того учётчика, а сидит другой парень и пишет не на дощечке, а щёлкает на счётах. Очень приятно было видеть Сизифу такие перемены в своей жизни, отпустил он камень и пошёл за ним вниз.

Вкатывал-вкатывал, однажды вкатил — смотрит, сидит симпатичная барышня и крутит на арифмометре. А рядом ещё две барышни стучат на машинках «Ундервуд». И ещё три тётеньки что-то пишут от руки. И расхаживает среди них дяденька. Глянул на них Сизиф и прослезился от умиления: скольким людям он работу задал!

Так он ещё повкатывал свой камень и вдруг увидел на вершине горы непонятное сооружение — шкаф не шкаф, а что-то похожее — кибернетическую машину.

Осмотрелся Сизиф вокруг, вздохнул полной грудью, вытер лоб тыльной стороной ладони и гордо сказал, придерживая

камень ногой:

— Во техника шагнула!

И, радостно отпустив свой камень, ринулся за ним вниз, чтоб вкатывать его снова на вершину.

— Ты что-то напутал, — чопорно сказал Такк. — Ты ввёл новые понятия в старую сущность. Кибернетики в те времена ещё не было.

— Неужели не было? — спросил я. — Странно. Как же тогда обходились без кибернетики?

Тикк рассмеялся:

— Это я напутал своими подсказками. Мы неправильно оглянулись в прошлое. Оглядываться тоже надо уметь. Оглянешься, испугаешься и дашь стрекача. Или закроешь глаза, как страус, да ещё и голову под крыло сунешь. Или, наоборот, ничего не увидишь, кроме того, что история шагала бодро и весело стройными рядами. А на самом деле она шла в гору и катила свой камень. Однако вовсе не для того, чтобы выпустить его назад и, уж конечно, не для того, чтобы точно подсчитать, сколько раз этот камень вкатывала.

Потому что каждый шаг в гору придавал человеку опыт и осмысливал его действия…

Тик-так, тик-так, тик-так…

Зубы мудрости не растут прежде молочных зубов…

ОТПУСТИ РУКУ УЧИТЕЛЯ

Ребёнку угрожает опасность. Современники Чарлза Дарвина. Слёзы быстро просыхают. Полёт фантазии. Пряник из будущего. Луна должна быть круглой. Как смотреть на спутник

Археологи находят в горах следы древнейших построек из лёсса. Лёсса в горах не бывает. Он накапливается в долинах, в поймах рек, и в горы его приходилось носить. Очень странно было видеть лёссовые постройки там, где существует более прочный строительный материал — камень.

Но в те времена, когда строились эти лёссовые жилища, люди ещё не знали камня. Видели его, но не знали. Они не умели строить из камня. Они умели строить только из лёсса. И поэтому считали, что только лёсс пригоден для строительства. И таскали его в горы, затрачивая огромный труд. И постепенно познавали камень…

Люди приспосабливались к законам природы, хотели они того или не хотели. Законы природы требовали отступления от привычек, перемены образа жизни, и люди расставались со своим вчерашним, кряхтя от неохоты.

Но старое не только мстило новому ужасной местью — оно ещё и защищало его всеми возможными способами, само того не подозревая. Оно дорожило новым и прижимало его к себе подобно мамаше, прижимающей ребёнка, которому, как ей кажется, угрожает опасность.

И в этом, по-моему, тоже состоит закон природы, обеспечивающий её рост и развитие.

Самым новым образованием организма является мозг.

И при гибели организма он разрушается первым. Несмотря на то что он — вершина развития, а может быть, именно поэтому.

Но прежде чем он погибает, все ткани, представляющие собою более старые образования, вступают в ожесточённую борьбу за его жизнь — и не просто за его жизнь, они борются за сохранение каждой его клетки. И если борьба оказывается им не по силам и организм всё-таки погибает, эти старые образования уходят самыми последними. Они — старше мозга на миллионы лет. Как долго они развивались, чтобы дать возможность возникнуть мозгу! Они словно дежурят, не щадя себя, они словно надеются, что произойдёт чудо и их многомиллионнолетняя

жизнь не пойдёт насмарку. Они уже истощены в борьбе за сохранение нового, которое породили, они отдали этой борьбе всё, что могли. Мозг уже разрушается, а другие ткани организма долго ещё существуют, и в клетках их продолжается жизнь…

— Ия думаю, — вставляет Тикк, — что в природе старое не мстит новому, а наоборот, отдаёт себя целиком для его жизни. А в обществе старое мстит новому, не желая уступать. И может быть, думаю я, это не естественно…

— Стоп! — восклицает Такк. — Попался! Ты переносишь законы биологического развития на общество! Этого ни в коем случае нельзя делать! Потому что человек сознателен, а природа несознательна. Человек может регулировать свои взаимоотношения с природой, а природа не может…

— Да-да, — спохватываюсь я, — прошу прощения, Тикк, ты что-то напутал… Человек, действительно, может регулировать свои взаимоотношения с природой…

— Ничего подобного, — пожимает плечами Тикк. — Ещё никогда и никому не удавалось перенести биологические законы на развитие общества. То есть, может быть, кто-нибудь и старался, но это же совершенно невозможная вещь! Для того чтобы применить какой-нибудь закон, необходимо его сначала издать. А человек ещё не издал ни одного биологического закона. Он только познавал эти законы, исходя из своих предположений. А где он брал эти предположения? Он их брал в обществе, в котором жил! Как видишь, всё было совсем наоборот: люди переносили на природу законы общественного развития. Вот эти законы им действительно казались незыблемыми, и понятия свои они по-старой привычке возводили в степень непререкаемой истины, пригодной на все случаи жизни и на все времена.

И человек высказывал своё предположение и искал подтверждений в природе и находил их, ибо природа щедра.

На первых порах природа по щедрости своей выдавала некоторые факты, подтверждающие эти предположения, а потом упёрлась — и ни в какую! Надоело, видимо… Жаль, конечно, схемы, но такова судьба категорических схем…

А всё дело в том, что человек не бог, не полубог и даже не царь природы. Он всего только часть природы, способная себя осмыслить. И поэтому природа вовсе не собирается подделываться под его представления. Совсем наоборот. Осмысливая себя, часть природы осмысливает и природу, познаёт её законы и старается не впадать в самодовольство, как это было с тираннозаврами и даже с теми обезьянами, из которых так и не вышло людей…

Но некоторым людям — увы — свойственно сначала сочинять

схему, а потом загонять в неё всё, что ни попадается под руку.

Я думаю, если бы человечество только то и делало, что оплакивало бы свои схемы, разрушенные действительностью, — у него бы глаза не просыхали от слёз. Но к счастью, человечество весело и, насколько мне известно, ещё ни одно живое существо на земле не отличалось таким неистребимым оптимизмом, как человек…

Тик-так, тик-так, тик-так…

Однако мы далеко ушли от лёссовых построек. Собственно говоря, я намеревался сказать несколько слов о корнях человеческой фантазии, как я их себе представляю. Но эти спорщики, сидящие на моей пепельнице, снова ввергли меня в рассуждения, которых могло бы и не быть.

В результате этих рассуждений Такк, конечно, надулся, но зато Тикк деятельно возвращает меня к началу этой главы…

— Конечно, человеческая фантазия безгранична, — говорит Тикк. — Но она всегда опирается на известные вещи. Как говорится, человек отталкивается от известной ему модели. Ибо тот, кто надеялся превзойти действительность, напоминает пассажира, решившего спрыгнуть с поезда, чтобы обогнать его пешком. Ему кажется, что поезд от него отстанет и пассажир примчится к месту назначения первым и будет встречать поезд и указывать ему, как ехать дальше. Запыхавшись, он добегает до следующей станции, радуясь, что поезда ещё нет. На самом деле поезд давно ушёл, не дожидаясь самонадеянного пассажира.

— Неправда, — хмурится Такк. — Известны случаи, когда фантазия залетала так далеко, что совершенно отрывалась от действительности. Разве ты не знаешь, что древние греки считали, будто на севере живут люди, которые рождаются в козьих шкурах? Этого же не было и не могло быть!

— Конечно, — сказал Тикк. — Но люди эти рождались всё-таки в козьих *шкурах,* правда? Не в поролоновых душегрейках! И греки были недалеки от истины потому, что на севере жили люди, для которых шкуры были единственной одеждой, прикрывавшей их со дня рождения…

— Ну хорошо, — говорит Такк. — А кентавры? Разве существовали когда-нибудь человеко-кони?

— Нет, конечно. Но существовали всадники, никогда не покидающие сёдла. Всадники слились с конями в воображении людей — и получились кентавры.

— Что же такое фантазия? — спрашиваю я.

— Фантазия, — отвечает Тикк, — это шаг от реальности. Может быть, два шага, может быть, и сто шагов. Но обязательно от реальности.

— Я прочитал много фантастических романов, начиная с Жюля Верна…

— Ну, — перебивает Тикк, — и хоть в одном из них ты читал что-нибудь такое, что не отталкивалось бы от правильно или неправильно понятой реальности? Существовали не только фантастические романы. Существовали книги об идеальном будущем обществе. Но эти книги мы называем наивными и утопическими, потому что реальность, от которой отталкивались их авторы, была понята, несомненно, со всей искренностью и со всем чувством добра к человечеству, но — всё-таки неправильно… Впрочем, это другой разговор… А что касается Жюля Верна, — помнишь, из чего был сделан его воздушный корабль будущего? Он был сделан из бумаги? Из бумаги, склеенной декстрином!..

Я посмотрел на банку с декстриновым клеем, стоящую возле пепельницы. Тикк похлопал её по пухленькому боку и засмеялся.

— Ничего смешного не вижу, — сказал Такк. — Декстрин в то время имел большое будущее. Я это хорошо помню. Об этом писали в газетах. Жюль Верн не виноват, что теперь этим клеем склеивают канцелярские бумаги…

— И бумага, как видишь, имела большое будущее, — весело добавил Тикк. — Старик не виноват, что реальность была им воспринята неправильно… Но обойтись без реальности он не мог. Он, видимо, мечтал о пластмассах невероятной прочности, но не знал даже, как они называются. Да и сам его воздушный корабль имел форму морского корабля. Был там и бак, и полубак, и корма… но не было крыльев… Ну вот мы тебе предсказали прошлое. А дальше, если сумеешь, предсказывай будущее или хотя бы настоящее. Привет!

Действительно, куда деваться от реальности? Куда деваться от той единственной палитры, с которой мы берём краски для своего воображения!

У нас уже появились портреты «человека из будущего». Очень это заманчиво — догадаться, каков он будет, этот человек…

Конечно, в человеке всё должно быть прекрасным — и душа, и одежда. Душа душою, её не видать, а вот одежду видно сразу. С неё и начинаются портреты.

Парень заворачивается в пластикаты и объявляется «человеком из будущего». Парень он современный, пластик на нём с сегодняшнего химкомбината. Потому что жизнь в неограниченном количестве поставляет и хороших парней, и хорошие пластикаты. И остаётся только снабдить их завтрашним счастьем по своему сегодняшнему разумению. И вот ходит «человек из будущего» и улыбается на шестьдесят четыре зуба.

Хорошо, мол, у нас в будущем! Полное слияние физического и умственного труда. Физики декламируют Пушкина, лирики таблицу умножения назубок шпарят. Разбудишь ночью любого гуманитария, спросишь, сколько дважды два? Глазом не моргнёт — рапортует: четыре! Или любого физика среди ночи спроси, кто «Евгения Онегина» написал? Чайковский, говорит.

А мы, сегодняшние, разводим руками от зависти: и надо же! И как они этого достигли?

Слушай, дружище! А ведь он тунеядец, этот, который в целлофане! Смотрите сами: дров не носил, печку не топил, кашу не варил, дальше таблицы умножения не пошёл. Как же он свой целлофан-то делает? Сумнительно…

А может, это просто маскарад? И никакого такого целлофанового счастья нет?

Нет целлофанового будущего. Все завтрашние конфетные коробки делаются сегодня. Сегодня делаются кирпичи, варится сталь и конструируются межпланетные корабли. Сегодня сеют хлеб, строят дома. Сегодня, в этот самый момент.

Человек идёт в будущее сам, расставляя по дороге свои маяки и не дожидаясь целлофанового героя. Человек современен по своему естеству. И в его сегодняшних мыслях, любви, страданиях и радостях рождается новый день. Его создают обыкновенные человеческие руки, которые могут уметь что-нибудь делать, но могут и не уметь. И в зависимости от этого умения конструируются предположения насчёт того, каким должен быть завтрашний день — бездумным раем или поприщем ума и дерзания. И «человек из будущего» как две капли воды похож на своих создателей. Каков создатель — такова и его фантазия.

Да и что пользы от этого посланца? Рак он уже вылечивает? Радиоактивность уже победил? Может быть, он уже знает, как строить десять тысяч квартир в секунду?

Нет, он ещё этого не умеет. Потому что этого ещё не умеем мы. Но мы уже на пути, а он, этот целлофановый, в пути не был. Он может только привет передать из ещё не созданного далека.

Конечно, любой сегодняшний районный хирург мог бы спасти Пушкина, если бы попал из наших дней в тот далёкий год. Он мог бы — операция не такая уж сложная. Но для того чтобы её научиться делать, человечество должно было само, всерьёз, без треска, упорно пройти в гору немалый отрезок своей бесконечной дороги.

Будущее делается сегодня. Его никто ниоткуда не привезёт ни на каком виде транспорта.

И куда бы ни уносила нас фантазия — она всегда взлетает с сегодняшнего ракетодрома.

Первый искусственный спутник Земли был круглым, наверно, потому, что и Луна и другие естественные спутники тоже круглые. Но несмотря на такое их свойство — следующий искусственный спутник круглым уже не был. Он был таким, как это диктовал начавшийся опыт строительства искусственных спутников. Опыт, вероятно, подсказал, что шарообразность, свойственная природным спутникам, форма, свойственная лунам Земли, Марса, Юпитера, Сатурна, — для искусственной Луны не годится. Потому что искусственная Луна и естественная Луна — это совсем не одно и то же.

Но первый спутник подражал по форме Луне.

Первый робот был построен с двумя ногами и двумя руками. Искусственный человек копировал естественного. Первый робот был построен за много веков до появления электроники. Он не управлялся по радио. Он двигался часовым заводом, пружиной. Но удивительность его была в том, что у него было две руки и две ноги. Если бы та же пружина двигала сооружение, похожее, скажем, на ящик, ни у кого это особенного удивления не вызывало бы, поскольку такие механизмы уже существовали. Механизм, построенный в виде человека, в подражание человеку, поражал человеческое воображение. Он наталкивал на отчаянную, мысль, что человеку можно подражать при помощи колёсиков и шестерёнок! Конечно, надо его заводить ключом, как куранты, но разве мы не получаем ежедневного «завода» в виде пищи, без которой нельзя существовать?

Но ведь речь тогда шла только о забавах механики. А когда появилась электроника, когда появилось то, что называется электронным мозгом, — сходство технически созданного «человека» с человеком живым сблизилось уже не по форме, а по существу. И мы назвали мозгом сооружение, которое уж никак на мозг не похоже. Мы назвали его уже не по внешнему сходству, а по сходству внутреннему, как говорят, функциональному.

Первые электронные роботы неуклюже ходили на двух «ногах», работали двумя «руками», разговаривали «ртом» и видели «глазами». То есть трудность их создания увеличивалась ещё и необходимостью копировать человека. Но эти роботы остались в ряду игрушек, в ряду тех самых удивляющих воображение механизмов, которые строились уже задолго до появления запоминающих устройств.

А подлинные роботы, которые действительно заменили человека в целом ряде работ, никакого сходства с человеком не имеют. Они уже выросли из подражательного уровня. Внешнее сходство, как выяснилось, ограничивало развитие этих механизмов. Только внутреннее содержание послужило

правильным путём для их развития. Роботов на двух ногах и с двумя руками делают дети. Взрослые создают роботов, похожих на комоды, на картотеки, на башни и даже не похожих ни на что.

Конечно, изобретение электронного мозга потрясло человеческое воображение. Но ведь было время, когда человек потряс собственное воображение, изобретя простое колесо!

Конечно, на пути человеческого изобретательства стояли тысячи преград. Недоверие подстерегало разум на каждом шагу. Сейчас смешно слышать о том, что один вдумчивый астроном категорически заявил, что космические полёты невозможны. Причём заявил он это ровно за три месяца до полёта первого спутника.

Полёт первого спутника потряс человеческое воображение. К моменту его появления ещё не выработалось отношение к нему и люди воспринимали его, руководствуясь теми понятиями, которыми обладали, и сравнивали его с теми явлениями, к которым привыкли…

Почему-то в редакции, в которой я тогда работал, решили, что, если подняться километров на десять, спутник будет виден лучше. Это напоминало древность, когда люди строили специальные башни, чтобы подняться ближе к Луне. Пустяк, на который они поднимались, не имел практического значения. Но всё-таки с башни Луна казалась ближе.

Когда был запущен первый спутник, мы с другом поднимались на самолёте наблюдать его полёт. Я помню, как отнеслись к нашей затее лётчики, принявшие нас на борт:

— Он же маленький! Ничего вы не увидите!

Мы скромно сидели в самолёте, исправно дыша кислородом, смирившись с мнением лётчиков. И вдруг из кабины выскочил бортмеханик на всю длину кислородного шланга и, сорвав маску, крикнул безумным голосом:

— Спутник!

Конечно, он не мог тогда знать, что произносит новое международное слово, которое сегодня известно в любой точке земного шара, как слово «Луна», с тою разницей, что «Луна» на разных языках произносится по-разному, а «спутник» звучит на всех языках одинаково.

Мы рванулись вперёд, в кабину, дыша из одной маски по очереди — один вдыхал, пока выдыхал другой. Перед нами в голубовато-розовом небе катился сверкающий никелированный гривенничек — новая Луна.

— «Детская Луна», — сказал командир экипажа.

Я помню, как уже на земле, дрожа от нетерпения, мой товарищ спрашивал по телефону у экспертов научно-

исследовательского института, действительно ли мы видели спутник, не было ли здесь обмана зрения. Он сообщал время наблюдения и скорость нашего полёта, сообщал наши координаты и направление горящей небесной искорки. Учёные попросили нас подождать их ответа таким торжественным голосом, что мой товарищ уже не смел садиться до ответного звонка. Он выслушал ответ стоя, как выслушивают приговор, и, положив трубку, сказал, удивлённо расширив глаза:

— Мы видели спутник? Честное слово!

— Ну конечно же, видели!

— Видеть-то видели, но я не верил своим глазам…

В этот день мы были выдающимися героями — как будто мы не столько видели чудо двадцатого века, сколько занимались его сооружением. Я думаю, этому способствовало главным образом и то, что мы *поднимались* в небо. Всё-таки спутник был небесным телом, и наблюдать его полагалось в его стихии…

Теперь я знаю точно, что видеть его можно было и с земли, и с не меньшим успехом…

И вот макет этого чуда передо мною. Круглый, как и полагается быть небесному телу, спутник стоит на постаменте. Он уже стал историческим, его уже вполне можно назвать дедушкой космонавтики.

Рядом стоит его сын — спутник номер два, и его внук спутник номер три, и его правнучка — первая искусственная планета. Выяснилось, что небесному телу не обязательно быть круглым, что подражание природе требует корректив. И новые небесные тела получили стремительную форму усечённого конуса.

Все это произошло на наших глазах.

И мы видим ещё одну удивительную особенность познания: человек перестаёт копировать природу. Мы всё больше и больше понимаем её. Так бывает в искусстве — ученик обгоняет учителя только тогда, когда решится отпустить его руку и от подражания переходит к пониманию…

Появление спутника, разумеется, было началом новой эры и в области гипотез. Фантазия злободневна.

Появились новые взгляды на устройство Вселенной. Потому что человек строит свои предположения, отталкиваясь от достигнутого. Прекрасно зазвучала симпатичная гипотеза относительно спутников Марса, которые также признавались искусственными. Ясно, эта гипотеза повлекла за собой целую вереницу новых предположений. Марс — близкий нам сосед, давно не дававший покоя землянам, — снова попал в центр внимания: если вокруг него кружатся искусственные спутники,

стало быть, запустили их разумные существа! Вроде нас! Это очень приятно, что у нас есть родичи во Вселенной и проживают они сравнительно недалеко! И фантасты снова стали собирать чемоданы.

Но меня из всех небесных тел, видимых и невидимых, досягаемых и недосягаемых, больше всего интересует третья по счёту от Солнца планета под названием Земля…

В КНИГУ ЗАБРЁЛ СОКРАТ

Снова исторический ученик. Мельничный жёрнов. Дело, доступное всем. Двоечники и отличники. Огненные слова. Сто поколений. Хороший гражданин. Кнут и пряник. Спокойное слово

Каждому поколению казалось, что оно уже держит бога за бороду. Как известно, все боги носили бороды, за исключением тех, у кого борода не росла. Впрочем, эта подробность никому не мешала.

А земной шар устроился в сети меридианов и параллелей, как арбуз в авоське. Он увлекает нас своей инерцией в дальние дали, туда, где мы ещё никогда не были. И мы стараемся представить себе его дорогу, которая не просто орбита. Его дорога — это дорога, ожидающая каждого из нас.

По утрам я часто вижу того самого исторического ученика с палочкой, который идёт вдоль частокола. Я возлагаю на него большие надежды: он ни разу ещё не пропустил ни одной планки.

Весенние деревья набираются сил, и ничто не может остановить их зелени: ни пасмурные дни, ни ночные заморозки.

И ничто не остановит осеннего листопада — ни задержавшаяся летняя жара, ни обильная влага осени. Листья растут, потому что им ещё предстоит служить, и слетают, когда уже отслужили…

Тикк и Такк сидят на пепельнице и следят за моим пером, чуть-чуть высунув язычки и наклонив головы.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Бывают вещи, которые ещё не нужны, и бывают вещи, которые уже не нужны.

Тик-так, тик-так…

Предположение причины ещё не есть сама причина.

Тик-так…

Мужества заключается в том, чтобы не бояться реальности и не закрывать на неё глаза.

Все мыслители, изображавшиеся когда-либо на земле, изображались, с немного склонённой головой. Нельзя мыслить, задрав нос и отставив ногу. Не получается. Можно чваниться, гордиться, хвастать. Но мыслить нельзя.

Тик-так, тик-так…

Земной шар плывёт в своей авоське, повешенной на гвоздь

мироздания… От мрака к свету, от безумия к разуму.

И орбита его — эта дорога надежды…

Тик-так…

Конечно, Герон не знал нашей современной механики, Аристарх не имел представления о вычислительных машинах, а варяги — скажи им, например, про какой-нибудь простенький локатор — так бы обиделись, что, несомненно, вытащили бы меч целиком.

Но из этого вовсе не следует, будто мы умнее их. Мы просто больше знаем.

А ведь знания и ум это совсем не одно и то же.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Я расскажу вам старинную восточную притчу о падишахе, который хотел видеть своего сына образованным и не жалел для этого чужого времени. Он отдал ребёнка в науку мудрецам. Мудрецы обстругивали царственного сынишку лет десять. Наконец папа заинтересовался, чего у них там получилось. Устроили экзамен на высочайшем уровне. А надо сказать, среди прочих наук важной наукой уже и в те времена считалась наука отгадывания загадок. Вот падишах зажал в кулак перстень и спрашивает:

— А что у меня в руке?

Наследник раскинул научные книги, взял таблицы, инструменты, чего-то записал, чего-то вычеркнул и говорит:

— Так что, ваше величество, получается, что в руке у вас круглый предмет с дыркой посередине.

Падишах обрадовался:

— Правильно! Ты определил свойства предмета. А теперь назови и сам предмет. Итак, что у меня в руке?

Тут уже ребёнок начал думать без книг, своим умом. Думал, думал, вздохнул, прокашлялся и говорит:

— Ваше величество! В руке у вас мельничный жёрнов.

Падишах, конечно, рассердился и велел выставить колы мудрецам за то, что они допустили педагогический брак. И быть бы им с колами, если бы не добрый звездочёт.

— О современнейший, — провозгласил старик, — да будет известно твоему сложносочинённому величеству, что наследника учили правильно, ибо дело науки — определить свойства предмета, и наследник их определил. А догадаться, что в кулаке нельзя зажать мельничный жёрнов, — это уже свойство ума.

Что там у них было дальше, я не знаю. Зато я знаю, что и сейчас попадаются инфанты, которые считают, что мельничный жёрнов вполне можно зажать в кулак хотя бы потому, что он представляет собою всего лишь круглый предмет с дыркой

посередине.

Тик-так, тик-так…

Время не ждёт ни минуты, и ученики уже возвращаются из школы.

Из окна моего видна лужайка, расцвеченная жёлтенькими начинающими одуванчиками. Весенняя зелень прикрыла глинистую землю. Портфели и ранцы отметили края футбольных ворот.

Очень хорошо на земле.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Каждое поколение считало, что оно уже держит бога за бороду.

Но люди не бывали готовыми немедленно принять ни новую идею, ни новую машину, ни новую землю. Потому что идея ломала мировоззрение, машина требовала умения с ней обращаться и тоже ломала мировоззрение, а земля требовала новых представлений о мире и тоже ломала мировоззрение.

Но не будем так строги к людям.

Было всё-таки одно дело, к которому люди считали себя готовыми всегда. Было всё-таки дело, которое, как казалось людям, не требовало ни навыков, ни новых представлений.

Это дело — нравственность, мораль, правила поведения.

В этом деле каждый считал себя специалистом уже в те времена, когда о специальностях ещё не могло быть и речи. Каждый считал себя великим докой в вопросах воспитания и, главным образом, поучений.

Это ничего не стоило. Это было так просто и доступно. Стояла ли Земля на трёх китах или не стояла — дело тёмное. Крутилась ли машина или не крутилась — дело мудрёное. Есть на свете новые земли или нет — ещё надо проверить. А понятие о нравственности — вот оно, далеко ходить не надо. Не надо ни мудрить, ни проверять…

Придём на урок, станем у доски и прочитаем вслух следующие слова:

— «Нынешняя молодёжь привыкла к роскоши. Она не умеет себя вести, презирает авторитеты и не уважает старших. Дети спорят с родителями и изводят учителей…»

Если спросить на уроке, кто это сказал, — сразу взметнётся лес рук и все закричат:

— Я знаю!

Двоечники будут смотреть на учительницу умоляющими глазами, в которых вспыхнет надежда хоть что-нибудь ответить правильно. Они станут уже рисовать в своём воображении, как придут домой, покажут пятёрку и наконец-то порадуют

родителей.

— Спросите меня! — кричат двоечники.

А пятёрка — вон она, готовенькая, круглая, лежит перед носом и машет верхней планочкой, как вымпелом…

— Итак, дети, кто сказал эти замечательные слова? Вот ты, Иванов, скажи…

Отличник Иванов поднимается и приличным голосом спрашивает:

— Как отвечать, Марья Николаевна, с места или возле доски?

— Можешь с места.

Отличник Иванов вытягивается и, смело глядя вперёд, говорит:

— Эти замечательные слова сказал писатель Алексей Чересседельников в своём замечательном произведении «Люби старшего, как самого себя».

— Правильно, — говорит Марья Николаевна, — а ещё кто? Ну, дети!.. Может быть, Петров?..

Двоечник Петров ухитрялся отвечать неправильно, даже когда нужно было сосчитать количество ног у трёхногого табурета.

Двоечник Петров вскакивает и радостно рапортует:

— Это сказал мой дедушка!

— Может быть…

Двоечник Петров удивляется:

— Правда, правда, Марья Николаевна, честное слово, это сказал мой дедушка! Вчера вечером.

— Садись, — шипят соседи. — Дедушков в школе не проходят.

— Но я же не виноват, что он это сказал!

И начинается шум:

— Это сказали по радио!

— Нет, это сказала моя тётя!

— Ничего подобного! Я сама слышала, как по телевизору выступал один строгий дяденька и он это сказал.

— Ничего вы не знаете! Это сказал наш дворник дядя Миша.

— Это сказал наш участковый, когда согнал моего брата с крыши!

— Это сказал мой папа!

— Нет! Это сказал наш сосед, когда мы ехали в лифте!

Учительница успокаивает класс:

— Нет, дети. Эти замечательные слова сказал философ Сократ[12] в пятом веке до нашей эры, то есть почти две тысячи четыреста лет назад. Когда мы будем изучать Древнюю Грецию…

Две тысячи четыреста лет — это, примерно, сто поколений. И

каждое поколение говорило о своих детях то же самое, что слышало от своих родителей о себе. И каждое поколение думало, что ему очень не повезло с детьми.

Люди успели уже стократ
То повторить, что сказал Сократ, —

замечает Тикк, который, как вы заметили, тоже склонен к поэзии.

И до Сократа они говорили то же самое по данному вопросу, о чём свидетельствуют папирусы и глиняные таблички с этими огненными словами. Но слова Сократа до нас дошли потому, что Сократ, кроме этих слов, сказал ещё кое-что.

Если бы он ничего иного не сказал, никто бы Сократа и не вспомнил потому, что любой дедушка способен сказать то же самое. И мы помним Сократа потому, что эта мысль была у него далеко не самой главной.

Человеческая память как-то етранно хранит и те изречения, которые успокаивали людей, навевая сладкое неведенье, и те мысли, которые будоражили. Однако ни одна великая книга не содержит в себе успокоительных пилюль и ни одной успокоительной пилюле не суждено было стать великой книгой. Это легко проверить. Впрочем, если такая проверка займёт несколько больше времени, чем хотелось бы, достаточно остановиться на тех великих книгах, которые мы помним…

И вернёмся к Сократу, который потому-то и остался в нашей памяти, что был добрым человеком, обходившимся без успокоительных пилюль. Потому что успокоительные пилюли способна раздавать самая равнодушная и чёрствая сиделка просто по долгу службы…

Сократ любил молодёжь, и молодёжь любила его. Он очень много делал, чтобы растолковать ей её заблуждения. Но при этом он никого не поучал. Он говорил с молодыми людьми на языке чистой правды, и поэтому его любили. Он не останавливался перед горькими словами и не унижался до того, чтобы сюсюкать. Он уважал своих молодых друзей. Он знал, что за ними будущее, и хотел от них только одного: честного взгляда и твёрдой непримиримости ко всему несправедливому. Он учил их обличать зло и в себе и в других.

И за то, что он ставил их в один ряд с собою, не кривил душою и не поучал, афинский суд признал, что он развращает молодых людей, и приговорил его за это к смертной казни. И вот что сказал своим судьям Сократ перед смертью:

— Вы думали избавиться от необходимости давать отчёт в

своей жизни, а случится с вами, говорю я, обратное: больше появится у вас обличителей — я до сих пор их сдерживал. Они будут тем яростней, чем они моложе, и вы будете ещё больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, умерщвляя людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живёте неправильно, то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты и не вполне надёжен и не хорош, а вот вам другой способ — и самый хороший и самый лёгкий: не затыкать рот другим, а самим стараться быть как можно лучше. Предсказав это вам, тем, кто меня осудил, я покидаю вас… Всё же я прошу о немногом: если, афиняне, вам будет казаться, что мои сыновья, повзрослев, заботятся о деньгах больше, чем о доблести, воздайте им за это, донимая их тем же самым, чем и я вас донимал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и много воображают о себе, тогда как сами ничего не стоят. Если станете делать это, то воздадите по заслугам и мне и моим сыновьям.

Вот что сказал Сократ. Но почему-то так получилось, что эти слова повторяют гораздо меньше дедушек, чем те, которые я привёл раньше.

Но, впрочем, я был бы неправ, если бы не привёл и других слов о молодёжи:

— Наша молодёжь прекрасна! Она очень передовая! Она самая-пресамая! За исключением отдельных случаев, которые не портят всей прекрасной картины.

Мы всегда радуемся, что плохое — это отдельные случаи, а хорошее — не отдельные. Но разве одного хулигана недостаточно, чтобы испортить жизнь сотне хороших людей? Разве одного мошенника недостаточно, чтобы обмануть тысячу честных людей? Разве одного лицемера недостаточно, чтобы наплевать в душу десяти тысячам правдивых людей?

Вполне достаточно. И нечего радоваться, считая недостатки на пальцах, а достижения на арифмометрах. Дело не в количестве. А дело в том, что каждый человек — неповторим. Его надо ценить — каждого в отдельности. Признавать не вообще замечательную молодёжь, а каждого человека в отдельности. Точно так же, как нельзя утверждать, что «нынешняя молодёжь презирает авторитеты и изводит учителей», а следует видеть каждого человека в отдельности.

Говоря словами Сократа, смешно и глупо признавать игру на флейте, не признавая флейтистов, и нелепо признавать плавание, не признавая пловцов.

Как-то так случилось, что старый мудрец Сократ забрёл со своим посохом в эту главу. Я очень рад его появлению, потому

что Сократ был прямодушным и честным человеком. Он был великим гражданином, который, может быть, одним из первых высказал мысль о правилах общественной жизни. Он считал, что только каждый человек в отдельности может быть опорой этих правил.

Сократа заставили выпить яд, и он принял смерть с великим достоинством. Когда друзья предложили ему бежать, Сократ отказался, заметив:

— Я был бы плохим гражданином, если бы нарушил закон своего государства.

Так вот, что такое хороший гражданин, знали все. Но почему-то труднее всего на земле бывало стать хорошим гражданином.

Что для этого нужно, написано в миллионах книг. Но почему-то книги продолжают писать главным образом об этом.

И я надеюсь, читатели простят меня за то, что и я пытаюсь писать о том же самом.

И как не порадоваться тому несомненному факту, что уж моё-то поколение наверняка не ошибается в этом вопросе. Как пить дать.

Тик-так, тик-так, тик-так…

На нижнем балконе дрессируют розовенького малыша. К нему применяют политику кнута и пряника. Сначала лупят, потом, когда заревёт, спохватываются и начинают суетливо сюсюкать. И то и другое делается со всей страстью, на которую способен гражданин со средними способностями.

Мальца дрессируют уже давно — месяца два. За эти два месяца ни он, ни я не слышали ни одного спокойного слова. Либо надрывный крик, либо просительный шёпот.

Тикк сидит на пепельнице, болтая ногой, — любимая его поза.

— Суета, — говорит Тикк. — Парень будет либо пугать, либо пугаться.

— Ничего подобного, — возражает Такк, — он вырастет разносторонней личностью. Он же знает, что родители желают ему добра.

— А ты у него спрашивал? Может, он не знает…

С балкона несутся сладострастные вопли. Мальца ласкают. Сейчас он обнаглеет и заорёт. Правильно. Уже заорал. Сейчас его начнут лупить. Правильно. Уже лупят…

О спокойное слово, ясное и благородное, как полёт большой птицы, достойное, как взмах крыла!

— Друзья, — говорю я, — вы видели всё на свете. Скажите, когда человек впервые повысил голос?

— Когда захотел, чтобы его услышали, — чётко и уверенно отвечает Такк.

— Человек повысил голос, когда усомнился в себе, — говорит Тикк. — Он повысил голос от беспомощности, когда захотел доказать свою правоту, не имея никаких доказательств…

Люди кричат, когда не умеют убедить, кричат, когда не умеют спросить, кричат, когда не умеют сказать. Крик — это наивное преувеличение своих сил. Это желание напугать своей значительностью, которой просто нет. Сколько пустых слов придумали люди, чтобы преувеличить свою значительность и напугать ею робких! И как робели они сами, когда те же слова летели им в ответ.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Мы заканчиваем эту часть книги, в которой занимались предсказанием прошлого. Мы познакомились с людьми, которые снимали звёзды с неба и создавали из этих звёзд знания и правила жизни на земле. Мы познакомились с людьми, которые доказывали, что мир прекрасен и таинственность его открыта для каждого, кто смотрит на него честными глазами.

И есть ещё одна особенность мира, который нас окружает: он познаваем. Это очень мило с его стороны. Он сам указывает нам на наши ошибки, когда мы познаём его неправильно.

Он не меняет нам в угоду ни своих привычек, ни своего порядка. Он не сюсюкает с нами, и не заигрывает с нами, и не поучает нас, несмотря на то, что мы младшая его часть.

Он строг с нами, когда мы упорствуем в своих заблуждениях. Он к нам справедлив.

Ученик считает прекрасным только того учителя, кто справедлив.

И мы считаем мир прекрасным, возможно, по той же причине…

Есть такая игра «Тепло-Холодно». Вы её знаете. Смысл её в том, что нужно найти спрятанный предмет. Вы ищете, а вам помогают.

— Холодно! — говорят вам, когда вы удаляетесь от предмета.

— Тепло! — говорят вам, когда вы приближаетесь к нему.

И вы, наконец, выигрываете.

— Холодно! — говорит вам действительность, когда вы отдаляетесь от истины.

— Тепло! — говорит вам действительность, когда вы к истине приближаетесь.

Она говорит вам, конечно, не словами. Она говорит всей своей сущностью.

— Получается! — говорит вам действительность, когда у вас

взаправду что-нибудь получается.

— Не получается! — говорит вам действительность, когда вы упорствуете в заблуждении.

Надо только научиться читать её знаки.

Мир познаваем и потому прекрасен.

Но бывают на свете утверждения обратного свойства. Бывают на свете книги и теории, которые изо всех сил заявляют: мир таинствен и тёмен. Мир непознаваем.

— Может быть, вы и правы насчёт таинственности, — говорю я. — Но если он действительно непознаваем — как вам удалось это узнать? Значит, хоть что-нибудь вы познали? А разве может быть непознаваемо то, что уже подвергнуто познанию?

Тик-так, тик-так, тик-так…

Мы переходим в следующую часть этой книги, ибо первый шаг влечёт за собою второй…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРАВИЛА ИГРЫ

Человечество растянулось ло пути к прогрессу в довольно порядочную очередь. Где-то там впереди маячат наши современные Аристархи и Герсны; где-то там позади плетутся наши современные Микерины.

Мы же с тобой находимся в той славной когорте, которая поднялась до такого уровня развития, когда уже совершенно ясно, что перед словами «что», «когда» и «который» нужно ставить запятую.

Исторический опыт.

ЧЕСТЬ ИМПЕРАТОРА

Делу время, потехе чае. Коварные замыслы. Местность не от той карты. Мужественный адъютант. Совесть. Пластмассовые мечты. Изгнание

В ящике моего стола лежит коробка оловянных солдатиков, сделанных из пластмассы. Эту коробку я собирался подарить одному маленькому мальчику. Но пока я размышлял, мальчик ушёл служить в армию и успел дослужиться до сержантского звания. И теперь мы с коробкой ждали его в отпуск. Так я ещё раз убедился в том, что дети растут гораздо быстрее, чем взрослые размышляют…

Тикк, конечно, пронюхал о коробке и поэтому предложил поиграть.

— Нельзя же всё время работать, — сказал Тикк, — нужно и разумно отдохнуть! Делу время, потехе час, как сказал мне один знакомый динозавр, заваливаясь спать.

— Мне кажется, что у нас получается наоборот — делу час, а потехе время. Мы только то и делаем, что играем. Надо же хоть немножко и потрудиться.

— Правильно, — заметил Такк. — Человек должен всё время трудиться. Иначе он обратно превратится в обезьяну. Тебе разве не известно, что человек только благодаря труду…

— Известно, — перебил Тикк. — Доставай коробку.

Я посмотрел на Такка и смутился.

— Не дрейфь! — сказал Тикк.

Я вздохнул и полез за коробкой.

Она лежала, как была положена много лет назад, перевязанная прекрасной шёлковой ленточкой.

Тикк и Такк внимательно смотрели, как я развязываю эту ленточку. Когда же я её наконец развязал, Тикк поднял руку:

— Погоди! Сначала создадим местность…

С этими словами он быстро схватил карандаш и написал на клочках бумаги: «Лесок», «Песок», «Теснина», «Трясина». Затем он с большим вкусом разложил эти бумажки на столе, и мы немедленно стали любоваться чудесным живописным пейзажем.

Я открыл коробку и высыпал на местность содержимое. Раздался гром литавр и звуки фанфар, поскакали вестовые, и прекрасные оловянные солдатики, сделанные из пластмассы, выстроились в железные когорты.

Дымились фитили в руках бомбардиров, развевались бунчуки над головами бригадиров, горели на солнце кирасы кирасиров и возвышались медвежьи шапки гренадиров.

— Не гренадиров, а гренадеров, — шёпотом поправил меня Такк.

— Жаль, — шепнул я, — получается не в рифму.

Сверкали карабины в руках егерей, и били копытами кони фельдъегерей.

— Ты ещё скажешь, что император жевал сельдерей, — шепнул Тикк, — погоди рифмовать.

Но тут из палатки вышел сам император, который действительно что-то жевал, потому что только что закончил завтрак.

Император был красивым пластмассовым мужчиной среднего роста, с орлиным взором. Этим орлиным взором он озирал окрестности. На нём был серый походный сюртук, а на голове зелёная походная корона.

И едва он вышел, все полки закричали «виват!», потому что любили своего императора всегда и, в особенности, когда он позавтракает.

Император повернулся к войскам и, прожевав, сказал:

— Мерси боку, братцы!

И войска троекратно закричали «виват!».

После этого все адъютанты надели аксельбанты и притащили большой полковой барабан. Потому что в походах императоры сидят не на троне, а только на барабане. Император подпрыгнул и уселся поудобнее. А у ног его, позванивая различными крестами, расположился специальный обер-унтерштабтамбурмайор, который в походах заменял императору стол.

Все пластмассовые генералы выстроились возле императора, ожидая распоряжений.

Но император медлил. Какая-то дума осеняла его чело. Он строил великие стратегические планы. Генералы почтительно вздыхали, не смея пошевелиться. Жуткая тишина, типичный предвестник бури, повисла над миром. Император принимал решение. И, наконец, когда терпение достигло предела и сердца были готовы разорваться от напряжения — жребий был брошен. Император сказал:

— Не пора ли нам кого-нибудь победить?

— Так точно! — радостно выдохнули пластмассовые генералы. — Давно пора!

Они так измучились в ожидании неизвестного, что даже вспотели. И теперь они с облегчением вытирали пот.

— Ну что ж, — сказал император, — милостиво принимаю

ваш совет. Кого же будем побеждать?

— А кого угодно! Была бы охота, — искренне воскликнул один генерал, за что император потрепал его по щеке, говоря:

— Ах ты шутник!

И улыбнулся.

— Ну что ж, будем готовиться к победе, — произнёс император. — Карта у нас есть?

— А как же! — преданно ответил пластмассовый генерал-шутник. — У нас есть карта, по которой мы всегда одерживали победы!

— Подать карту, — сказал император.

И пластмассовый адъютант, молодой, новенький и розовощёкий, щёлкнул каблуками и мигом принёс карту.

— Так-с, — произнёс император, когда адъютант разложил карту у его ног, на спине специального оберунтерштабтамбурмайора. — Так-с.

И все пластмассовые генералы важно наклонились над картой.

— Так-с, — произнёс император, — тут трясина, тут теснина, тут лесок, а тут песок.

Он посмотрел на местность и выразил удивление.

— Странно, — сказал он. — На местности всё наоборот. На карте трясина, на местности — теснина, на карте лесок, а на местности песок.

— Хм, — сказал один генерал, у которого на груди сиял большой Знак Большого-Пребольшого Сверхорла, — хм, может быть, это карта не от той местности?

— Что? — гневно спросил император. — Как ты смеешь говорить такие слова о карте, по которой мы всегда одерживали победы?!

И в гневе он сорвал с генерала Знак Большого-Пребольшого Сверхорла и выбросил генерала в отставку. Мне даже пришлось лезть за ним под стол.

А молодой новенький адъютант, который раскладывал карту, покраснел и вытянулся во фрунт.

— Всё ясно, — сказал другой генерал, даже не взглянув на своего боевого сослуживца. — Карта правильная. Но местность неправильная. Это — местность не от той карты!

— Правильно! — воскликнул император и немедленно прицепил к этому генералу Знак Большого-Пребольшого Сверхорла, который держал в руке. При этом молодой адъютант покраснел ещё больше и ещё больше вытянулся во Фрунт.

А генерал-шутник смело развивал стратегическую мысль, поглядывая на Знак Большого-Пребольшого Сверхорла:

— Если местность не от той карты, значит, надо местность переделать, чтоб она соответствовала карте!

— Правильно, — сказал император и приказал переделать местность.

И сразу загремели барабаны, и оловянные солдатики, сделанные из пластмассы, стали переделывать местность. Они пересаживали лесок, перетаскивали песок, переделывали трясину на теснину и перестраивали теснину на трясину.

Император лично следил за работами и сверял преображённую местность с картой.

Все так усердствовали, что едва не опрокинули глиняную чашку с цветами, которая стоит у меня на столе.

Когда всё было готово и генералы выстроились перед императором, ожидая наград, молодой адъютант, стоявший всё время без движения, вдруг шевельнулся.

— Мой император, — сказал он чётким пластмассовым голосом, — согласно дисциплине я не мог сказать ни слова при старших.

Но я не могу молчать.

— Говори, — весело сказал император, довольный тем, что местность уже подходила под карту, — говори!

— Сир, — сказал адъютант, — получилась непоправимая ошибка. Местность не соответствовала карте потому, что я положил эту карту вверх ногами.

Император вскочил с барабана, прямо на спину оберунтерштабтамбурмайора и крикнул:

— Молчи, жалкий безумец!

И адъютант замолчал.

Император как ни в чём не бывало раздал награды, поздравил пластмассовых генералов и отпустил их, приказав не проспать тревоги. Затем он посмотрел на адъютанта и сказал:

— Так ты говоришь, положил карту вверх ногами?

— Так точно!

— Сам положил или исполнил чьё-нибудь задание? — спросил он вполголоса.

— Сам!

— Так-с. Что же ты, не мог промолчать? — тихо сказал император.

— Не мог! Меня мучила совесть!

— Совесть совсем не нужна тому, кто сделан из пластмассы, — сказал император. — Неужели ты думаешь, я позволю теперь переворачивать карту? Она навсегда останется вверх ногами! Вот до чего ты довёл географию! Что же я, напрасно преобразовывал местность, чтобы она соответствовала

неправильно положенной карте? А?

— Никак нет! — воскликнул адъютант.

— А говоришь «совесть»! Нет у тебя совести! Бессовестный ты! Положил карту вверх ногами — молчи! Нет-нет, мы не сработаемся, я уже вижу. Кто-нибудь из нас должен уйти. Ты или я. Мне в отставку нельзя, подданные обидятся, разговоры пойдут, то да сё… А тебя я — в отставку! Нет! Тебя я — в изгнание! Я хотел тебя наградить, а ты сам принуждаешь наказать тебя! Марш в изгнание!

— Слушаюсь, мой император! — сказал адъютант. — Но прошу вас о последней милости. Разрешите придумать приличную причину моего изгнания. Если причиной будет то, что я положил карту вверх ногами, начнутся неприятные кривотолки о напрасном преобразовании местности.

— Молодец! — сказал император. — Верно! Честь императора выше всего! Ну придумай причину! Быстро!

— Сир! Пусть будет считаться, что я усумнился в победе вашего оружия!

— А ты усумнился?

— Никак нет, сир! Я клевещу на себя, чтобы возвысить моего императора!

— Молодец! Прямо жалко тебя выгонять!

— Не жалейте, сир! Да здравствует император!

При этой сцене Такк не выдержал и прослезился.

— Бедный мальчик, — прошептал он. — Неужели император его не простит?

— А ты надеешься? — спросил Тикк.

— Надеюсь… Ведь он совсем без гнева с ним разговаривал. Его величество даже сожалеет о случившемся…

— «Его величество, его величество»! — передразнил Тикк. — Сейчас его величество устроит комедию. Будто ты не знаешь, как это делается… Конечно, жалко парня, но что поделаешь — служба! Всё шло хорошо, все были довольны… Никто не заметил бы! Надо же было ему признаться!

— А ты бы разве не признался? — удивился я.

— Я бы карту положил как надо, — честно ответил Тикк.

А на столе уже назревали новые события. Весть об адъютанте разнеслась по войску.

— И надо же! Не верит в победу нашего императора, — говорили между собою пластмассовые генералы. — И, главное, в такой момент! Ну подождал бы немного — так нет же!

— По молодости, по молодости, ваше превосходительство, — говорили другие пластмассовые генералы. — От них, молодых, только и жди казуса. Да-с. Будь моя воля — я бы молодым

запретил вообще на свет рождаться. Рождались бы одни солидные люди — как было бы спокойно!..

А император ходил по своей палатке и наливался гневом.

Он готовился к скорому и справедливому суду. Потому что ещё ни один суд, чинимый императорами, не был нескорым или несправедливым.

— Хоть и жаль мне его, но я выше жалости! — накачивал себя император. — Жалость унижает человека! Я его должен наказать для примера, для высшей цели! О высшая цель! Скольких ещё мне придётся бросить в твою пасть! Как трудно быть императором! — Так он сказал и посмотрел в походное зеркало.

И вот начался суд.

Окружённый свитой, озирая орлиным взором войска, стоял грозный император, скрестив руки на груди. На голове у него была парадная корона, а генерал-шутник держал открытую коробку с походной короной.

Перед императором стоял пластмассовый адъютант.

— Итак, — сказал император, глядя на него, — удел твой будет жесток!

И в это время загремели барабаны, подчёркивая слова императора.

И все бомбардиры, бригадиры, кирасиры, гренадеры, егеря и фельдъегеря закричали «виват!».

Несчастный адъютант подождал, пока утихнут барабаны и умолкнут войска, и только после этого воскликнул:

— О горе мне!

Он не хотел нарушать своим одиночным возгласом мощный дружный клич своих боевых товарищей.

— Ни дна тебе ни покрышки! — произнёс император. — Ступай!

И снова загремели барабаны и войска закричали «виват!».

— Стой! Чтобы у тебя не было угла, где бы ты мог преклонить голову!

— О горе мне! — воскликнул несчастный и побежал к чашке с водою.

Но император остановил его зычным голосом, топая ногами.

— Стой! Воротись! Я ещё не кончил!

Несчастный остановился.

— Итак, — произнёс, загибая пальцы, император, — насчёт угла я тебе сказал, насчёт ни дна ни покрышки сказал… Теперь дальше — чтобы у тебя не было радостей жизни! Ступай!

И опять загремели барабаны, и опять раздалось грозное «виват!».

— О горе мне! — снова вскричал пластмассовый адъютант,

собираясь утопиться.

Но император воскликнул:

— Назад! Это не по правилам! Воротись! Теперь насчёт пищи. Пусть пища твоя будет тебе горькой полынью! Повтори! Или лучше запиши! А то опять что-нибудь напутаешь!

И несчастный утопился в чашке, под гром барабанов и крики «виват!».

Ужас охватил нас, и мурашки побежали по нашим спинам.

Император гневно посмотрел на чашку, топнул ногой и сказал генералу:

— Походную корону!

Пластмассовый генерал осторожно поменял пластмассовые короны на императорской голове, и теперь затрубили фанфары.

И под гром барабанов, звуки фанфар и дружные приветствия император вскочил на белого пластмассового коня и поскакал со своей пластмассовой свитой к пластмассовым войскам, которые при этом снова закричали «виват!».

Я вытащил из чашки пластмассового адъютанта и обтёр его носовым платком…

— Ну теперь-то, — спросил я у Тикка, — ты дашь мне немного поработать?

Тикк не ответил, печально вздохнув.

ПОДНИМИТЕ ШПАГУ

Красивый старик. Игра без правил. Початок кукурузы. Баллада о правилах движения. Руки судьбы. Счастливый конец

Как-то играли в шахматы…

Большой, как мамонт, старик предупредил своего партнёра, что ход неудачен: через несколько ходов неизбежно поражение.

— Поднимите шпагу! — торжественно воскликнул он.

Партнёр покраснел и, быстро сообразив ситуацию, взял ход назад. Потом он выиграл.

— Отдали партию, — ворчливо сказал старику один из зрителей.

— Почему же? — весело спросил старик. — Так было гораздо интереснее.

— Надо было воспользоваться…

— Воспользуетесь, когда будете играть в три листика, — грустно сказал старик, — там своё мировоззрение. А на свете пока ещё существует красота… Когда противник ронял шпагу — его можно было проткнуть. Однако на это шли только трусы. Впрочем, они протыкали и связанных, и лежачих, и в спину… Извините, — сказал он своему партнёру, — я не привожу никаких сравнений, но проиграть вам было мне гораздо приятнее, чем выиграть, воспользовавшись вашей нелепой ошибкой.

И он ушёл, возвышенный, седой и красивый, как старая романтическая книга, которую, может быть, и смешновато читать, но зато страшно хочется, чтобы всё в жизни было именно так, как в ней написано.

«Поднимите шпагу — с безоружным не дерусь!»

А вы дерётесь с безоружным?

Конечно, дело не в шахматах.

Просто хочется поговорить о том высоком качестве души, которое называется отвлечённым словом «благородство».

Есть у нас разные слова, определяющие различные движения души. Тут тёбе и «деловитость», и «усидчивость», и «настойчивость». Эти слова мы читаем не только в характеристиках, но даже в художественных сочинениях, написанных с целью воспитать читателя ещё до того, как он прочтёт книгу до конца.

Но вы представляете, сколько весёлых минут доставило бы угрюмому типу слово «благородный», попадись оно в

характеристике? («Такой-то морально устойчив, а также благороден».) Ведь проходу не даст!

— Эй, ты! Благородный! Поди сюда!

Конечно, теперь поединки чести решаются более прогрессивными методами. Мы не какие-нибудь безграмотные рыцари. Мы люди образованные: существуют перья, бумага, чернила, при помощи которых можно достать неприятного тебе человека с любого расстояния. И главное, сделать это, ни разу даже не прикоснувшись к нему. Не нужно ни фехтовать, ни целить в лоб на расстоянии благородном, как указывал Пушкин.

О каком же «благородстве» может идти речь перед лицом такого прогресса! Ясное дело — смешно.

«Воспользоваться и выиграть!» — вот довольно точный и чёткий дебиз анонимщика, не признающий расплывчатых и отвлечённых старомодных понятий. Мне рассказывали недавно про одного типа, который на всякий случай записывал в особую книжечку сплетни про своих товарищей. Чтобы ничего не позабыть. Чтобы, когда этот случай подвернётся, воспользоваться и выиграть. Потому что, если на-человека неожиданно вылить ведро помоев, так он прежде всего станет отфыркиваться и протирать глаза. А в такой чудный момент взять его можно голыми руками. Посему на всякий случай хорошо бы носить с собой это ведро помоев…

И новенькие Яго, шустренькие, как койоты, сбиваются в стайку. Они учатся заглядывать в замочные скважины и сладострастно ждать, пока кто-нибудь подвихнет ногу. Они учатся ждать, пока жертва созреет настолько, что её можно будет прикончить своими слабенькими, пустяковыми зубками. Где они учатся? И учебников таких нет, и, кажется, никакой воспитательной работы в этом направлении не ведётся. Самородки, не иначе.

— Не боись его! Он благородный! Он великодушный! Он в скважину не подсматривает, в спину не толкает, лежачего не бьёт. У него — принципы. И пользуйся его принципами на всю катушку.

Угрюмый тип живёт всё время как на войне. Как будто, если он не выстрелит первым, его непременно укокошат. И он стреляет без предупреждения.

— Поднимите шпагу!

Схватит, и ещё как! Поднимет и спасибо не скажет!

А вот попробуй ты уронить — тогда ни на что не надейся. Он уж воспользуется. Да ещё сапогом отшвырнёт, чтоб не дотянулся. А как же? Что он — дурак, что ли?

— Мы же договаривались!

— Мало ли что!

— Вы бы хоть предупредили!..

— Ещё чего! Нашли дурака!

Так начинается игра без правил.

С человеком, лишившим себя личной чести, невозможно ни договориться, ни условиться. Его невозможно даже пристыдить. Все эти понятия — стыд, совесть, тем более благородство — его не касаются. Понятие доброй воли ему ни к чему. Такой человек несёт в коллектив единственное, что ему близко, — насилие. И, понимая, что это палка о двух концах, он озабочен тем, чтобы, пользуясь этой палкой, быть самому безнаказанным и неуязвимым…

А коллектив?

«Всякий злак на пользу человекам» — сказано в одной старой книге. Увы, эту мысль следует рассматривать не только как совет поварам. Всякие злаки растут на ниве времени. И пшеницы, и овсюги, и добрые травы, и сорняки. И всякие человеки кормятся ими. И всякие человеки используют их для своего морального пропитания.

Я смотрю на большой спелый початок кукурузы, в котором все зёрна с первого взгляда выглядят крепкими, как лошадиные зубы. А тем не менее среди них попадаются зёрна, которые росли явно за счёт соседей, и можно даже увидеть, как они выковыривали соседей своими плечами. И всё это они делали внутри початка с тем большим успехом, чем больше им удавалось прикрыться большими коллективными листьями и большой коллективной формулой:

«Мы не можем разбазаривать свои драгоценные организмы, поскольку они принадлежат не нам, а обществу. Мы не индивидуалисты какие-нибудь. Мы себе не принадлежим!»

Всякие человеки прикрывались этими листьями. Потому что бессовестному человеку трудно найти что-нибудь более подходящее для укрепления собственной неуязвимости, чем действия якобы от имени коллектива.

И всякие человеки придерживались необычайно выгодной для себя отговорки:

— Коллективная честь — самое главное!

Неужели?

— Все мои достижения прошу отнести на счёт коллектива, который меня воспитал.

Правильно. Все аплодируют.

— Все мои безобразия прошу отнести на счёт коллектива, который меня воспитал.

Неправильно. Все обижаются.

Почему? А нипочему. Просто так.

То, видите ли, коллектив, а то — смешно сказать — единичная фигура…

Нет, друзья мои, личную честь ещё никакой коллектив никому не заменял. Личная честь — либо есть, либо нету. И вот когда её нету, тогда всё на свете, в том числе и коллектив, используется в личных целях для безнаказанности, для неуязвимости, для своих повседневных подножек.

Личная честь — это только личная честь и — увы! — больше ничего. И коллективная честь ещё никому её не заменяла. Разве человек бывает сытым, если кто-нибудь за него пообедает?

— Сравнили! То честь, а то обед! Без обеда никак нельзя!

— А без чести?

— Без чести! Как вам сказать?! Обходятся — кому удаётся…

А надо, чтоб не удавалось.

Поднимите шпагу!.. С безоружным не дерусь.

Было бы смешно, если бы в беге на стометровку один из бегунов получал бы пару секунд форы. Было бы несправедливо, если бы один боксёр вдвое превосходил бы весом другого. Было бы нечестно, если бы судья насчитывал одной из команд голы через раз.

Но ведь в жизни тоже имеются свои стометровки, ринги и судьи…

Надо обладать высоким сознанием, когда вступаешь на ринг, потому что иначе это не игра, а хорошо обеспеченная расправа.

— Слушай, — неожиданно говорит Тикк, — я прочту тебе стихи под названием «Баллада о правилах движения».

— Это прекрасно. Прочтёшь их, когда я буду свободен.

— Нет! Слушай. Они имеют прямое отношение к тому, о чём ты пишешь.

И, отставив ногу, Тикк стал читать:

Кого ни спросишь — знают все,
Как боевую песню,
Что безопасность на шоссе
Легко наладить, если —
Инспектора внимательны,
Шофёра сознательны,
Профили улучшены,
Правила заучены,
Тормоза проверены
И все в себе уверены…
Но существует на шоссе

Закон неумолимый:
В пути автомобили все
Взаимно уязвимы!
Любой из них, другого смяв.
Сам разобьётся всмятку.
И потому машин семья
Привержена к порядку.
Когда в дороге все как все,
Тогда любому ясно,
Что можно ехать по шоссе
Легко и *безопасно.*
Летят машины. Даль ясна,
Вокруг земля родимая…
Но появись всего одна
Средь них неуязвимая —
Которой ни вперёд, ни вбок,
Ни на одно мгновенье,
Ни вкось, ни вдоль, ни поперёк
Не страшно столкновенье,—
Тогда не ступишь на шоссе.
Когда — понять несложно —
Один в дороге не как все —
Движенье невозможно.
Движенье невозможно.

Я выслушал эти стихи и нашёл их действительно подходящими к случаю. Но не успел я это сказать, как внезапно вскочил Такк и, схватившись за шпагу, воскликнул:

— Сударь! Вы клевещете на человечество!

Тикк побледнел.

— Сударь, — стараясь быть спокойным, сказал он, — сударь, вы бросаете мне страшное обвинение… Вы в этом раскаетесь, сударь!

— Ничуть! Вы обязаны мне дать удовлетворение!

— Извольте, сударь! Но подумали ли вы о последствиях?!

— О да! Они слишком очевидны, сударь! — объявил Такк и обнажил шпагу.

— Ребята, — сказал я, — погодите! Враги, давно ль вы ими стали? Может быть, мы урегулируем ваш конфликт мирным путём?

— Никогда! — воскликнул Такк. — Слишком велика его вина!

— Но в чём же она?

— Он оскорбил всё человечество в целом! Не стану же я драться по мелочам!

— Отлично, — сказал Тикк и обнажил шпагу. — Ты видишь, — бросил он мне, — он первым полез!

— Так дело не пойдёт, — сказал я. — Я не желаю видеть убийство прямо перед носом, на собственном столе…

— Поздно! — гордо воскликнул Такк. — Отступления нет! Мы — в руках судьбы!

— Ну если в руках судьбы, тогда другое дело. Валяйте, ребята, со стола.

И, взяв дуэлянтов на ладонь, я перенёс их на полку, на которой у меня лежали шашки, домино и старая коробка фишек без доски.

— Расчисть нам место! — потребовал Такк, и я повиновался, раздвинув коробки.

Тикк осмотрел площадку и удовлетворённо сказал:

— Мерси тебе боку, сенк ю тебе вери мач! Места достаточно, чтобы проучить этого юного петушка.

— Сударь! — возмутился Такк. — Ваша вина удваивается! Оскорбив человечество в целом, вы нанесли также персональное оскорбление и мне! Готовьтесь к худшему, сударь!

Клинки скрестились одновременно. Тикк сделал выпад, но Такк отразил его, приговаривая:

— Людям надо разъяснить, что хорошо (удар, удар) и что плохо (ещё удар).

— А то они сами не знают (удар). Я ещё не видел ни одного человека, который не знал бы (удар), что лежачего не бьют! А ведь бьют (удар)! И ещё как (удар)!

Такк даже будто стал отступать. И Тикк, почувствовав это, ринулся вперёд.

— Но существует на шоссе закон неумолимый, — крикнул он, — автомобили на шоссе взаимоуязвимы!

И в этот миг Такк сделал неожиданный выпад и выбил шпагу из руки Тикка.

Наступила тишина. Такк кинулся на безоружного. Тикк гордо скрестил руки на груди и, с презрением глядя на противника, стал ждать своей участи.

— Ну! — закричал я. — Такк! Что надо сказать? Такк! Вспомни скорее, что нужно сказать!

Такк вздохнул и, опустив клинок, мрачно произнёс:

— Поднимите шпагу…

— Благодарю вас, сударь, — звонко произнёс Тикк, — но я предпочитаю быть заколотым, чем принимать помощь от того, кто оказывает её нехотя и неискренне…

— Ах так, — воскликнул Такк и отшвырнул шпагу, — я тоже безоружен! Можете меня задушить, если вам позволит честь!

— Ребята, — заметил я, — вы начинаете соревноваться в благородстве. Я очень рад этому соревнованию. Оно бесконечно, ибо сколько бы ни было благородства — его никогда не будет достаточно…

И Тикк и Такк кинулись тузить друг друга, впрочем, уже без запальчивости.

ОТКРЫТЫЙ ТУРНИКЕТ
Высокая сознательность. Обидная конструкция. Этический стандарт. Правила и обычаи

У входа в метро стоят турникеты — механические контролёры. Они предназначены для того, чтобы в метро не проник «заяц».

Турникет всегда открыт. Если пассажиры, проходя через него, всё время будут бросать в щёлочку пятаки — никто никогда не увидит турникет закрытым. Эта машина рассчитана на то, что пассажир обязательно, без всякого напоминания заплатит за проезд.

И поэтому, если пассажир пятака не бросит — турникет с громким удивлением закрывает перед ним проход. Турникет всегда открыт. Пассажиры бодро кидают пятаки, никого не задерживая.

Но стоит турникету удивиться всего один раз, как возле него немедленно образуется пробка.

Заяц?

Позвольте, кто ещё там не произошёл? Кому это там так трудно стать обыкновенным пассажиром?!

Вот какие глубокие мысли вызывает открытый турникет.

Но, говорят, первые турникеты были рассчитаны совсем наоборот — на то, что пассажир без напоминания за вход не заплатит. Они всегда были закрыты. И открывались только перед заплатившим пассажиром.

Это была очень обидная конструкция, особенно для пассажира, который определённо созрел до таких нравственных высот, что готов без всякого напоминания заплатить за проезд.

Такой конструкции я, по правде говоря, не видел. Но мне о ней рассказывали знающие люди, которые сохранили о ней память как о мрачной поре недоверия турникета к пассажиру.

При закрытом турникете зайца не видать. При закрытом турникете предполагается, что все зайцы. Поди разбери, кто сознательный, а кто нет, если перекладина закрывается перед каждым! «Знаю я вас, — говорит закрытый турникет, — все вы жулики! Все норовите нашармачка прокатиться!»

Правило одно: за проезд надо платить. А конструкции разные, можно сказать, взаимоисключающие.

Потому что — одно дело, когда тебе доверяют, и другое —

когда тебе не доверяют. Одно дело, когда тебя впускают без разговоров, а другое дело, когда тебя заставляют потоптаться перед закрытой перекладиной. В первом случае тебя не отвлекают от разных прекрасных мыслей, а во втором случае тебе кидают в упор: «Докажи, что ты не жулик!»

В первом случае к тебе относятся нормально и обыкновенно, а во втором случае выдвигают обидное предположение насчёт твоего морального облика.

— Граждане пассажиры! Я размышляю о том, какие вы прекрасные и сознательные!

— Не мешайте, станьте в сторонку…

— Но если я стану в сторонку — никто даже не заметит, что я размышляю, какие вы прекрасные и сознательные!

— Вот навязался на нашу голову! Где милиционер? Милиционер! Тут какой-то тип мешает движению!

Нет, друзья мои, я размышляю перед открытым турникетом, став в сторонку, чтобы никому не мешать. Потому что, размышляя даже о таких высоких вещах, как благородство пассажиров, нужно, прежде всего, оглянуться — не загораживаешь ли ты им дорогу.

Конечно, дело не в турникете.

Дело в том обычае, по которому живут люди. Этот обычай я назвал бы «этический стандарт». Конечно, появление такого термина немедленно поднимает мою книгу на научную высоту и сразу настораживает читателя — уж не желает ли автор совершенно неожиданно высказать какую ни на есть непререкаемую истину?

Не бойтесь, не желает. Дело в том, что всякий автор излагает истину только в том случае, если не заблуждается. И это ставит его в равное положение с читателем.

Так вот, этический стандарт — это просто нравственный уровень, на котором в данный момент находятся люди. Этот уровень создаёт условия, обеспечивающие или не обеспечивающие те или иные поступки людей. Этот уровень гарантирует осуществление или неосуществление их замыслов.

Правила существуют для всех.

Но выполнение этих правил — дело каждого в отдельности. И чем удобнее для всех правила, тем проще и легче выполняет их каждый в отдельности.

И тут следует сказать о разнице между правилами и привычками. Это — не одно и то же. Правила устанавливаются законодательным путём. Это очень просто. Берётся лист нелинованной бумаги, пишется закон и вывешивается на всеобщее обозрение. Но подобно тому, как люди бывали не

готовыми принять какую-нибудь гениальную идею насчёт мироздания или какую-нибудь гениальную машину, сулящую неслыханное облегчение труда, — они могли быть и бывали не готовыми к немедленному принятию новых правил.

Говорят, в каменном веке существовал обычай переходить улицу на красный свет светофора. Сколько законов не издавал тогдашний ОРУД — ничто не помогло. Идёт житель каменного века, тащит в авоське мамонта и лезет прямо под пробегающих бронтозавров.

Рассказывают также, будто в бронзовом веке существовал обычай, напившись, водки, валяться под забором. Бывали такие случаи, когда некоторые тогдашние жители ухитрялись валяться даже под теми заборами, на которых висели законы, запрещающие вести себя так некрасиво.

Ещё известен феодальный обычай брать взятки. Говорят, будто взятки в те времена брали даже за издание законов против взяток.

Да мало ли какие мрачные обычаи существовали на земле!

Что же помогало преодолевать эти, отсталые обычаи? Я думаю, что сознание граждан. Я думаю — их размышления над своей жизнью, их всё большая приверженность к свободе.

Это утверждение может удивить: выходит, чем человек свободнее — тем больше ему приходится сдерживать себя? Казалось бы, наоборот — если ты свободен, делай что хочешь! Сигай под движущихся бронтозавров, валяйся под забором, хапай взятки — живи в своё удовольствие! Но нетрудно заметить, что подобные действия всегда вызывают сопротивление. Они всегда кому-нибудь мешают. Они всегда связаны с принуждением. ОРУД принуждает ходить только на зелёный свет, милиция принуждает не валяться под забором, суд принуждает не брать взяток…

Свобода же есть сознательность, ставшая обычаем. Она является прежде всего освобождением от принуждения любого рода, любой формы. Если я не стану нарушать правил, меня не станут* принуждать к их соблюдению.

Мне кажется, обществом управляют не столько законы, сколько обычаи. И обычаи эти представляют собою этический стандарт.

Итак, если я не стану нарушать правил, меня не станут принуждать к их соблюдению. Прекрасно. Но если мой обычай пока ещё таков, что я хочу избежать принуждения, нарушая правила? В этом случае мне обязательно понадобятся такие условия, при которых мне можно будет то, чего нельзя будет другим. В этом случае я сам буду искать способы принуждения других. То есть положения, при котором я буду играть без правил.

И идеалом моим станет неравенство.

И тогда перед нашим взором появляется уже знакомое нам заблуждение — понятие о своей исключительности. Увы, это странное понятие никогда не оставляло людей, несмотря на то что ещё ни разу действительность не подтвердила его разумность.

А турникет всегда открыт.

Он предполагает в пассажирах лучшие побуждения. Хорошее правило — открытая дверь!

— А если они захотят ходить на головах?!

— А! Здрасте, пожалуйста! Наконец-то знакомый голос. Давно не виделись! Как живёте?

— Вас не касательно, как я живу. Как надо, так и живу…

— Ну почему вы сердитесь? Вас кто-нибудь обидел?

— На всех обижаться — обижательности не хватит.

— Вы себя недооцениваете! У вас хватит… Так почему вы думаете, что они обязательно будут ходить на головах? Разве вы не знаете, что ходить на голове очень неудобно?

— Не знаю я, удобно или неудобно, а только — будут. Должны…

— Граждане пассажиры! Будете вы ходить на головах или не будете? Вот мы сейчас поспорили…

— Отойдите в сторонку! Не мешайте движению! Граждане пассажиры торопятся. У них много дел. Их нельзя задерживать.

Турникет всегда открыт.

Потому что дисциплина возникает не тогда, когда существует слепое повиновение, а только тогда, когда все люди, кем бы они ни были, выполняют правила.

Вот это выполнение правил и создаёт человеку гарантию его достоинства…

СОБСТВЕННЫЙ АРШИН
На семь копеек личности. Странные предположения. Порция хамства. Человек и природа. В гостях и дома

Когда-то существовало понятие «скоробогатей». Так называли купчину, который богател гораздо быстрее, чем развивался как мыслящая личность. То есть была у него наглость от роду, почтение к деньгам давало ему безнаказанность, и при всём при этом думать о своих умственных способностях было просто некогда. Сам долез до миллиона, а личность в нём — еле-еле на пятиалтынный. Что делать при таком разрыве? Избу ассигнациями оклеивать? Прёт из человека неслыханное самоутверждение! Никому нельзя — ему можно!

Об этом уже много романов написано и пьес.

В те времена деньги были гарантией безнаказанности. Таков был этический стандарт. У кого было больше денег, у того было больше прав заблуждаться на счёт своей исключительности.

Но не следует думать, что гарантией безнаказанности могут быть только деньги. Деньги сами по себе ничего не значат. Значение имеет только отношение к ним людей.

И с переменой этического стандарта меняется и отношение людей к гарантии безнаказанности. Мелкий человек старается извлечь гарантию безнаказанности из любого этического стандарта. Теперь уже дело не в деньгах. Какие теперь деньги? Древние заблуждения находят новые формы.

Скажем, имеется в данной натуре личности копеек на семь. И пришла к данному лицу какая ни на есть слава. Повезло ему в жизни. Выбрали его куда-нибудь с перепугу или не разобравшись. Или под руку он попался, когда венки раздавали. Или должность какую-нибудь схлопотал.

Хороший человек прежде всего подумает, как бы выдержать тяжесть на непривычных плечах.

А тот, у которого на семь копеек, — тот уж — извините! Тот прежде всего осмотрится и, увидев табличку «Не курить», непременно закурит, даже будучи некурящим. Кашлять будет, но закурит. Потому что дело до собственной исключительности дошло. Всем нельзя, а мне — наоборот!

Недавно одного мальчика кем-то выбрали. Был Миша как Миша. Причёска. Носик пуговкой. А после такого события вдруг преобразился. Стал думать, как бы ему чего-нибудь такого

напозволять себе, чего другим нельзя.

— Молчать, — говорит, — когда я с тобой разговариваю! Я, — говорит, — не потерплю!

Бровки сдвинул, губки поджал, ножками сучит, ручками колотит по столу.

— Миша, ты ли?

Нет. Уже Михаил Михайлович. Все вокруг ещё Коли, Васи, а он уже вы, и всё такое. Он бы их всех одним словом «ты» обозвал бы, да не силён в лингвистике. Потому что личности в этом бывшем Мише — на семь копеек, а мелочности на два целковых.

Ощущение превосходства тревожит мелкую душу. Оно распирает её. Потому что душа мелкая, а ощущение крупное. Не помещается в душе. Лезет наружу по любому поводу.

Ну, это ему повезло. Дали ему возможность официально возвыситься над другими. Но ведь не каждому выпадает такое счастье. Не каждый получает возможность выплеснуть наружу своё моральное содержание указанным образом.

И тогда это моральное содержание выплёскивается иными путями. Тогда берётся какой-нибудь общепризнанный авторитет и этому авторитету приписываются свои собственные качества, и его действия объясняются своими собственными понятиями. Так сказать, строится авторитет по собственной модели. И авторитет этот становится сразу мелким, пустым, напыщенным и даже глупым. А он никогда таким не был — разве может на самом деле стать авторитетом пустой человек?

Часто приходится читать воспоминания о встречах «обыкновенных» людей с людьми «необыкновенными» — знаменитыми или именитыми. Вот что там бывает написано.

«Я ожидал увидеть неприступного человека, важного и надменного, а увидел доступного и вежливого. Удивительно!»

«Я думал, что он не станет со мной говорить, а он даже напоил меня чаем. Неслыханно!»

«Я ожидал увидеть горного орла, а увидел простого человека. Поразительно!»

А почему, собственно, он ожидал увидеть человека надменного? Какие у него были основания так считать? Почему он не ожидал увидеть доступного человека, а склонен был скорее увидеть нечто вообще мистическое, вроде горного орла?

Я думаю, ответ на это есть только один: авторитет ведёт себя в его представлении так, как вёл бы себя сам рассказчик в жизни. На месте знаменитого человека он был бы неприступен. Более того, на месте знаменитого человека он бы отрастил себе орлиные перья и соответствующий клюв, чтоб и вовсе не походить на людей.

Что же здесь происходит?

Происходит стремление к неравенству. И если мелкому человеку не удалось проявить своё превосходство над другими людьми лично, он старается проявить его, приписывая свои качества людям, которые в этом совсем не нуждаются. Он хочет утвердить свои качества в других, делая свои качества этической нормой. Ибо качества свои он считает непререкаемыми и естественными для всех.

Не следует, однако, думать, что это прелестное заблуждение в собственной исключительности проявляется только в таких заметных случаях, о которых я говорил. Оно проявляется и в случаях незаметных, обыденных. Оно проявляется в рядовом неуважении к достоинству человека…

— Я человек простой, понял? И потому слушай, как я тебя буду учить-потчевать. По-простому… Отца-мать почитай, начальников слушайся, законным браком женись…

— А почему вы думаете, что я этого не знаю?

— Откуда тебе это знать, если я с тобой первый раз говорю…

И смотрит ясными глазами, в коих лучится небесная безнаказанность и ангельская наглость.

А вот на днях две девушки в обеденный перерыв забежали в ресторан. Была у них такая идея — блинов поесть. Конечно, идея не серьёзная, но сразу казнить за неё было бы некоторым преувеличением.

Ну и напоролись. Вышел моралист.

— Ай-ай, — говорит, — такие молоденькие и уже…

Девушки молчат.

— Молодые ваши годы, а на что их тратите? Спохватитесь — будет поздно… Сегодня один кавалер, завтра — другой…

Девушки молчат, краснеют, оглядываются — где же тот кавалер, хоть один, который подошёл бы и дал в морду этому хаму? Нету. Снуют кавалеры мимо. Вроде ничего не происходит. И льётся на девушек грязь от чистого сердца.

Одна, которая посмелее, ножкой топнула:

— Да как вы смеете!

— Как смею? А по-простому… В школе вас не учили, в комсомоле не учат — я поучу…

Почему же он их поучает? Руководствуясь каким учебником, он наносит им оскорбления? Руководствуется он одним «учебником» — своими представлениями, которые кажутся ему идеалом.

Они кажутся ему идеалом потому, что исходят, как говорится, от обратного. Это он грязен и поэтому уверен, что все должны быть грязными. Есть такие люди, которые убеждены, что

если они воруют — так все должны воровать, если они обманывают — так все должны обманывать, если они подличают — так все должны подличать…

Но он также знает, что, согласно существующему этическому стандарту, воровать и подличать — нехорошо. И поэтому он ищет, перед кем бы проявить свою фальшивую сознательность.

Такой человек без всякого сомнения старается унизить других людей, так сказать, довести их до своего уровня и укоротить их до размеров своего небольшого аршина.

Впрочем, не только людей. Он стремится то же самое сделать и с природой. Для него не существует ни красоты, ни поэзии, ни неповторимости, ни щедрости природы. Она для него — только поставщик еды, стройматериалов и топлива. Он хрюкает от удовольствия быть таким, какой есть. И поучает, поучает, поучает. Он поучает поэтов, как писать стихи, художников, как писать картины. Он хочет, чтоб они писали так, как писал бы он, если бы умел. Он учит соловьёв петь и орлов летать, потому что они обязаны и петь и летать так, как пел бы и летал он, если бы умел это делать. Он требует от всех той нравственности, которой придерживался бы он сам, если бы придерживался.

А он не умеет ничего. Абсолютно ничего. Он даже есть не умеет: он чавкает, оскорбляя других. Он даже ходить не умеет. Он наступает всем на ноги. Ему не свойственно даже понятие оскорбления. Самого его оскорбляй сколько хочешь — только хлеба не лишай. Не мешай ему чавкать, не мешай ему наступать другим на пятки. Называй хоть горшком, только в печь не сажай. Мне кажется, если бы он попал на необитаемый остров вместо Робинзона — он прежде всего обозвал бы попугаев воробьями, что для попугаев очень обидно. Он бы начал с унижения всех, с кем соприкоснётся. Ему всегда требуется партнёр для нанесения оскорблений. Если же партнёра нет — он мается как больной и угрюмо ищет, как бы выздороветь…

Он — обыкновенный желудок, научившийся произносить разные слова и надевать ботинки. И взгляд на мир у него простой кишечнополостной, как у гидры. Он исходит из самого себя и склонен мерить мир собственным аршином. И считает эту мерку подходящей ко всем случаям жизни…

Рассказывают, как один дядя съездил в гости.

— Ну как там вам жилось? — спросили у него.

— Жилось ничего себе, но только всё время приходилось быть в образе.

— В каком образе?

— Ну в образе… Не в натуре, а в образе. Как артисту… Прикидываться приходилось…

— Прикидываться? Кем же вы прикидывались?

— Джентльменом прикидывался™

— О, это вам, наверно, было очень трудно!

— Ясное дело… Скажем, входишь в дом — обязательно шляпу снимай… Или, допустим, женщина навстречу — пропускай её. А место уступать — первое дело… Женщины специально для этого дамами называются. Чтоб никто не сомневался. Конечно, это они ловко придумали. Женщина — она тебе и «тётенька», и «мамаша», и «девушка», разнообразие всё-таки. А дама — кругом дама. И шабаш, никаких разговоров, уступай дорогу. И пользуются они этим на всю катушку… Не говорю уже о ботинках — чистить приходилось каждый день, опять же бриться и костюм гладить…

— Что вы говорите! Какой ужас! Наверно, и причёсываться надо было?

— Тут мне повезло. Я, как видите, лысый.

— Да-да, извините…

— И насчёт «извините» — тоже строго. Только и следи всё время, чтоб «спасибо» было, «пардон» и всякое другое. Но я, конечно, в грязь лицом не ударил. Всё выполнял, как положено… А теперь вот отдыхать еду, на дачу. По правде говоря, замаялся.

И он поехал отдыхать.

По всей вероятности, человек этот, когда ему не надо прикидываться джентльменом, не бреется, не чистит ботинок, не гладит костюм и никому не уступает места. Потому что у него нет в этом никакой потребности. Потому что для самого себя ему это совсем не нужно. Правила обогнали его обычай.

По этому обычаю он ведёт себя дома распоясавшись, а в гостях — прикидывается. Он знает, что вести себя «как дома» в гостях нельзя — неприлично. И вот это самое «неприлично» вызывает в нём раздражение и неприязнь.

Если бы он не знал, как надо, — было бы полбеды. Научился бы. Но он знает! И невежество его становится для него мерилом жизни. Он не испытывает удовольствия от своего опрятного вида — ему он в тягость. Он не испытывает удовольствия от того, чтобы сказать «здрасте». Ещё чего! Он не испытывает удовольствия от того, что ему улыбнётся незнакомый человек. Чего зубы скалишь?! И насупленно выдаёт свою мрачную ограниченность за некое преимущество…

Дома — можно, в гостях — нельзя. Старинный обычай мещанина. Не волнуйтесь — он наденет Галстук, когда ему выгодно, и поздоровается, когда ему выгодно, и постарается улыбнуться, когда ему выгодно. Но только когда выгодно! А за так — ни за что!

АВАНС В СЧЁТ ЗАВТРА

Борьба добра со злом. Подробности жизни. За что полагаются лавры. Талон на хорошее отношение

Вот уже несколько глав Тикк и Такк отсутствуют на моём столе. Пепельница пуста. В ней лежат окурки, которые меня удручают, ибо, закуривая каждую папиросу, я отдаю себе ясный отчёт в том, что курение вредно. Всякий раз, зажигая спичку, я понимаю, какой вред наносят курильщики обществу, изводя леса для производства спичек. Поэтому я уже давно мечтаю заменить спички зажигалкой. В этом случае лично я сохраню не меньше кубометра деловой древесины. Если я обращусь с призывом к другим курильщикам и они поддержат меня, — мы, пожалуй, спасём от бесцельной гибели штук двадцать восемь раскидистых деревьев…

Надо будет это сделать.

Сегодня утром меня подстерегала приятная неожиданность: Тикк и Такк оказались на месте.

— Где вы были?

— А что? Ты нас ждал?

— Разумеется!

— Мы гуляли по свету, — сказал Тикк. — Как выяснилось, исторические события происходят не только на твоём столе.

— Да ну!

— Сущая правда, — сказал Такк.

— Удивительно. Что же происходит в мире?

— В мире происходит борьба добра со злом, — сказал Такк.

— И давно?

— Да вот уже дня три, — сказал Тикк.

— Ну и чем же это всё кончится?

— Я думаю, добро должно победить, — сказал Такк.

— Это приятно слышать.

— Очень рады доставить тебе приятную весть, — сказал Тикк. — А ты чем занимаешься?

— Да вот разбираю редакционную почту…

Я разбирал конверты, а Тикк и Такк сели на своё излюбленное место, наблюдая за мной.

— Хотите, почитаю? — спрашиваю я.

— Конечно.

— Тогда слушайте… Вот, например, один парень написал

письмо в редакцию:

«Я готов отказаться от своей зарплаты, буду работать честно и добросовестно, выполнять план, нести общественную нагрузку, отдавать свои силы для процветания родины, но только чтобы мне выдали справку, что я являюсь членом грядущего общества».

Едва я прочёл, Такк вскочил и воскликнул:

— Какой прекрасный юноша! Читай, пожалуйста, дальше! Мне хочется как можно больше узнать о нём!

Тикк продолжал болтать ногой. Я прочёл письмо до конца под одобрительные возгласы Такка.

— Ну и что? — неожиданно спросил Тикк и зевнул.

— Как что? — возмутился Такк. — Он просит всего лишь маленькую справку.

Я подумал немного и сказал:

— Конечно, никто не может отказать ему в искренности. Конечно, письмо насыщено благородством и бескорыстием. Оно продиктовано высоким сознанием.

— Чудные вы оба, — сказал Тикк. — А вы подумали, что будет есть этот хороший парень, если он отказывается от зарплаты? Как он себе представляет эту простую подробность? Во что он будет одеваться? Как он представляет себе этот вынужденный процесс?

— О этот жуткий практицизм![13] — закричал Такк и схватился за шпагу. — Сударь! Я отучу вас от вашей скверной привычки опускать людей с неба на землю! Ты будешь секундантом!..

И он выхватил клинок.

Тикк подошёл к нему, спокойно взял его руку со шпагой и вложил шпагу в ножны:

— Спокойно, варяг.

— Нет! — закричал Такк. — Сто раз нет!

— Ладно. Сто раз, так сто раз, пересчитывать не будем.

И, снова усевшись на пепельницу, он продолжал:

— Вот, допустим, пришёл такой человек в магазин: я, мол, такой-то, заверните мне товару на одну пиджачную пару.

И перед нашим мысленным взором возникла следующая картина.

Продавец говорит:

— Извольте. Платите в кассу.

— Но я не получаю зарплату. Я от неё отказался.

— Зачем? — удивляется продавец.

— А мне она не нужна. Вот справка.

Продавец всплёскивает руками:

— Батюшки! Наконец-то! Шура! Вася! Коля! Нина! Скорее

сюда! Бросайте все дела — будем его обслуживать! Граждане покупатели, освободите помещение! Идите-идите, не до вас!

Наш парень стоит и глазам не верит: какая персональная вежливость! Выбрал он товару на пиджачную пару. Собрался идти, а продавец говорит:

— Прошу вас в кассу, а оттуда на контроль!

— Как это в кассу? Я же вам чёрным по белому сказал — отказался я от денег. За то, что хорошо работаю. И даже добросовестно. Вот справка!

— По справке не можем. Только за деньги. Тут неувязочка. Вам-то всё равно, а нам отчитываться. Попрошу вас — положите товар назад.

Парень начинает сердиться:

— Что же вы, черти полосатые, издеваетесь? Обслуживаете культурно! Разные «пожалуйста» говорите. Да вы знаете, за что я эту справку получил?

— За ч-что?

— А вот за что: работаю честно — это раз, добросовестно — это два, выполняю план — это три, несу общественную нагрузку — это четыре, отдаю свои силы и горячую кровь.

— Ну и что? — говорят продавцы.

— Как это «ну и что»? — говорит парень, берёт свою покупку и идёт к выходу.

— Караул! — кричат продавцы. — Грабят!

Конечно, в результате шума — милиция. Протокол.

Парень объясняет:

— Как вы не понимаете! Мне положено! По-ло-же-но. Потому что я, во-первых, работаю честно, во-вторых, добросовестно, в-третьих, выполняю план, в-четвёртых, несу общественную нагрузку, в-пятых, отдаю кровь…

— Донор, что ли? — перебивает милиционер.

— Я не донор! Это только так говорится, понимаете? Поэтично! Понимаете?

Тогда милиционер говорит прямо и честно:

— Вот что, гражданин. Донор вы или поэт, а за штаны платить надо. Придётся для первого разу вас простить, однако на предприятие ваше сообщим, чтоб они вас там под-воспитали в деле понимания товарооборота.

Сообщили на завод. А там раз — собрание. А на такую повестку дня только камни не ходят. А люди — те ходят. Набился полный клуб. Так, мол, и так, поступило заявление на нашего дорогого товарища.

Вышла одна хорошая девушка и сказала, тряхнув кудряшками:

— Стыдно, Петя! Я сидела и слушала, и волосы становились дыбом. Ты опозорил наш коллектив! Ты обманул продавцов. Ты обидел милицию!

Вышел серьёзный юноша и сказал:

— Я не думаю, чтобы Петя пропал. Он, конечно, ещё не пропал. Но мы не должны закрывать глаза на то, что во всём виноват коллектив. И если мы закроем глаза, Петя пропадёт.

Вышел другой юноша и сказал:

— Мы со всей прямотой должны сказать Пете: не ожидали! Я предлагаю выговор.

Долго шло обсуждение. Много горьких, задушевных, искренних слов сказали молодые люди. И вот слово дали Пете.

— Ребята, — сказал он, — я больше не буду. Я вам всё сейчас объясню. Я работаю честно (свист), добросовестно (топот), выполняю план (свист и топот), несу общественную нагрузку (топот и свист)…

В общем, плохо ему было на этом собрании. А рассказал про справку — стало ещё хуже. Все просто обиделись.

Можете считать, Что это происшествие выдумал Тикк. Но парень всё-таки прислал приведённое выше письмо. Парень таки потребовал лавров за то, за что лавры не полагаются.

Конечно, этот парень вырос не на пустом месте. Есть такие люди, которые страшно хотят чем-нибудь выделиться. А так как выделяться им нечем — они начинают уверять вас, будто нормальная добросовестная работа — подвиг, и нормальная честная работа — подвиг.

А добросовестная работа — это только норма. И честная работа — это только норма. И не надо персонально хвастать, что ты не лодырь. Это оскорбительно для других.

Конечно, мечта — это хорошо. Конечно, мечта о будущем зовёт нас вперёд и вооружает крыльями. И всё же никакая мечта не освобождает нас от конкретных дел. Никакой дом не строится без строительного материала. Нельзя обогнать время, лишь отрывая листки календаря. Нельзя приблизить завтрашний день для себя лично, авансом. Из этого никогда ещё ничего путного не выходило.

Никаких благ в будущем пока ещё нет. Их надо пока ещё создать. И справка об исключительности — есть просто-напросто игра без правил.

Так что работай, парень, без справки. Если она тебе нужна не для расчёта с продавцами — так на что она тебе сдалась? А если для расчёта — так какой же ты бессребреник?

Тикк спросил меня:

— Знаешь, какая разница между обедом и талоном на обед?

— Какая?

— Обед можно съесть вместо талона, а талон нельзя съесть вместо обеда… Такк! Слышишь? Давай с тобой заведём талоны на хорошее отношение друг к другу?

— Это было бы прекрасно, — ответил Такк, — наконец на тебя была бы какая-нибудь управа!

— Ну что же? Давай! Раз, два, три!

И едва он это сказал — в руках у Такка оказалась крошечная книжечка. Я взял лупу и прочёл на ней: «Талоны на хорошее отношение. Передача другому лицу воспрещается. Годны только по предъявлению удостоверения личности».

— Однако строго, — заметил я и положил лупу.

— А как же! — воскликнул Тикк. — Ну, Такк, предъяви мне талон, и я выдам тебе порцию хорошего отношения…

— Вот, — сказал Такк и протянул ему книжечку.

Тикк строго принял её, внимательно просмотрел, покачал головой и сказал:

— Извините, сегодняшний талон уже использован. К вам сегодня уже один раз хорошо отнеслись. Проваливайте! Проваливайте! Заходите завтра.

— Как завтра? Как завтра? — забеспокоился Такк, суетливо разглядывая документ. — Мне сегодня нужно!

— Ничего не можем сделать. Талон использован.

— Но мне только сейчас выдали книжечку!

— Нас не касается.

— Но послушайте, поверьте, мне очень нужно хорошее отношение… Честное слово… Ну, пожалуйста… Ну выдайте мне его в счёт завтра. Оторвите завтрашний талон!

— Гражданин, не положено. Придёте завтра, и завтра выдадим.

Здесь Тикку, вероятно, стало жаль Такка, и он добавил:

— Только приходите с утра, чтобы выбрать получше…

Услышав такие человеческие слова, Такк встрепенулся и с доверительным заискиванием спросил:

— Послушайте, может быть, у вас на складе осталось хоть какое-нибудь хорошее отношение… Мне сегодня очень надо…

— На складе — ни грамма, — строго ответил Тикк. — Его утром из холодильника привозят. Приходите, гражданин! И так я с вами заболтался. С этим хорошим отношением все как побесились — давай и давай! Когда плохое раздавали, такой давки не было. И что за публика — не угодишь.

— Потому что хорошее лучше плохого, — искренне сказал Такк.

— Неужели? — спросил Тикк и рассмеялся.

Книжечка в руках Такка исчезла, он посмотрел на пустые руки и опечалился:

— Ну неужели нельзя в счёт завтра? В счёт будущего…

— А вдруг в будущем будет положено в два раза больше хорошего отношения? Мы же с тобой не знаем. Мы же не предсказываем будущего…

И Тикк запрыгал на одной ножке.

Такк улыбнулся…

ГОЛУБИНОЕ СЛОВО

Воздушные замки. Растоптанная мечта. Легкомысленные ангелы. Академик, герой, мореплаватель и плотник. Форма и содержание. Давка у входа в профессию. Кем быть?

Карточные дворцы обладают свойством рушиться, как бы надёжно их ни строили.

Таким же свойством обладают и воздушные замки, с той разницей, что замки эти не рушатся, а рассеиваются как дым, как утренний туман.

Мне следует сказать несколько слов о воздушных замках, поскольку это очень распространённый вид архитектуры. Это единственный вид сооружений, который не требует ни труда, ни строительных материалов, ни застроенных площадей. Он требует только самообмана, запасы которого в мире — увы! — практически неиссякаемы.

Жизнь в воздушном замке прекрасна. Невесомые стены его утопают в невесомой зелени и отражаются в невесомой воде. По бокам высятся башни из слоновой кости, что, в общем, не должно нас пугать, потому что это только название — «башня из слоновой кости», а на самом деле никакой башни нет, а есть одни разговоры.

Жизнь в воздушном замке начинается утренним вечером и протекает ночным днём. Летней зимой там собирают плоды, а весенней осенью — букеты цветов. Цветы там растут огромные, как незабудки, а плоды тяжеленные, как клюква.

И всё там есть, о чём ни подумаешь, и всё там сбывается, и всякий, кто там поселился, очень доволен своим замечательным местожительством, пока не пригреет солнце действительности и пока не растают могучие стены и не рассеются неприступные башни под влиянием лёгкого ветерка.

И тогда постояльцы воздушных замков начинают плакать…

И в тот самый момент, когда вы читаете эти слова, в лаборатории одного института как раз сидит нежная девушка и плачет.

Она плачет не просто так, не от избытка чувств и не от того, что приспела пора поплакать. Она плачет потому, что её заставили резать лягушку. А лягушек она боится. Она боится брать их в руки. Ей кажется, что от этого бывают бородавки…

Эта милая девушка хотела стать журналисткой. Ей нравилось быть журналисткой. Она видела себя с красивым фотоаппаратом в коричневом футляре, который так шёл к лёгкой кофточке палевых тонов. Он шёл бы также к зеленоватой лавсановой юбке. Она хотела носить в сумочке корректное, но многозначительное корреспондентское удостоверение, которое позволяло бы получать без очереди билеты в кино и контрамарки в театр. Она ещё неясно представляла себе содержание статей, которые будет подписывать, но уже вполне была довольна их качеством. Журналистика была её мечтой.

И вот ужасные, злые люди подкосили эту мечту под корень. Злые люди сказали, что надо уметь излагать свои мысли. А мыслей у девушки не было. У неё была сумочка для удостоверения, кофточка для фотоаппарата и фамилия для подписи. Но ужасно злые люди почему-то не сочли эти достоинства достаточными для поступления на факультет журналистики.

Мечта лежала на асфальте, как растоптанный ландыш. Жизнь не удалась. Восторжествовала кошмарная несправедливость.

Кто знает, что было бы с этой девушкой в результате непоправимого удара! Страшно и подумать. Но, к счастью, она усвоила могучую жизненную установку, сформулированную различными добрыми поэтами и положенную на музыку не менее добрыми композиторами. Во-первых, молодым везде у нас дорога, а во-вторых, все мечты сбываются, товарищ.

Это её спасло. И мучилась она только пятнадцать минут.

В конце пятнадцатой минуты прибежала подруга. У подруги тоже была мечта. Подруга хотела стать художницей. Но те же злые люди сказали ей, будто, для того чтобы стать художницей, нужно уметь рисовать. Подруга тоже пережила непоправимый удар и, звонко напевая указанные выше арии, примчалась к нашей героине.

Они взяли газету и стали читать материалы, собранные под направляющим названием «Куда пойти учиться».

И выяснилось, что желанной мечтой каждой из них было: а) лесное дело, б) астрономия, в) медицина, г) кибернетика, д) гельминтология, а также все остальные дисциплины, которые были обозначены в щедром газетном меню.

Они любили гулять в лесу (лесное дело), смотреть по вечерам на звёзды (астрономия); они восхищались тонкостью операций, которые производили на экранах их любимые киноактёры в красивых белых халатах (медицина); они знали, что кибернетика — это что-то очень модное; а вот того, что гельминтология занимается обыкновенными глистами, они просто не знали.

Все мечты сбываются, товарищ! Поэтому девушки решили: в какой институт попадёшь, в такой, значит, мечта и привела.

Подруге повезло. Она вышла замуж у дверей седьмого института и сейчас, говорят, хорошо живёт. А наша героиня плачет, потому что дорога завела её в учебное заведение, где заставляют браться руками за гадких лягушек.

Вот и вся история.

Собственно, история ещё не вся, а только её середина.

А было у неё и начало.

Когда бог создал землю и всё сущее на ней, он осмотрелся вокруг и затосковал. Все проблемы были решены, вокруг висели бодрые лозунги, Вселенная шла вперёд без страха и сомнений, все мечты сбывались, не успев возникнуть, и с экранов светились белозубые улыбки киногероев. И ангелы бряцали на серебряных гуслях, сочиняя дальнейший сценарий: как молодой человек хорошо учился в школе, поступил в институт, хорошо его окончил и теперь хорошо работает. Конфликтов не было. Беззаботная Вселенная улыбалась.

И тут-то старик сообразил, что допустил кучу легкомыслия и безответственности.

«Этак, пожалуй, — думал он, — они и вовсе разучатся мыслить. И мозг у них дальше куриного не пойдёт. И не будет на земле ни Бойля, ни Мариотта, не говоря уже о Платоне и быстром разумом Невтоне. На кой чёрт им стараться, если уже заранее известно, что все мечты сбываются, а молодым и без того дорога? На кой чёрт? Чёрт… Чёрт…»

И пока старик бормотал это нехорошее слово, появился чёрт. Он появился для конфликта. Чёрт появился, доложил, предъявил справку о профессии и начал втыкать палки в колёса. Колёса ломались, их приходилось ремонтировать, изобретать сверхпрочные спицы и ступицы, искать новые материалы и придумывать науку о сопротивлении материалов.

Вселенная стала улыбаться только по выходным дням или вечером после работы. Причём улыбка её стала значительно осмысленнее.

И только беззаботные ангелы продолжали играть на своих серебряных гуслях и сочинять красивые обещания всем, кто не хочет думать самостоятельно.

И они ворковали своё голубиное слово:

— Прямо пойдёшь — победителем станешь, налево пойдёшь — в преобразователи попадёшь, направо пойдёшь — творцом будешь. Ибо сказано в писании: все мечты сбываются, и вообще кругом одна романтика…

О голубиные чары! Шёл парень налево и хотел стать

слесарем-водопроводчиком, а стал простым преобразователем природы. Шёл парень направо и хотел стать каменщиком, а стал скромным творцом человеческого уюта.

Машут ангелы крыльями. И под сенью этих крыльев растут буйные зелёные декларации:

— Моя мечта — стать победителем стихий.

— Мечтаю стать преобразователем природы!

— А кем именно? Агрономом? Гидростроителем? Врачом? Парикмахером?

— Не столь важно! Сказано — преобразователем!

— А меня, например, сызмальства в творцы тянет. Очень мне желательно стать творцом. Творить, стало быть, то да сё…

— Но и творцы делятся на подразделения! Архитектор — творец, писатель — творец, плотник — творец…

Вот чего наделали безответственные ангелы-хранители легкомыслия.

А жизнь подробна. Жизнь нельзя строить «вообще», так сказать, огулом. Она строится и «в частности». Она состоит из вполне конкретных случаев. Какой-то весёлый пессимист сказал, что жизнь прекрасна в каждом отдельном случае и ужасна в каждом отдельном случае. Вообще-то она прекрасная штука, но в частности может не разобраться и дать пинка. Не потому ли, что нас много, а она одна? Она может даже начихать на отдельную личность. Но если отдельная личность вздумает начихать на неё, жизнь этого даже не заметит.

Тут явно неравные условия. И это нужно усвоить и относиться к жизни с уважением. Это тоже, знаете ли, правила игры, и довольно серьёзные.

Их надо соблюдать, чтобы что-нибудь получилось…

Конечно, все мечты сбываются, и молодым везде у нас дорога, но при этом необходимо уяснить, что по дороге нужно идти, или, говоря научным языком, топать ножками…

— Правильно! — восклицает Такк. — Шагать! Шагать семимильными шагами!

— Привет тебе от Большой Медведицы, — спокойно говорит Тикк. — Она просила тебя подстричь её немного, а то ей жарко.

— Ты опять?! — возмущается Такк. — Ты — сухарь! В тебе нет ни капли романтики! «Шагать» — это романтично, а «идти» — это так обыденно… Неужели ты не чувствуешь разницы? Ты — дьявол, тебе бы только разрушать!

— Ха-ха-ха! — воскликнул по-оперному Тикк и взлетел на цветок. — Я — демон! Я — дух познанья и свободы! Лермонтова читал? Вот это я самый и есть! Ещё раз — ха-ха-ха! Что ты понимаешь в романтике? Чудак! Романтика — это обычное

стремление к необычному. Удивительно не то, что она есть, было бы удивительно, если бы её не было!.. И нечего её приписывать к каждому чиху!

Тикк взбирается на ветки цветка и дразнит оттуда Такка.

Я оставляю их и продолжаю писать.

Ангелы воркуют своё голубиное слово:

— Ррромантика, о рррромантика… Ррромантика, о рррромантика…

Красивое слово, которое так идёт к названию кафе. Красивое слово, которое гармонирует с прекрасной мечтой так же мило, как палевая кофточка с коричневым футляром фотоаппарата. И нет ничего проще окрылить обычное стремление к необычному только названием крыльев.

Вот здесь, может быть, и следует сказать о странном словосочетании, которое довольно часто попадается нам на глаза и не требует разъяснений. Я имею в виду понятие «человек скромной профессии». Мы знаем, что «человек скромной профессии» — это хорошо. Это сочетается с другим понятием, которое также не требует разъяснений, — «романтика труда».

Но если существует понятие «люди скромных профессий», то, вероятно, существует, в противовес ему, понятие «люди нескромных профессий». Иначе не бывает. Иначе не получается единства противоположностей. Что обозначает «нескромная профессия», мы с вами не знаем, поскольку нигде о таковой нам читать не приходилось. Зато о «скромной профессии» мы читаем каждый день.

Скромная профессия, по свидетельству прочитанного и услышанного, это…

Позвольте, а в самом деле, что это такое?

Тикк и Такк уже приготовились отвечать на мои вопросы. Они, как обычно, даже освобождают меня от необходимости эти вопросы задавать. Они начинают разговор сами.

— Итак, — спрашивает Тикк, — врач — скромная профессия?

— Несомненно! — говорит Такк.

— Инженер?

— Несомненно!

— Кондуктор трамвая?

— Конечно!

— Уборщица?

— Ещё бы!

— Сталевар?

— Разумеется!

— Академик?

— Академик? — задумывается Такк. — Академик… То

академик, то герой, то мореплаватель, то плотник…

Действительно, задумаешься. Сказать, что академик — нескромная профессия, значит, обидеть академиков, которые, как известно, очень скромные люди.

А Такк не любит обижать людей.

— Видишь ли, — говорит он, — это не профессия, это звание…

Тикк смеётся:

— Прекрасно! Но звание это — скромное или нескромное?

— Разумеется, скромное!

— Хорошо. А какое звание скромнее — академик или член-корреспондент академии?

— Конечно, член-корреспондент!

— Следовательно, академик менее скромное звание? — спрашивает Тикк и показывает язык.

Такк хмурится:

— С тобой нельзя спорить!

— Почему же нельзя? Спорь сколько угодно, но только думай.

Такку очень жалко выносить решительный приговор. Но Тикк не унимается:

— Ладно, оставь! Скажи лучше, какая профессия скромнее — врач или медсестра?

— Медсестра! — радостно восклицает Такк.

— Значит — врач менее скромная профессия?

Такк тяжело вздыхает.

— Ну? Какая профессия скромнее — уборщица или сталевар?

— Уборщица… Нет… Сталевар… Они обе скромные…

— Че-пу-ха! — скачет Тикк. — Че-пу-ха! Всё дело в том, что это — глупости.

— Что — глупости?

— А то самое — «скромная профессия». Скромных профессий не бы-ва-ет. И нескромных не бы-ва-ет! А бывают просто про-фес-сии.

— Но «скромная профессия» так красиво звучит…

— Да пусть она звучит как хочет! От этого она не становится ни легче, ни тяжелее, ни нужнее, ни бесполезней! Мне кажется, эту самую «скромную профессию» придумали люди, у которых никакой профессии нет вообще. А те, у которых есть профессия, — те просто работают, занимаются делом и не выдумывают глупостей.

— Нет, — настаивает Такк, — «скромная профессия» звучит очень романтично…

— А глистов резать — романтично?

— Глистов резать — не очень романтично…

— А как же тогда быть со скромной профессией естествоиспытателя?

— А, ты хитрый! Ты задай мне другой вопрос…

— Какой другой?

— Ну, например, про шофёра, который ведёт машину, несмотря ни на что, через метели и буреломы.

— Только про такого шофёра? А про шофёра, который возит молоко с фермы, не спрашивать? А про шофёра, который ездит с ассенизационным обозом, не спрашивать?

— Сударь! — восклицает Такк. — Не забывайтесь!

Но Тикк, пренебрегая вызовом, раскачивается на ветке цветка.

— Такк, — говорю я, — извини меня, но ты, действительно, хочешь невозможного. Это очень странно. Ты хочешь красивенькой формы, за которой нет и не может быть никакого содержания. Тикк прав. Разглагольствовать о труде гораздо легче, чем работать. Мне всегда казалось, что все эти красивенькие названия страшно обидны. Они как будто уговаривают человека трудиться, как маленького. Но это противоестественно потому, что труд — это, пожалуй, единственное занятие, которым Человек занимается постоянно с тех пор, как перестал быть Обезьяном. Как же можно его уговаривать делать то, что он и так делает? Этак он, пожалуй, задумается, не прекратить ли своё основное занятие. Раз уж меня уговаривают, может быть, я действительно делаю что-то не то. Нет, Такк, скромных или нескромных профессий не бывает. А бывают люди — скромные и нескромные. И скромному человеку никогда и в голову не придёт выпячиваться перед другими людьми. А нескромному только это в голову и приходит. И хочется ему без труда и таланта занять такое место, которое как раз и требует и таланта, и труда. И чтобы скрыть свою нескромность, он придумывает «чистые» и «нечистые» профессии. И «скромными» называет профессии «нечистые», решив про себя, что ему уж ими заниматься никак не придётся…

Люди трудятся не потому, что это романтично, а потому, что труд есть прямая необходимость. Никаких других объяснений труду искать не следует потому, что их просто нет. Труд бывает лёгкий и бывает тяжёлый, и на это тоже не следует закрывать глаза. Но во всех случаях труд есть процесс приспособления к законам природы с целью создания конечного продукта. То есть с целью получить какой-нибудь результат. Это необходимо знать. И если труд не даёт результата, если он не даёт удовлетворения — тогда он бессмыслен. Может быть, славный царь Сизиф, вкатывавший свой камень в гору, думал, что трудится. Но то, что

он делал, вовсе не было трудом. Боги, обрёкшие его на бесцельную трату сил, сами не подозревали, насколько они были свирепы. Они наказали Сизифа единственным наказанием, страшнее которого не придумали бы и за сто тысяч лет, — они наказали его бессмысленным занятием. При этом они ещё наделили его бессмертием, чтобы он мучился подольше.

Я не думаю, что существуют профессии «скромные» или «нескромные».

Профессии бывают только осмысленными.

Конечно, Сизиф был мучеником. Его занятие было бессмысленным. Но учётчик, пристроившийся при его занятии, был бы просто мерзавцем, ибо кормился бы от мучительной бессмыслицы. И кормёжку эту тоже выдавал бы за профессию, возможно даже за «скромную». И занятие Сизифа называл бы «скромной профессией». И поди разберись — какая из этих профессий «скромнее».

Людям, делающим дело, не безразлично, имеет их занятие смысл или не имеет. А людям, кормящимся при деле, совершенно всё равно, наполнено это смыслом или нет. Человек, кормящийся при каком-нибудь деле, нарушает правила игры, пытаясь поставить себя в исключительное положение и нечестно выиграть кусок, который причитается совсем не ему…

«Чистая профессия» — это, вероятно, то занятие, которое не требует особенных усилий. У входа в эту профессию всегда образуется давка. «Чистая профессия» заманчива с первого взгляда. У неё ясные одежды и светлые перспективы. Она сопровождается различными эффектамˆ. В ней есть значительность. И значительность эта скрывает от наивного и нелюбопытного взора тайны, связанные с упорным, нескончаемым трудом…

А у входа в «нечистую профессию» давки не бывает. «Нечистая профессия» с первого взгляда предъявляет свою сущность. Но дело-то всё в том, что именно «нечистые профессии» стоят ближе всего к действительности. А непосредственно соприкасаться с действительностью люди, заморочившие себе голову легкомысленными представлениями о жизни, не хотят потому, что боятся. Им подавай чего-нибудь поотвлеченнее…

Мне рассказывали об одном сборе, на котором все говорили о том, как хорошо трудиться. Все речи были посвящены таким прекрасным вещам, как романтика труда, выбор профессии по душе и вступление в самостоятельную жизнь. И ещё там шёл разговор о том, как было бы хорошо, если бы создать в школе кабинет, посвящённый вопросу «Кем быть?».

Пока говорили о романтике и о вступлении в жизнь, всё шло превосходно. Потому что никакие разговоры ничего не стоят в материальном отношении. А кабинет — стоит. Для создания его понадобились деньги. А денег на него в школе не было. Не полагалось по смете.

Тогда старшеклассники сказали:

— Мы пойдём на товарную станцию разгружать арбузы. За это нам заплатят деньги, которые нам нужны для создания замечательного кабинета, посвящённого острому вопросу «Кем быть?».

Вот тут-то и началось самое настоящее.

— Как? — закричали одни. — Мы стремимся к светлым далям, а вы тащите нас арбузы разгружать?

— Не говорите глупостей, — говорили другие, — вы уже довольно здоровые парни, чтоб заработать что-нибудь собственными руками. Вы же всё время треплетесь о трудовом воспитании!..

— Что вы сравниваете! Трудовое воспитание — это одно, а разгрузка арбузов — это другое.

— Как это — другое?

— А так! Арбузы — это взаправду! За трудовое воспитание денег не дают, а за арбузы — дают. А деньги развращают. Тем более в раннем возрасте.

— А паразитство в раннем возрасте не развращает? Неужели вам не стыдно тянуть со своих предков по рублю на школьные нужды, вместо того чтобы самим эти рубли заработать?

— А мы ещё маленькие…

— Какие вы маленькие? Вам уже по семнадцать лет, вы уже на электробритвы заритесь! Романтика! Самостоятельность! Мы и без вас управимся!

И, конечно, управились бы. Но этих ребят просто никуда не пустили. Шут с ним, с кабинетом, шут с ним, с острым вопросом «Кем быть?» — лишь бы не нарушать счастливое детство. Понимаете, когда семнадцатилетний рабочий «вкалывает» у станка — это вроде правильно, а когда школьник хочет подработать даже для школьных нужд — это уже нарушение счастливого детства. Интересно знать, когда мы избавимся от этой нахлебнической морали?

Вот вам и «чистые» и «нечистые», вот вам и «скромные» и «нескромные».

Никакая это не романтика. Это просто пошлость — общедоступный заменитель собственных вкусов, взглядов и стремлений, на которой покоится обыкновенная мечта нахлебника без капли человеческого достоинства.

Может быть, в книге для детей даже старшего возраста не следовало бы писать об этом. Но я почему-то убеждён, что из детей обязательно получаются взрослые.

Во всяком случае, я ещё не встречал ни одного взрослого, который в своё время не был бы ребёнком. Мне кажется, что дети старшего возраста и взрослые младшего возраста — это в какой-то мере одно и то же. И знать, что такое пошлость, лучше раньше, чем позже.

И пока ангелы воркуют своё голубиное слово, я хочу сказать без всяких обиняков:

— Милые голуби! Романтика — это только название прекрасной жизни. А сама прекрасная жизнь достигается при помощи труда — настоящего, результативного.

И ни от какого звонкого названия ничего, кроме названия, вы не получите и будете плакать. Это мама вам простит ваше легкомыслие, потому что она мама. А жизнь вам ни «простит», ни «не простит». Ей не перед кем отчитываться. Вас у неё много-много. И у неё достаточно работы. Вот как обстоят дела. И никакие заклинания здесь ни при чём.

Писателем становится не тот, у кого есть красивая авторучка, а тот, кто не может не писать, пусть и некрасивым карандашом.

И только в этом случае у вас что-нибудь получится.

И тогда никакой чёрт, существующий для конфликтов, не остановит вас. Более того, вы будете скучать без этого чёрта и гнать в шею ангелов с их медными словами и паразитическими склонностями.

Потому что, если всё так легко и просто, как повествуют ангелы, стоит ли вообще кипятиться и махать руками?

ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАНИНА

Опись имущества. Как обозлился добрый волшебник. Мир съедобен. Раненый лебедь. Белозубая техника. Снова — этический стандарт. Случай с Диогеном. Матч «Спартак» — «Динамо»

В одном ведомстве за небольшим столиком сидела миловидная девушка и, согласно роду своей деятельности, задавала вопросы посетителям. Вопросы касались года рождения, пола, образования и других довольно примитивных вещей, из которых состоит наша биография. Посетители были молоды, жизнеописание каждого вполне уместилось бы на маленькой девичьей ладошке, и дело у девушки шло легко, без запинки.

В таких случаях очень хочется, чтобы к столу подошёл человек о двух головах, или коренной марсианин, или хотя бы автор песенки «Вперёд, геолог, ибо путь наш долог». Хочется, чтобы кто-нибудь развлёк бедную девушку своим неожиданным появлением, чтобы она подняла свои прекрасные глаза и удивилась.

И вот марсианин пришёл.

Это был очень молодой человек, застенчивый, как все молодые марсиане, попадающие в земное присутствие. Он назвал своё имя, свой юный возраст и проявил полную готовность отвечать.

— Знание языков? — спросила девушка, не поднимая головы.

— Английский, немецкий, французский, — тихо ответил марсианин, — испанский, португальский…

Девушка писала. Молодой человек скромно вздохнул и продолжал:

— Китайский, японский, арабский, персидский…

После этого он ещё раз вздохнул и умолк.

— Ещё какие? — сурово спросила девушка, не поднимая головы и беря дополнительный листок.

И тогда тихий, скромный, застенчивый посетитель растерялся. Всю свою молодую жизнь он изучал языки. Он знал языков почти столько, сколько у него было сознательных лет жизни. Его знания поражали специалистов. С ним здоровались за ручку седовласые филологи. И вот напротив сидит юное существо, перед которым ему стало как-то неловко за всю свою бесцельно прожитую автобиографию.

— Ещё какие? — жёстко повторило существо. — А не знаете больше, так и скажите…

И марсианин горько раскаялся в своём лингвистическом невежестве.

Слушайте, милая девушка! Да поднимите же вы голову и хоть посмотрите на человека, изучившего столько языков! Ведь не каждую секунду подходят к вашему столу такие оригиналы! Но девушка не подняла головы. Она писала. Писала старательно, как будто составляла инвентарную опись.

Всё у неё было, у этой чудной девушки, — прекрасный носик, дивные руки, замечательные кудри. Были у неё юность, здоровье и спортивная фигура. Не было только одного — умения поднять глаза и удивиться.

Она была равнодушна.

В дни, когда был послан вымпел на Луну, я плыл по Каме. Осенних пассажиров было немного, и все они были очень почтенные люди. Я обращаю внимание на их почтенность затем, чтобы подчеркнуть, как они метались по палубам, как они спорили, как они ждали обещанных двенадцати часов ночи, когда должно было произойти это событие.

…И когда наступило одиннадцать часов вечера, радист выключил приёмник.

Почти полная луна лениво и нелюбопытно глядела со своей орбиты. Дул нижесредний ветерок.

В общем, природа выполняла инструкцию привычную, не требующую от исполнителя ни эмоций, ни вдохновения, ни слёз, ни жизни, ни любви.

Пароходный радист тоже выполнял инструкцию. И если в природе всё совершалось по каким-то общим указаниям, то у радиста указания были весьма определённые: трансляция местных узлов на транспорте кончается в двадцать три часа.

И радист повернул рукоятку.

Оставался ровно час до события, которого ждали на земле сотни, а может быть, даже тысячи лет. В эти минуты были прокляты все облака в мире, начиная от живописных кучевых и кончая романтическими перистыми. Были осуждены на веки веков все синоптики, как будто они не предсказывали погоду, а делали её.

Планета Земля находилась в том самом состоянии, когда все хотят что-то совершить для общего блага, но никто не знает, что именно…

И только наш радист точно знал, как поступить. У него была инструкция.

Я пошёл в радиорубку. Я не мог отказать себе в счастье

увидеть человека, отличающегося от рода людского железной целесообразностью мышления.

— Слушайте, — сказал я, — неужели вы в самом деле выключаете приёмник?

— Уже выключил.

— Но как же так? — произнёс я, искательно заглядывая ему в глаза. — Сейчас же произойдёт событие, которого ждало всё человечество?

— Какое ещё событие? — заспанно спросил радист.

— Ну как же! Ведь вы уже два дня транслируете передачи о полёте ракеты на Луну! С минуты на минуту она прилетит. Об этом будет специальное сообщение…

— У меня есть инструкция, — холодно ответил парень.

— Ну хорошо, — согласился я. — Пусть инструкция запрещает слушать радио всем пассажирам, оберегая их покой. Но сами-то вы неужели не будете слушать? Неужели это вам не интересно?

— Гражданин, сюда посторонним вход воспрещён! — нашёлся парень. И я, сражённый его находчивостью, удалился.

Мы всё-таки слушали радио. Мы пошли к капитану, и радиста заставили нарушить инструкцию.

Но это чудовищное, космическое безразличие в молодом человеке, в грамотном парне, в парне, который первым узнает новости, как-то подавило нас.

И вот на фоне вселенских дел, на фоне звёзд и орбит, планет и космической пыли просто необходимо говорить о некоторых разумных существах, которые обкрадывают самих себя, о тех, кто словно принял безмолвный обет сделать свою жизнь пошлой,'скучной и тягучей, как касторка.

Наш чистенький, беленький пароход семенил по прекрасной реке. Перед нами вырастал небольшой городок, скрывавшийся за холмом и выставивший в качестве своих ворот дебаркадер.

Это был ужасный дебаркадер. Он был грязен по своему глубокому существу. И наш пароход застонал: ему было страшно подходить к этому дебаркадеру. Он с отвращением отталкивался своими кранцами, он мужественно вырывался на волю, и четыре заспанных дядьки в засаленных кацавейках долго прикручивали его канатами, пока он не затих.

Мне показалось, что в городе с таким дебаркадером не было ни одного молодого человека, ни одной весёлой девушки, ни одной яркой краски…

В мире происходят удивительные вещи. А среди нас ходят заспанные души, которых, как говорится, это всё не греет… Может быть, они заняты собою? Но что означает это самое

«заниматься собою»? Как можно не интересоваться тем, чем интересуется весь мир? Как можно с каменным равнодушием относиться к тому, во что ты одет, к тому, как выглядит твоя улица?

Эти заспанные души встречаются в самых неожиданных местах. Но почему-то они встречаются именно там, где проявить живой человеческий интерес к жизни — ну ровно ничего не стоит. Где нужно только поднять глаза, или задать несложный вопрос, или взять в руки метлу.

Так я опустился на планету номер три, если считать от Солнца…

— Вот видишь, — сказал Такк, — тебе не следовало писать книгу чёрными чернилами. Я тебя с самого начала предупреждал!

— Неужели ты думаешь, этот парень выключил радио оттого, что я пишу чёрными чернилами?

— Конечно! Он же не настоящий! Он же написанный! Настоящий парень никогда не выключил бы в такой момент! И потом, если бы ты не писал чёрными чернилами, пристань, к которой причалил ваш теплоход, выглядела бы красивее и чище. Там встретилось бы много прекрасных юношей и девушек, которые очень любовно озеленяли бы свой маленький, но уютный городок…

— Милый Такк! Разве ты не заметил, что эту главу я писал не чёрными, а голубыми чернилами? Но я писал грустную правду, и поэтому чернила показались тебе чёрными.

— Правда — это то, что приятно слышать. А ты писал неприятные вещи.

— Мне казалось, что правда — это то, что соответствует действительности. Я бы сам очень хотел, чтобы маленький городок, куда я попал, был бы прекрасен. Я даже заранее рассчитывал на это. Но, увы, действительность меня огорчила. Мне сделалось очень грустно. Милый Такк, ты не можешь себе представить, как мне бывает горько, когда я встречаю людей, безразличных к своей жизни и своей судьбе. Конечно, по-твоему, не следует говорить о плохом, чтобы не огорчать других. Но тогда уж лучше и самому не огорчаться. Тогда уж лучше быть безразличным и чёрствым. Но скажи мне, что может сказать о жизни безразличный и чёрствый человек? Слова его будут отскакивать от действительности как мячики.

— А ты не будь чёрствым! Ты сам огорчайся сколько угодно, но не огорчай других! Встретил безразличного человека — не рассказывай. Тебя же никто не спрашивает!

— Да, ты прав. Меня не спрашивает никто. Но сам-то я себя спрашиваю? Сто тысяч почему впиваются в моё сердце крючьями

вопросительных знаков. Сто тысяч крючьев, Такк, это очень больно.

— А разве тебе станет легче, если ты огорчишь другого?

— А разве кому-нибудь станет легче, если он закроет глаза на то, чего не хочет видеть? И разве лучше будет на земле, если люди станут закрывать глаза? Разве увидят они жизнь — прекрасную и многообразную? Разве природа хуже от того, что, кроме цветов, она рождает ещё и чертополох? Ты думаешь, что одни люди видят жизнь только в тёмных тонах, а другие — только в светлых? Может быть, ты и прав. Такие люди мне встречались. Но как они убоги — и те и другие! Как они обкрадывают себя своей странной слепотою! Как они обманывают себя и как привыкают к самообману!.. Не бойся, Такк! Жизнь прекрасна и удивительна, как сказал поэт и как оно есть на самом деле. Но она очень конкретна. Она вся состоит из отдельных случаев. И случаи эти поддаются обобщениям. И, поразмыслив над обобщениями, человек приходит к единственному выводу: жизнь — одна и кроме неё ничего у человека не было, нет и не будет.

Тикк не принимает участия в разговоре. Может, он опять поссорился с Такком, кто его знает. А я продолжаю свою книгу потому, что время, отпущенное человеку на жизнь, тоже не резиновое, и не считаться с этим могут только одуванчики или стрекозы…

Один волшебник рассказывал, как к нему пришли гости. Пришли и сели играть в карты. Конечно, странно прийти к волшебнику играть в карты. Но что было, то было. Известны случаи, когда к волшебникам ходят просто забивать козла. Ну ладно…

А волшебник был добрый. Он хотел сделать своим гостям приятное. Вот он взял своего чёрного волшебного кота и что-то ему сказал. И чёрный кот стал читать стихи. Он читал с чувством и даже делал лапой различные возвышенные жесты.

— Подвывает немного, — равнодушно сказали гости и продолжали играть.

Они даже не спросили, чьи стихи кот читает.

Тогда волшебник вздохнул и снова что-то сказал коту. Кот улыбнулся, снял со стены флейту и начал нежную мелодию.

— Ноту ля-бемоль не вытягивает, — сказали гости и продолжали играть.

Волшебник вздохнул ещё раз и ещё раз сказал что-то коту.

И кот, повесив флейту на место, стал летать по комнате, как птица.

— Припадает на одно крыло, — равнодушно сказали гости и

продолжали играть.

И тогда кот заплакал от обиды.

— Ревёт, как маленький… — равнодушно сказали гости.

Тут, конечно, добрый волшебник разозлился. Он сделал так, что карты смешались и все гости проиграли друг Другу.

— Как же так? — возмутились они. — Кто мошенник?

— Ты мошенник!

— Нет, ты мошенник.

— Нет, ты!

И они принялись тузить друг друга.

А хозяин с удивительным котом стояли в сторонке и грустно смотрели на эту неприглядную сцену.

И, насмотревшись, волшебник превратил их всех в гусей, поскольку гуси равнодушны ко всему, что не угрожает их мелким интересам.

Мне очень жаль людей, которые равнодушны ко всему, что не касается их мелких интересов. Потому что личные интересы гораздо шире, чем кажется. Конечно, можно смотреть на всё, что тебя окружает, как на что-то съедобное. Мир, конечно, съедобен. Из деревьев можно делать костры, а на кострах можно жарить лебедей. Но деревья и лебеди, кроме насыщающего свойства, обладают ещё одним: они просто красивы. Интерес к этому свойству может быть тоже личным. Равнодушие делает жизнь плоской и однозначной. Ну поспал (надо же спать!), ну поел (надо же есть!), ну повозился на кухне (надо же себя куда-нибудь девать!). Было бы очень странно, если бы мы говорили о природе, скажем, так:

«В древесном массиве находилось четыреста двенадцать тысяч кубометров дров. Его омывал водоём, несущий пятьсот киловатт-часов энергии. А в водоёме находились рыбопродукты весом в тринадцать килограммов на сто кубометров воды. Эти рыбопродукты давали промышленный выход сырья для консервной промышленности по девять килограммов на сто кубометров. Над водоёмом летали пернатые — всего до шестидесяти видов, среди которых промышленное значение имели восемнадцать видов…»

Это я описал Волгу. Или Днепр. Или Енисей. Красиво?

Можно было бы описать таким же образом и бескрайние океаны, и синие небеса, и зелёные просторы лесов. И надо сказать, есть люди, примерно так и представляющие себе природу. Конечно, можно было бы их пожалеть — и дело с концом. Но эти люди ведут себя в природе, исходя из своих взглядов. Им жаль только того, что не попало в ихний суп. Их увлекает только то, что годится к употреблению.

Плыл в океане раненый лебедь.

Кто его ранил — неизвестно.

Шёл по океану сейнер. И крутился на этом сейнере локатор. Великое приспособление — локатор. Ничто не ускользнёт от его внимательного взора. Ни остров, ни корабль, ни шлюпка, ни раненый лебедь. Техника! Ему, локатору, всё равно, что замечать.

А людям — не всё равно.

И люди при помощи новейшей техники обнаружили маленькую точку. Они взяли прекрасный бинокль, приближающий предметы, и посмотрели через него туда, куда указывал прекрасный локатор.

— Лебедь! — крикнул вахтенный. — Раненый лебедь!

Он видел в свой изумительный бинокль каждое пёрышко.

А у лебедя не было ни локатора, ни бинокля.

Вахтенный велел спустить шлюпку. Шлюпка была с мотором, а у лебедя мотора не было. Он плыл, тяжело гребя лапами, и от натуги припадал к воде. Он не мог взлететь, а люди мчались к нему при помощи своей замечательной техники.

Шлюпка разбивала просмолённой грудью волны. Она подскакивала от нетерпения и избыточной силы, которой была снабжена.

И лебедь почувствовал беду. Он напряг последние силы, но уйти от шлюпки не мог. И тогда он нырнул. А шлюпка закружилась над ним, и люди, сидевшие в ней, радостно закричали:

— Ничего! Вынырнет! Дыхнуть захочет — вынырнет!

Они сторожили воздух, который понадобится лебедю. Они весело ждали, держа наготове палки.

Но лебедь не сдавался. Он вынырнул как мог далеко. А шлюпка гонялась за ним, гогоча во все находившиеся в ней глотки. Раненая птица боролась за свою жизнь. Игра шла не по правилам. Птица не могла взлететь, воспользовавшись своим единственным преимуществом, а люди могли ждать, пока она обессилеет. Они сидели в сухой лодке, у них был мотор.

И силы птицы иссякли, она припала к воде и закричала. Её последний крик обрадовал людей. Они устали ждать, пока она устанет. Они сожгли много бензина. Их ждали с добычей на корабле. И они весело взмахнули палками…

Стоило всё-таки изобретать локаторы, делать бинокли, строить двигатели внутреннего сгорания и добывать бензин!

Потом кок изжарил лебедя в своём прекрасном камбузе. Кок, да ещё на камбузе, — это звучит очень романтично. Жаль, что камбуз был на сейнере, а не на бригантине. Было бы ещё романтичнее.

Ах романтика, романтика! Как увлекательно звучат твои бронзовые слова!

Ну и что? Они присели в кубрике (тоже романтическое слово!), ткнули вилкой, поморщились и выкинули лебедя за борт.

А потом их всех обсуждали в пароходстве.

— Мы же заплатили штраф! — кричал капитан, когда его стыдили.

Он не понимал, чего от него хотят. Он привёл последний довод в свою защиту:

— Мы же его не кушали!

Действительно, как можно ругать человека, убившего раненую птицу, если он её не слопал?

Нет, друзья мои, быть человеком не так просто. Для этого мало пользоваться техникой. Научить крутить мотор можно и медведя, вы это видели в цирке. Но ни один порядочный зверь не кинется на живое существо, если он сыт и ему не угрожает опасность.

Ах романтика! Возвышенное чувство!

А ведь нужно просто уметь удивляться даже в тех случаях, когда предмет удивления непригоден в пищу.

Конечно, вооружась техникой, можно напозволять себе практически что угодно.

Во дворе валили дерево. Большущий вяз.

Вяз дорастал до шестого этажа нового дома. Этот дом только что выстроили, и он сверкал чистыми окнами на все четыре стороны света. А вокруг дома были разлинеены газоны и дорожки. И одна дорожка шла прямо через вяз. Если пустить её в обход — получится не очень прямоугольно.

И комиссия, которая должна принять от строителей новый дом, возможно, придралась бы к этому недостатку. А возможно, и не придралась бы. Может быть, ей настолько понравился бы старый вяз, что она залюбовалась бы им и не заметила некоторое отклонение дорожки от плана.

На всякий случай вяз решили убрать: а вдруг комиссия не залюбуется и поставит строителям тройку вместо пятёрки? А им нужна была только пятёрка…

Сначала вяз пробовали топором. Это было долго. Часы шли, а дерево стояло. Потом принесли пилу с крокодильими зубьями. Поводили взад-вперёд, отложили в сторону. Тоже показалось долго — очень толстое дерево.

Тогда весёлый бульдозерист затарахтел на своём миролюбивом танке, поддел разик и вывалил из земли корни. Техника!

Теперь, конечно, никто не придерётся. Всё стало под

линеечку. И бульдозерист улыбнулся крепкими белыми зубами:

— Тюкали бы своим топором, каб не я!

Он — механизатор. Он проводник прогрессивных методов преобразования местности. У него в руках — рычаг от силищи в сто пятьдесят лошадиных сил. И даже больше. Потому что сто пятьдесят лошадей — это целый табун, с которым один человек не управится, а бульдозер — комплектная машина. Куда направил — туда и пошла. И никакого в ней лошадиного своеволия нет.

Я смотрю на прекрасного бульдозериста. — молодого, весёлого и счастливого. Замечательный парень — что рост, что плечи. Руки играют мускулами, а в глазах — небесная чистота. Чудный парень, который сильнее прочих людей на целых сто пятьдесят лошадиных сил.

Дом строили полгода. При помощи кранов и грузовиков. Это вам не тяжёлый труд старых каменщиков. Это поднял руку — вира! И пошёл наверх контейнер с кирпичом. Майна! И пошёл кран за раствором.

А дерево росло полвека. Оно начало расти, когда ещё не было кранов, были лошади и не было бульдозеров. Теперь оно лежит. Бульдозерист присел на него, попружинил, закинул ногу и уселся верхом, шлёпая ладонью по тёплой коре:

— Порядок!

Он достаёт папироску «Беломор», разминает её и подмигивает мне.

Но меня пугает яснозубая улыбка бульдозериста:

— Тебе его не жалко, парень?

— Другие вырастут! Вон, видал, привезли саженцы. После обеда закопаем — и вся недолга…

— Но сколько они будут расти?

— Подумаешь! Нам надо сдать участок к сроку. Работаем только на отлично!

Действительно, дом хороший. Восемьдесят квартир — сколько людей обрадуется. И для того чтобы открылись двери этих квартир, нужно было сломать всего одно дерево. Конечно, дерево не загораживало вход. Просто такая была договорённость: дерева не полагается. Вход загораживала договорённость, не дерево.

Я хочу объяснить это весёлому бульдозеристу, да не знаю как. Молча покурив с ним, я иду к себе, сажусь за стол и думаю о том, что ломать, оказывается, так просто. Особенно вооружась могучей техникой. И сваленное дерево печалит меня и омрачает радость, вызванную появлением хорошего нового дома.

— Что ты горюешь?! — спрашивает Такк.

— Но это нерентабельно, Такк. Можно извести на щепки весь лес. Кто скажет, где кончается деловая древесина и начинаются щепки? Кому мешало это дерево?

— Как — кому? Оно не было предусмотрено!

— Но ведь оно — было! Ещё не было и в помине людей, которые будут жить в новом доме, а дерево уже росло! Оно было красиво. Оно шелестело листвой, в его ветвях могли бы петь птицы… И тем, кто будет жить в новом доме, было бы приятно их слушать. Разве этого не достаточно, чтобы иначе нарисовать план двора?

— Не горюй, — говорит Такк, — полсотни лет — сущие пустяки. Вырастут новые деревья ещё лучше старых.

— Для тебя, конечно, пустяки. Ты видел тираннозавров. А я уже такого вяза не увижу…

— Ты думаешь только о себе! — начинает сердиться Такк. — Ты должен радоваться, что будущие люди увидят красивые деревья, посаженные под линеечку!

— Но неужели из-за этого нельзя сохранить хотя бы одно, растущее само по себе?

— Понимаешь, — неожиданно вставляет Тикк, — велик соблазн. Когда в руках у тебя машина, как не воспользоваться? И вообще, если ты сильнее, почему бы тебе не поиграть силой? Бульдозер сильнее дерева, автомобиль быстрее пешехода, техника сильнее природы… Техника, конечно, начинала новые эры и новые эпохи. Она резко изменяла производственные отношения людей. Она меняла этический стандарт. Однако, насколько я помню, люди были заняты своими обыденными делами и удивлялись с некоторым опозданием. И вообще они удивлялись довольно часто невпопад…

— Обидно, — сказал я, и Тикк неожиданно рассмеялся.

— Слушай, Такк! Ты помнишь Диогена?

— Какого? Который в бочке жил? Конечно, помню. Ты ещё сыграл с ним злую шутку по своему обыкновению.

— Тикк! — строго спросил я. — Что ты сделал с Диогеном?

— Фонарь стащил.

— Какой фонарь?

— Ну он ходил днём с фонарём. У него спрашивают: «Диоген, Диоген, что ты ищешь днём с фонарём?» — «Человека ищу». И все люди страшно удивлялись. А я у него фонарь стащил. Вот он ходит без фонаря. У него спрашивают: «Диоген, Диоген! Чего ты ищешь?» — «Фонарь, говорит, ищу!»

И все сразу перестали удивляться.

— Значит, это ты украл у Диогена фонарь?

Тикк скромно опускает глаза:

— Было дело…

— Тикк! Ты нехорошо поступил с Диогеном[14]. Ты нарушил правила игры и поставил его в смешное положение.

— Нет, — сказал Тикк, — я не хотел его ставить в смешное положение. Я хотел поставить в смешное положение тех, кого удивляют поиски Человека. А ведь это так естественно — искать Человека и так неестественно красть фонари… Но, увы, я ошибся…

— Да, — сказал я, — ты ошибся. Ты сделал опыт на довольно ранней стадии развития, и тебя не поняли…

Это, оказывается, очень важно — уметь удивиться вовремя. Это, оказывается, не так просто. Ну что стоило удивиться девушке, встретившей марсианина? Может быть, жизнь её от этого была бы интереснее… Ну что стоило тем морякам удивиться мужеству раненой птицы, а не ловить её при помощи локатора? Может быть, они бы вылечили её и стали бы добрее… Ну что стоило бульдозеристу удивиться красоте вяза?! Может быть, его удивление передалось бы тем, кто планировал домовый участок, и вяз остался бы цел… Ну что стоило людям не удивляться тому, что Диоген ищет Человека? Может быть, они помогли бы ему на свою собственную пользу…

И как будет хорошо, если в самый момент борьбы за кубок между «Спартаком» и «Динамо» на стадион опустится Межпланетный корабль, из которого выйдут посланцы далёких миров, и стадион, вместо того чтобы закричать: «Хулиганов — с поля!» — ничего не закричит, а удивится, что бывают на свете события ещё более значительные, чем решающий штрафной удар по футбольным воротам…

ЭПИЛОГ

— Ну вот, — сказал Тикк, тронув носком башмачка тоненькую стопку чистой бумаги, которая ещё совсем недавно была толстой, — дело идёт к концу. Песок времени просыпался сквозь отверстие дела, как выразился один мой знакомый историограф лет семьсот назад. Ты забрался в дебри настоящего, а из этого лабиринта ещё никто не выбирался при жизни. Самая лучшая капля чернил — это та, которой пишут первую букву. Но та, которой пишут последнюю, тоже ничем не хуже. Ты поставишь точку и понесёшь свою книгу в издательство, а мы с Такком отправимся дальше, потому что время не ждёт.

— Жаль, — говорю я, — могли бы подождать, пока я вернусь из издательства. — Куда же вы теперь, ребята?

— Мы уходим дальше. Тебе очень интересно, что скажут в издательстве через час, а нам очень интересно узнать, что будет дальше — через сто лет и через тысячу. У каждого — свои интересы. Мы с тобой поставлены в неравные условия. Мы видели то, чего не видел ты, и увидим то, чего ты не увидишь… А впрочем, в одном мы с тобой равны: и ты, и мы не видели ещё завтрашнего дня. Будь здоров и весел! Пока!

— Позвольте, ребята, вы противоречите самим себе! Вы же предсказываете только прошлое и не интересуетесь будущим!

— Как бы не так! — возражает Тикк. — Ведь выдумал нас ты? Стало быть, выдумал по модели, которой располагаешь? И если будущим интересуешься ты — так мы тоже не можем им не интересоваться. Сначала мы старались вести себя так, как ты нам предписал. Но мы же развивались! И вышли из рамок твоих предписаний. Так всегда бывает. До свиданья!

— До свиданья, ребята… Я очень привык к вам за это время. Вы очень помогли мне в работе.

— Время всем помогает в работе.

— Вы очень обнадёживали меня, когда я сомневался.

— И этому помогает время.

— И ещё вы развлекали меня играми, когда я уставал, и напоминали, что пора потехи миновала и наступил час дела.

— И этому помогает время.

— Я слушал ваши рассказы и видел эпохи радостные и эпохи мрачные…

— Разве? Ты плохо слушал. Эпохи были только такие, какие были. И в радостное время люди, бывало, плакали, и в жестокие времена люди, бывало, смеялись. Но смеялись они всё-таки чаще потому, что никогда не жили без надежд…

— Наверно, вы правы… Я привык к вашим спорам и потасовкам, к вашим голосам и даже к вашим костюмчикам, которые так вам к лицу.

— О! Это мы нарядились для тебя. Мы надели на себя цвета, которые появились во времена, когда люди поняли, что могут быть равны от рождения. Это было очень важно потому, что всё происходившее потом было посвящено борьбе за свободу и равенство. Мы могли бы вырядиться и в шкуры, и в тоги, и в латы. Но в этих одеждах теперь трудно работать — в шкуры набивается слишком много пыли, тоги чересчур величественны, а латы тяжелы и бессмысленны. Впрочем, мы оставим тебе на память наши костюмчики и даже шпаги, если хочешь. Такк!

Такк, молча сидевший на пепельнице, подперев голову руками, медленно встал и вздохнул.

— Такк, — сказал Тикк, — раз, два, три!

При счёте «три!» на них оказались лёгкие комбинезоны и рубашки с закатанными рукавами. Они взялись за руки и, подмигнув мне, пошли в открытое окно по воздуху. Тикк и Такк…

Тик-так, тик-так, тик-так…

Время оставляет дела, свидетелем которых было.

Тик-так, тик-так, тик-так…

Время оставляет на память одежды, в которых являлось.

Тик-так, тик-так, тик-так…

И уходит дальше, готовое к новым трудам…

А человечество растянулось по пути к прогрессу в довольно порядочную очередь. Где-то там, впереди, маячат наши современные Аристархи и Героны; где-то там, позади, плетутся наши современные Микерины. Мы же с тобой находимся в той славной когорте, которая поднялась до такого уровня, когда уже совершенно ясно, что перед словами «что», «когда» и «который» нужно ставить запятую.

Мы шутили с тобой на ста пятидесяти семи страницах. Шутки эти были удачными и были неудачными, потому что человек даже в шутках не убережён от заблуждений…

Многое, что казалось когда-то истиной, вызывает сегодня нашу улыбку, многое, что вызывало улыбку когда-то, кажется нам сегодня истиной.

И все, кто боялся потерять имеющееся, настораживались против шутки.

Дорога, по которой мы движемся, идёт из прошлого в будущее, и другой дороги на свете нет. Может быть, эту дорогу следует назвать дорогой к истине, во всяком случае, ещё никто не утверждал обратного. И если это действительно так, в чём лично я не сомневаюсь, — вся задача идущего заключается в том, чтобы

не завязнуть в глине заблуждений. Человечество похоже на автопоезд, который кладёт перед собою рельсы, чтобы проехать дальше. Рельсы делаются сегодня, и шпалы делаются сегодня, песок для насыпи добывается в сегодняшних карьерах. Люди живут не для того, чтобы готовиться к завтрашней жизни, а для того, чтобы жить сегодня сразу, едва ступив на эту прекрасную землю. Люди живут в то время, в какое живут, и надо очень считаться с этим непреложным фактом…

Многое выяснилось с тех пор, как человек живёт на земле. И многое ещё выяснится. И автор заранее радуется этому, поглядывая в будущее через своё открытое окно.

И когда выяснится, например, что человек произошёл вовсе не от обезьяны, автор просит, чтобы его никак не считали каким-нибудь ретроградом с отсталыми взглядами. Потому что автору, по правде говоря, совершенно безразлично, из какой твари получился человек, а важно ему только одно — чтобы человек не стал снова деревом, или камнем, или амёбой.

Человек снял с неба звезду.

Звезда была горяча, как печёная картошка.

Человек перебрасывал её с ладони на ладонь и, обжигаясь, радовался.

И вдруг он услышал за спиною недовольное ворчание:

— Поклади назад казённую вещь!

— Нет! — сказал Человек…

Вот, вероятно, с чего и началась вся эта дорога…

Нас ждёт будущее, и нас удерживает прошлое. Дорога истории идёт через овраги и горы предрассудков. И нам приходится пробивать тоннели и строить мосты. Мы оглядываемся на проделанную работу и расстаёмся с прошлым, вытирая пот тыльной стороной ладони и радуясь, что работа сделана. Мы вспоминаем своих предшественников и чтим их высокие усилия. Мы расстаёмся с прошлым весело, потому что способны преодолеть силу его притяжения. И тот, кто не способен преодолеть эту силу, страшится нашего веселья, потому что не свободен от предрассудков.

Человечество расстаётся с прошлым смеясь — это наблюдение сделано в прошлом. Но мы уносим его с собою, не бросая, а бережно храня, как испытанный инструмент, без которого в работе ни шагу.

Среди многих наблюдений, которые мы бережём, есть одно, которое ещё никогда не опровергалось жизнью: улыбка — спутник свободы. Рабство насупленно и мрачно, свобода улыбчива и ясна. И много крови истратило человечество, чтобы заплатить за свободную улыбку.

Этим, пожалуй, мне и следует закончить свою книгу…

notes

Примечания

1

Тираннозавры — ископаемые ящеры, вымершие много миллионов лет назад; крупнейшие хищники, когда-либо существовавшие на земле. Высота — 9 метров, длина — 15. Особенно велик был череп — 2 метра. Несмотря на эти величественные габариты, тираннозавры были всего только пресмыкающиеся с довольно слабой понятливостью. Видимо, это повлияло иа впечатлительного Тикка, который ошибочно помнит их головы крошечными.

2

Микерин — древнеегипетский царь, или, проще говоря, фараон. Жил давно. Посреди третьего тысячелетия до нашей эры.

3

Практицизм — деловитость, пренебрежение к теории, склонность к одной только практической деятельности. Известно ещё неодобрительное значение этого слова: умение устраивать свои личные делишки. Вероятно, Такк не имел в виду это значение потому, что какие там личные делишки могут быть у Тикка, который имеет претензии ко всему человечеству в целом.

4

Александрийская библиотека — величайшее собрание рукописных книг, древности. Говорят, насчитывала семьсот тысяч томов. Была основана в III веке до н. э. В 48 году до нашей эры значительную массу книг истребили римские легионеры. Ими руководил довольно культурный полководец Кай Юлий Цезарь, который, будучи сам писателем, знал, как обращаться с книгами. Далее библиотеку усердно жгли в IV веке уже нашей эры фанатики-христиане. При этом они говорили: «Всё, что нам надо, написано в Писании, а чего там не написано, того нам не надо. Жгите, не сомневайтесь». Но всё-таки немного книг ещё осталось. И тогда, чтобы покончить с данным вопросом, в VIII веке библиотеку окончательно дожгли фанатики-магометане. При этом они говорили: «Жгите, не сомневайтесь. Всё, что нам надо, написано в Коране, а чего там не написано, того нам не надо». Отсюда мы должны сделать вывод, что одну и ту же мысль можно выразить на разных языках.

5

Аристарх Самосский — древнегреческий астроном. Жил и работал в конце IV — начале III веков до н. э. Считал и учил, что Земля движется вокруг Солнца, как обыкновенная планета. Сохранился единственный труд его «О величине Солнца и Луны и расстояниях между ними». Но и этого труда было вполне достаточно, чтобы Аристарха считали два тысячелетия подряд крупнейшим еретиком.

6

Ктесибий — древнегреческий механик, изобретатель из Александрии. Жил и работал на грани II и I веков до нашей эры. Лучший друг пожарных всего мира, поскольку сконструировал двухцилиндровый ручной насос, имеющий все детали современного. Изобретение спидометра для такого человека было сущим пустяком.

7

Эратосфен — древнегреческий учёный, родился в 276, скончался в 194 году до н. э. Очень разносторонний учёный. Он заложил основы математической географии, впервые измерил дугу земного меридиана, занимался всеми существовавшими в его время науками. Несмотря на такую загруженность, увлекался литературой и, говорят, даже написал исследование о древней комедии. Впрочем, это можно объяснить отчасти тем, что он прожил 82 года.

8

Герои Александрийский — один из самых выдающихся инженеров древности. Жил и работал между 150 и 100 годами до н. э. Он был одним из первых преподавателей технических наук, конструкторского дела и архитектуры. Обладал блестящими знаниями по всем предметам, которые преподавал.

9

Стратег — военачальник в государствах Древней Греции. Лицо весьма значительное и влиятельное. Но архистратег, наверно, был ещё главнее.

10

Эхнатон — египетский фараон, находившийся у власти в 1418–1400 гг. до и. э. Настоящее его имя Аменхотеп Четвёртый. Конечно, «четвёртый» означает его порядковый номер, а «Аменхотеп» переводится как «Угодный богу Амону». Но бог Амон и вся жреческая клика, прислуживающая ему, были неугодны Аменхотепу. Они тормозили развитие общества. Они сжимали его в тисках отсталости. И мужественный Аменхотеп отверг этого бога и вступил в беспощадную борьбу против рабовладельческой знати. Он повелел считать единым богом Солнечный Диск, который назывался Атон. И нарёкся «Эхнатон», что означает «Угодный богу Атону». Таким образом, мы видим, что не люди бывали угодны богам, а совсем наоборот — боги бывали угодны или неугодны людям…

11

Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан) — римский император. Родился в 332 году, погиб в 363, когда ему исполнился всего тридцать один год. Прозвище «Отступник» получил от правящей христианской церкви кг-л позорное. Но правящие клики клеймят позором, главным образом, хороший людей. Что и подтверждается случаем с Юлианом Отступником.

12

Сократ — древнегреческий философ. Родился около 469 г. до н. э. Прожил около 7 О лет. Сведения о Сократе нам известны от его ученика, великого философа Платона, который был таким же идеалистом. Платон, например, считал, что если каким-нибудь древнегреческим государством станет управлять правитель-философ, так всё в этом государстве будет прекрасно. Платону повезло, поскольку в Сиракузах объявился такой правитель, тяготеющий к философии, некто Дионисий I. Платон очень обрадовался и стал проводить с этим прекрасным Дионисием беседы согласно своему учению. Кончилось это тем, что Платона связали без особого шума и продали в рабство. Выкупил его на свободу один хороший человек, случайно узнавший Платона. На основании этой истории некоторые делают справедливый вывод, что идеализм есть ошибочное мировоззрение…

13

См. сноску № 3.

14

Диоген из Синопа — философ, родился около 404, скончался в 323 году до н. э. Был ещё один философ Диоген — из Аполлонии. Он жил лет на сто раньше. И ещё один философ Диоген — Лаэртский. Этот жил лет на ста позже. Отсюда можно сделать вывод, что каждое столетие рождало по Диогену. Человечество запомнило главным образом Диогена из Синопа. Возможно, из-за того, что он проживал в бочке.